

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

16+

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 30, № 2, 2022 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 119

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издаётся с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 30, No. 2, 2022 (April – June)

Continuous issue 119

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

**e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>**

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), крупнейшем агрегаторе научных ресурсов ведущих издательств мира EBSCO, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии

5.5.4. Международные отношения

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *EBSCO*, the largest aggregator of scientific resources of the world's leading publishing houses, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph. D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and National Economy Management

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political Institutions, Processes and Technology

International Relations

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, и. о. ректора Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионалогии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.i.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – профессор Тюменского государственного университета, главный редактор журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Нур-Султан, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – **Editor-in-Chief**, Acting Rector of National Research Mordovia State University, Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Natalya L. Antonova – Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Full Professor, University of Tyumen, Editor-in-Chief, “Siberian Socium” Journal, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Nur Sultan, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

- О. А. Москаленко, А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.) 258

Экономика и управление народным хозяйством

- К. М. Багдасарян. Эволюция генеральной системы предпочтений 278
- Н. Н. Семенова, А. Ю. Аверин. Оценка эффективности государственной поддержки страхования в сельском хозяйстве России 299
- Т. Н. Поддубная, Е. Л. Заднепровская. Яхтенный туризм на Азово-Черноморском побережье России как фактор туристской привлекательности региона 324

Экономическая социология и демография

- Р. Ю. Скоков, А. Ф. Рогачев. Человеческое развитие и потребление алкоголя: состояние и взаимосвязь в российских регионах 342
- А. В. Щипцова, И. Е. Поверинов, Е. А. Ильина. Интеграция университета в процесс цифровой трансформации экономики и социальной сферы региона 359
- О. В. Рогач, Е. В. Фролова. Региональная специфика развития туристского потенциала: социологический анализ 383

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, М. Афзали, Е. А. Ирсетская. Межкультурные браки в условиях трансформации модели семьи: на примере России и Ирана (на англ. яз.) ...405
- Ч. И. Ильдарханова, В. А. Гневашева, А. Р. Абдульязнов, О. Р. Пятинина. Влияние религиозной идентичности мужчин на формирование института отцовства ... 424
- О. А. Богатова, Е. И. Долгаева. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации 447
- В. П. Воробьев, С. Г. Ивченков, Е. В. Еремина, В. Н. Ретинская, И. А. Мурзина. Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации 470

- Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 492

- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 494

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

- O. A. Moskalenko, A. A. Irkhin, N. E. Kabanova.** The Black Sea Region as a Conflict Space in the Discourse of Foreign Think Tanks of 2018–2021 258

Economics and Management of National Economy

- K. M. Bagdasaryan.** Evolution of the Generalized Scheme of Preferences 278
- N. N. Semenova, A. Yu. Averin.** Assessment of the Effectiveness of State Support for Insurance in Agriculture in Russia 299
- T. N. Poddubnaya, E. L. Zadneprovskaya.** Yacht Tourism on the Azov-Black Sea Coast of Russia as a Factor of Tourist Attractiveness of the Region 324

Economic Sociology and Demography

- R. Yu. Skokov, A. F. Rogachev.** Human Development and Alcohol Consumption: State and Relationship in Russian Regions 342
- A. V. Shchiptsova, I. E. Poverinov, E. A. Ilyina.** Integration of the University into the Process of Digital Transformation of the Regional Economy and Social Sphere 359
- O. V. Rogach, E. V. Frolova.** Regional Specificity of Tourism Potential Development: Sociological Analysis 383

Social Structure, Social Institutions and Processes

- T. K. Rostovskaya, O. V. Kuchmaeva, M. Afzali, E. A. Irsetskaya.** Cross-Cultural Marriages in the Context of the Transformation of the Family Model: Russia and Iran ... 405
- Ch. I. Ildarkhanova, V. A. Gnevasheva, A. R. Abdulzyanov, O. R. Pyatinina.** The Influence of Men's Religious Identity on Fatherhood Institute Formation 424
- O. A. Bogatova, E. I. Dolgaeva.** The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation 447
- V. P. Vorobev, S. G. Ivchenkov, E. V. Eremina, V. N. Retinskaya, I. A. Murzina.** Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information 470

- Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)** 492

- Information for Authors and Readers of the Journal (in English)** 494

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 323:327.56

DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.)

О. А. Москаленко ✉

А. А. Ирхин

Н. Е. Кабанова

Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Российская Федерация)
✉ kerulen@bk.ru

Аннотация

Введение. Усиление субъектности России в Черноморском регионе делает его центром западной медийной и экспертно-аналитической повестки. С точки зрения авторов статьи, Черноморский регион в дискурсе западных «фабрик мысли» представляется в качестве пространства конфликта, что обуславливает цель статьи – по результатам проведенного исследования определить механизмы его метафорического конструирования в таком качестве.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили доклады 2018–2021 гг. ведущих западных аналитических центров, разрабатывающих проблематику региона. Методологической основой является системный подход, позволяющий сочетать методы политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Методы дискурс-анализа применяются для интерпретации материалов зарубежных экспертно-аналитических центров и на основе определения доминирующих метафорических моделей в дискурсе конфликта Черноморского региона рассматривают вероятные сценарии поведения основных акторов в регионе.

Результаты исследования. Изучены нарративы ведущих американских, европейских и британских экспертно-аналитических центров и выделены основные метафорические модели, характеризующие геополитические процессы в регионе. В американском дискурсе доминирует спортивная метафора и ее подвид, связанный с азартными

© Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

играми: регион воспринимается как пространство состязания, но не войны, о чем говорит отсутствие военной метафоры, которая появляется в нарративах европейских экспертов. Черноморский регион предстает платформой, трамплином для проекции российской силы в Средиземноморье, что реализовано за счет метафор с компонентом *aggressive*. У британцев регион метафоризируется как поле информационной войны.

Обсуждение и заключение. Выделяются два основных типа восприятия Черноморского региона как геополитической единицы американскими и британскими экспертно-аналитическими центрами: американские «фабрики мысли» видят его как пространство глобальной конкуренции великих держав, а Великобритания сделала регион платформой для возвращения на мировую арену Глобальной Британии за счет привлечения риторики универсальных ценностей. Материалы статьи и используемая методология могут привлекаться при информационно-аналитическом сопровождении внешнеполитических решений западных стран и для проектирования ответных мер со стороны России в условиях усиления противостояния основных акторов Черноморского региона.

Ключевые слова: Черноморский регион, геополитика, нарратив, метафорическая модель, дискурс, экспертно-аналитические центры

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.) // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 258–277. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277>

Original article

The Black Sea Region as a Conflict Space in the Discourse of Foreign Think Tanks of 2018–2021

O. A. Moskalenko[✉], A. A. Irkhin, N. E. Kabanova
Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation)
[✉] kerulen@bk.ru

Abstract

Introduction. The strengthening of Russia's subjectivity in the Black Sea region makes it the center of the Western media and expert-analytical agenda. The authors of the study aim to define the mechanisms of metaphorical construction of the Black Sea region as a space of conflict in the discourse of the Western think tanks.

Materials and Methods. The reports of the leading Western think tanks developing the region concept are used as research materials. The methodological basis of the study is a systematic approach that combines the methods of political linguistics and geopolitical analysis and synthesis. The authors use the methods of discourse analysis to interpret the materials of foreign think tanks devoted to the study of the region, and based on the definition of dominant metaphorical models in the discourse of the Black Sea region, consider possible scenarios for the leading actors in the region.

Results. The narratives of the leading American, European and British think tanks are considered and the main metaphorical models characterizing the geopolitical processes in the region are highlighted. The American discourse is dominated by the sports metaphor and

its subspecies associated with gambling: the region is perceived as a space of competition, but not war, as evidenced by the lack of military metaphor, which, however, appears in the narratives of the European experts. The Black Sea region is a platform, a springboard for the projection of Russian power in the Mediterranean, which is realized through metaphors with the component “aggressive”. For the British, the Black Sea region is metaphorized as a space of information warfare.

Discussion and Conclusion. There are two main types of perception of the Black Sea region as a geopolitical unit by the Western think tanks: the American think tanks see it as a space of global competition of the great powers; the Great Britain has made the Black Sea region a platform for a return to the global arena of Global Britain by drawing on the rhetoric of universal values. The materials of the article and the methodology may be useful for information and analytical support of the foreign policy of the Western countries and for design of response from part of Russia under the condition of intensification of contest of the main Black Sea region actors.

Keywords: the Black Sea Region, geopolitics, narrative, metaphorical model, discourse, think tanks

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Moskalenko O.A., Irkhin A.A., Kabanova N.E. The Black Sea Region as a Conflict Space in the Discourse of Foreign Think Tanks of 2018–2021. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):258–277. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277>

Введение. Нестабильность системы международных отношений закономерно приводит к тому, что понятия конфликта, конфронтации, противоборства часто фигурируют в медийном и экспертном дискурсе. С момента возвращения Крыма в состав России Черноморский регион оказывается в центре информационной повестки и продолжает удерживать в ней лидирующие позиции. Безусловно, усиление субъектности России в регионе вызывает информационные всплески со стороны западного информационного поля, строящиеся по определенной модели, в которой образ поведения России лишается конструктивных черт и аргументированности. Казалось бы, экспертно-аналитический дискурс, представленный интеллектуальными разработками «фабрик мысли» (think tanks), должен характеризоваться более сдержанной образностью и большей аргументированностью, тем не менее, когда речь заходит о присутствии России в Черноморском регионе, так или иначе актуализируется метафорика конфликта и агрессии, инициатором которых выступает именно Российская Федерация. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить механизмы метафорического конструирования Черноморского региона в качестве пространства конфликта в дискурсе западных аналитических центров. Объектом исследования является Черноморский регион как феномен междисциплинарного анализа, предметом – Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.).

Обзор литературы. Важным для системной характеристики геополитических процессов в Черноморском регионе является принцип его выделения. Как отмечают А. А. Ирхин, О. А. Москаленко, регион становится пространством конкуренции геополитических проектов великих держав, что позволяет рассматривать его в первую очередь не как географическое, а как геополитическое пространство, представленное в четырех вариантах: как пространство семи прибрежных государств, как Балто-Черноморский регион, как Черноморско-Каспийский регион и как «нервный узел» Большого Средиземноморья [1]. Особого внимания заслуживает концепция региона как части геополитической единицы региона Большого Средиземноморья, получившая осмысление в работах М. В. Ильина [2], В. Д. Нечаева [3], И. А. Чихарева [4; 5], А. А. Ирхина, О. А. Москаленко [1; 6], М. М. Агазаде [7]. В рамках концепции «Больших пространств» Германского фонда Маршалла Соединенных Штатов (The German Marshall Fund of the United States) в 2004 г. представлен документ «Развитие новой Евро-Атлантической стратегии в отношении Черноморского региона» (Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region [8]), направленный на укрепление позиций Соединенных Штатов на данном пространстве; схожая цель отражена в документе 2006 г. Фонда «Наследие» (The Heritage Foundation) «Стратегия США в Черноморском регионе» (US Strategy in the Black Sea Region¹) – обе «стратегии были направлены на концептуализацию процесса вытеснения России из региона за счет продвижения “евро-атлантической общности” на Восток Черноморского региона: Украину, Грузию, Молдову, а также Азербайджан и Армению» [9, с. 321]. Американский дипломат М. Брайза еще в 2006 г. обобщил восприятие региона Соединенными Штатами как целостного геополитического пространства с единой экономико-политической идентичностью, требующей влияния [10].

На период 2000–2010-х гг. приходятся активные попытки концептуализации Черноморского региона в зарубежных источниках как геополитического пространства. При этом подчеркивается, что именно после холодной войны Черноморский регион стал не только оформляться как единый регион, но и одновременно превращаться в ключевое пространство нового витка геополитического противостояния. К такому заключению приходит в 2009 г. Я. Тсантуллис на основе изучения дискурсивных практик региона, включающих весь спектр социальных и культурных составляющих, таких как коллективная идентичность, история, восприятие, социальные нормы, идеология [11], а уже в 2020 г. он ставит вопрос о необходимости критического анализа дискурсов формирования Черноморского региона, что позволило бы проследить, как в академических и политических нарративах конструируется регион [12].

¹ Cohen A., Irwin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-strategy-the-black-sea-region> (дата обращения: 10.02.2022).

Вполне закономерно, что появляются работы, изучающие репрезентацию Черноморского региона в медийном и научном дискурсе: особый всплеск отмечается после 2014 г. и активного возвращения в регион. Например, М. Семенишин, эксперт The International Centre for Black Sea Studies (ICBSS), отмечает фрагментарное присутствие региона как единого пространства в медийном поле России, Турции и Украины в 2014 г. [13]; И. А. Чихарев, О. В. Ярмач, воспринимая Черноморский регион как единицу в рамках макрорегиона Большого Средиземноморья, подчеркивают необходимость изучения дискурса экспертно-аналитических центров, чтобы впоследствии моделировать информационное и гуманитарное присутствие России в макрорегионе [14]. Тем не менее пока не удается обнаружить работы, в которых был бы представлен системный и основанный на четкой методологии анализ дискурсов экспертно-аналитических центров, разрабатывающих политические проблемы Черноморского региона.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования привлекаются доклады ведущих аналитических центров: отбор производился на основании актуального на 2021 г. рейтинга «фабрик мысли» 2020 Global Go To Think Tank Index Report², ежегодно выпускаемого Пенсильванским университетом. Для отражения динамики изучения Черноморского региона исследователи обращаются к разработкам американских аналитических центров, которые в 1990–2000-е гг. занимались изучением проблем Черноморского региона и продолжают заниматься экспертной оценкой политических процессов в регионе: в частности, Brookings Institution, Center for Strategic and International Studies, German Marshall Fund, Heritage Foundation³ [6] и др., так как их роль в концептуализации Большого Черноморского региона сложно переоценить. Проблематика Черноморского региона активно включена в повестку экспертно-аналитического центра Middle East Institute (основан в 1946 г.), штаб-квартира которого находится в Вашингтоне. Отметим, что вопросы взаимодействия в Черноморском регионе попадают в фокус внимания все большего количества «фабрик мысли». Считаем необходимым привлечь к анализу дискурс экспертно-аналитического центра Carnegie Endowment for International Peace Middle East Center и британского Chatam House (4-я и 6-я позиции в рейтинге ведущих мировых неамериканских аналитических центров соответственно⁴). В таблице 1 представлен рейтинг аналитических центров, традиционно изучающих проблемы Черноморского региона.

² McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report [Электронный ресурс]. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18 (дата обращения: 10.02.2022).

³ Ирхин А., Москаленко О. Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы конф. (20–21 сентября 2019 г., Севастополь). Севастополь: ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2019. С. 319–24.

⁴ Там же.

Таблица 1. Мировой рейтинг аналитических центров на 2021 г.⁵

Table 1. World ranking of think tanks as is on 2021

Позиция в рейтинге / Position in ranking	Название / Title	Страна / Country
Лидер 2016–2019 / Leader 2016–2019	Worldwide (US and non-US) Center of Excellence for 2016–2019 Brookings Institution	USA
1	Carnegie Endowment for International Peace	USA
4	Center for Strategic and International Studies (CSIS)	USA
6	Chatham House	United Kingdom
7	RAND Corporation	USA
13	Heritage Foundation	USA
19	Council on Foreign Relations (CFR)	USA
31	Middle East Institute (MEI)	USA
64	IEMed. Mediterranean Yearbook 2019	Spain, USA

Методологической основой исследования является системный подход, который позволил нам творчески подойти к сочетанию методов политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Методы дискурс-анализа были применены для интерпретации материалов зарубежных экспертно-аналитических центров, посвященных изучению проблем региона, и на основе определения доминирующих метафорических моделей в дискурсе конфликта Черноморского региона рассмотрены вероятные сценарии поведения основных акторов в регионе. При этом процессы в регионе отличаются высокой динамикой и многовекторностью, что не может не отражаться на характере дискурса не только медийного, но и экспертно-аналитического. С нашей точки зрения, выявление набора метафорических моделей на основе теории концептуальной политической метафоры, представленной Дж. Лакоффом⁶ и М. Джонсоном [15], а в отечественной науке активно разрабатываемой уральской школой политической лингвистики, в частности Э. В. Будаевым и А. П. Чудиновым⁷, может стать одним из ключей к пониманию и прогнозированию геополитики Черноморского региона.

Результаты исследования. Ситуация в Черноморском регионе концептуализируется в нарративах западных экспертно-аналитических центров через устойчивые модели метафоризации, выбор которых зависит от политической ориентации «фабрики мысли».

⁵ Составлено авторами на основе данных рейтинга 2020 Global Go To Think Tank Index Report.

⁶ Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. Vol. 23, no. 2/3. Pp. 25–32.

⁷ Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. 330 с.; Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.

В течение многих лет возглавляющий рейтинг лучших аналитических центров мира Брукингский институт (основан в 1916 г.) специализируется на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике. Ключевым понятием в нарративе американского экспертно-аналитического центра в 2020 г. становится противопоставление в рамках модели конкуренции или противостояния великих держав: *great-power competition* / *great-power conflict*, возникающее в том числе в связи с ситуацией в Черноморском регионе: «America is in a period of *great-power competition* but it is *not in a period of conflict*⁸, and the goal should be to keep things that way while competing effectively against Russian and Chinese influence»⁹. Данное высказывание генерала М. Милли прозвучало в интервью эксперту Brookings М. О'Ханлону. Материал начинается с констатации факта удаленности Черноморского региона от США и подчеркнутой необходимости его концептуализации для Соединенных Штатов. Страновый принцип не является подходящим для выделения региона, на что есть объективные причины: во-первых, его удаленность (*remote region*) от США, а во-вторых, безликость большинства стран: «This part of the world involves a number of countries, small and large, that are generally not the most frequently discussed in American news nor frequented by American tourists»¹⁰, тем не менее именно водное геополитическое пространство Черного моря становится точкой отсчета для выработки внешнеполитической стратегии США: «It can be helpful to take a perspective that centers on the Black Sea and views that *body of water as the key point of reference for much of the region*»¹¹. Черноморский регион концептуализируется через спортивную метафору, уподобляясь огромной площадке для игры в бейсбол. Субъектностью наделены три «ведущих игрока» (*three big anchors*): Украина в северной части региона, Турция – в южной, Россия – в северо-восточной. По тройке стран-игроков расположены на противоположных концах поля: Румыния, Болгария и Молдова – в левой части (на западе), Грузия, Армения, Азербайджан – в правой (на востоке). Итого перед нами классическая бейсбольная расстановка в девять игроков, роль которых меняется в зависимости от текущей ситуации на игровом поле. В случае Черноморского региона ход игры определяется принадлежностью стран к блоку НАТО, отношениями с НАТО и поведением США.

Генерал Милли неоднократно подчеркивает, что в настоящий момент США находятся в состоянии «соревнования», «состязания» великих держав – *great-power competition*. Рассмотрим, что подразумевается под понятием

⁸ Здесь и далее выделение курсивом в цитатах авторов статьи.

⁹ Breedlove Ph., O'Hanlon M. The Black Sea: How America can Avoid a Great-Power Conflict [Электронный ресурс] // Brookings : сайт. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/12/15/the-black-sea-how-america-can-avoid-a-great-power-conflict/> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

great-power competition, так как, несмотря на наличие устойчивого словарного определения, этот термин после выхода доктринальных документов администрации Д. Трампа меняет семантическое наполнение. Итак, в настоящее время понятие *great-power competition* стало ключевым для оборонной отрасли: во многом его превращение из несколько абстрактной идеологии в термин, обязательный для оборонно-стратегического дискурса, связано с выходом доктринальных документов администрации Д. Трампа: 2017 National Security Strategy и 2018 National Defense Strategy. Администрация Д. Трампа выделила «два уровня конкурентов, размывающих существующий мировой порядок. На первом помещены стратегические конкуренты – Китай и Россия (*competitors*), на втором – соперники: Северная Корея и Иран (*adversaries*)» [16]. Отметим значительную семантическую разницу между понятиями *competitor* и *adversary*, которыми в Стратегии – 2017 обозначены силы, не являющиеся союзниками США. Если «термин *adversary* фактически констатирует наличие враждебных отношений, не акцентируя внимание на их инициаторе, то *competitor* – подразумевает противостояние на равных, в которое обе стороны вовлечены и при этом не способны выйти из него без потерь... Если в Стратегиях, появившихся при предыдущих президентах, встречаются единичные случаи упоминания “потенциальных врагов” или “бывших врагов” (*potential adversary, former adversary*), то впервые именно в Стратегии Д. Трампа появляется сам термин *competitor* в значении “стратегический конкурент”» [16]. В Стратегии – 2010 Б. Обамы и Стратегии – 2006 Дж. Буша встречаем лишь однократные упоминания потенциальных конкурентов (*potential competitors*), которые не конкретизируются¹², а в документе 2002 г., изданном администрацией Дж. Буша, вопрос о значимости России как мировой державы официально снят с повестки: «Россия больше не является стратегическим соперником США» (*strategic adversary*)¹³. В Национальной оборонной стратегии 2018 г. сочетание *great-power competition* встречается трижды. Как отмечает офицер Комитета начальников штабов США А. Борофф, термин связан практически со всеми сферами: оборонной, стратегической, безопасности, при этом во многом его актуальность обусловлена пандемией COVID-19¹⁴, хотя его точная дефиниция именно для оборонно-стратегического планирования не приводится. Смысловая неопределенность может повлечь непредвиденные последствия вплоть до геополитических, но не ограничиться ими. Выделяются как минимум четыре группы стейкхолдеров, которые по-разному

¹² National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. March 2006. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2006/>; National Security Strategy [Электронный ресурс]. May 2010. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/> (дата обращения: 10.02.2022).

¹³ National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. September 2002. P. 26. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 23.01.2022).

¹⁴ Boroff A. What Is Great-Power Competition, Anyway? [Электронный ресурс] // Modern War Institute. 2020. 17 April. URL: <https://mwi.usma.edu/great-power-competition-anyway/> (дата обращения: 10.02.2022).

трактуют понятие *great-power competition*: американские военные, оборонная промышленность, дипломатия и политики – можно позволить каждому оставаться в рамках собственного «корпоративного понимания», а можно стремиться выработать общее, в том числе с учетом уроков истории. Появление стратегических конкурентов – *great-power competitors* – в целом было неизбежным: «однополярный момент» (*unipolar moment* – сочетание было впервые употреблено Ч. Краутхаммером в одноименной статье 1990 г., опубликованной *Foreign Affairs*, для обозначения триумфа и доминирования США, которое, тем не менее, будет носить временный характер¹⁵) потому и именуется моментом, что является исключением в истории многополярного/биполярного мира, а значит, США следует принять неизбежность смещения полюсов силы. Такой тип конкуренции в настоящей геополитической реальности может принимать форму прокси-войн, которые ведутся на буферных либо непризнанных территориях (проводя исторические параллели, можем обратиться к примеру Крымской войны 1853–1856 гг.¹⁶). Таким образом, проявляется проблема Крыма и Черноморского региона как пространства конкуренции великих держав. При этом содержательное наполнение понятия *great-power competition* должно основываться на анализе текущей геополитической ситуации, учитывать уроки истории, равно как и множественные факторы, включая политические, социальные, технологические, экологические, эпидемиологические и др.

Понятие *great-power competition*, ставшее неотъемлемым элементом американского внешнеполитического дискурса с 2017 г., значительно расширило спектр значений и в 2021 г. понимается не просто как конкуренция/соствязание (*competition*) США с другим актором системы международных отношений, но и связано с формулированием четких целей: они могут быть материальными или нематериальными (например, влияние, легитимность), но обязательно обеспечивающими право на установление глобальных норм и условий системы международных отношений. В программном материале, опубликованном в *The National Interest*, официальном издании Брукингского института, офицер Совета Безопасности К. Билмс, выводя дефиниции рассматриваемого нами понятия, подчеркивает, что Вашингтону следует сосредоточить стратегии именно на семантике слова *competition* и не включать в нее значение активно использовавшегося в годы холодной войны понятия *political warfare*¹⁷. Таким образом, на семантическом уровне предлагается отказаться от агрессивных средств, присущих «политической борьбе» (*political warfare*), определение которой в начале холодной войны было дано

¹⁵ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70, no. 1. Pp. 23–33.

¹⁶ Boroff A. What Is Great-Power Competition, Anyway?

¹⁷ Bilms K. Avoid 'Great-Power Competition' in Future Security Strategies // *The National Interest*. January 6, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/avoid-%E2%80%99great-power-competition%E2%80%9999-future-security-strategies-175896> (дата обращения: 10.02.2022).

следующим образом: «Political warfare is the logical application of Clausewitz's doctrine in time of peace. In broadest definition, political warfare is the employment of all the means at a nation's command, short of war, to achieve its national objectives. Such operations are both overt and covert. They range from such overt actions as political alliances, economic measures (as ERP), and "white" propaganda to such covert operations as clandestine support of "friendly" foreign elements, "black" psychological warfare and even encouragement of underground resistance in hostile states»¹⁸.

Итак, ключевым является сохранение стадии *competition* без перехода на стадию конфликта. Именно на этом делает акцент генерал Милли, выстраивая этапы развития отношений США и России вокруг Черноморского региона: «America is in a period of *great-power competition* but it is *not in a period of conflict*, and the goal should be to keep things that way while *competing* effectively against Russian and Chinese influence»¹⁹. При этом подчеркивается, что, хотя Китай не несет прямой военной угрозы, он препятствует реализации экономических, технологических и разведывательных интересов США в Черноморском регионе – через инициативу «Пояс и Путь» и применение технологий 5G для тщательного контроля населения Черноморского региона («Black Sea inhabitants will be monitored if and when they accept Chinese technology, even from private firms, in realms like 5G»²⁰). Регион, характеризовавшийся эпитетом «удаленный» (*remote*), метафорически обозначаемый «полосой земли» (*swath*) и требовавший концептуализации на примере понятного рядовому американцу сравнения с бейсбольным полем, в ходе разворачивания экспертного дискурса приобретает эпитеты «жизненно важный» (*vital*) и «первоочередной важности» (*of importance*). Тем не менее как мантра повторяется фраза, что «война не должна стать будущим региона»: «The good news is that war does not have to be the future for the Black Sea»²¹), но залог ее реализации – присутствие США на лидирующих позициях в Черноморском регионе.

Роль лидирующего игрока для США в Черноморском регионе оправдывается через риторику универсальных ценностей, проанализированную и описанную И. Валлерстайном [17], и резкое повышение пафоса дискурса: «In the first half of the last century, from 1914 to 1945 we had two world wars. And in between 1914 and 1945 150 million people were slaughtered in the conduct of war... Massive amounts of blood and destruction and we're still obviously feeling the effects of World Wars I and II. And it's *unbelievable to think of great-power war*. And now if you think of *great-power war*, with nuclear weapons it's like,

¹⁸ Policy Planning Staff Memorandum. Washington, May 4, 1948 [Электронный ресурс] // National Archives and Records Administration, RG 273, Records of the National Security Council, NSC 10/2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁹ Breedlove Ph., O'Hanlon M. The Black Sea: How America can Avoid a Great-Power Conflict.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

my God, you've got to make sure that doesn't happen)²² – местоимение «мы», заостренное представление американской нации непосредственным участником и жертвой двух мировых войн, использование образных конструкций и эмоциональных восклицаний создают эффект искренней заботы Штатов о судьбе человечества, узаконивая таким образом их роль в качестве глобальной силы и оправдывая право на вмешательство.

Тем не менее в виде отдельных битв война велась давно, о чем говорит А. Стент в материале от 16 августа 2021 г.²³. Возвращение России в качестве морской державы вызвало «невиданные волны на Черном море», а «угроза навигации в Черном море» распространилась на мировой океан. Построение экспертных оценок на основе привлечения тактики аналогий является привычным для экспертов Брукингского института: тематика поведения России в Черноморском регионе связана с поведением Китая в Южно-Китайском море: «*The stakes are higher than just Russia and the Black Sea, moreover. The fate of Crimea's territorial waters could have profound resonance in the South China Sea, where Beijing claims sovereignty over most of its territorial waters*»²⁴. Отметим, что хотя в этом тексте не упоминается прямо понятие *great-power competition*, но разворачивается все та же социоморфная метафора со сферой-источником «спорт», а точнее «азартные игры»: «*Russia and Turkey have a long history of conflict, much of which has played out on the Black Sea*»; «*The Biden administration must decide how to respond to the Kremlin's growing military presence in Black Sea region and to its bid to control the waters around Crimea. The stakes are higher than just Russia and the Black Sea, moreover*»; «*Countering Russia's play for naval dominance in the Black Sea will need to involve Turkey, since it controls access to the Black Sea*»; «*Putin's bid for naval dominance*»; «*Russia's power play in the Black Sea*»²⁵.

Текст А. Стент частично повторяет целые пассажи из аналитического материала П. Стронски, опубликованного 20 мая 2021 г. Фондом Карнеги. В название материала вынесен риторический вопрос «*What is Russia Doing in the Black Sea?*»²⁶. В сдержанной с точки зрения образности форме автор излагает историю присутствия России в Черноморском регионе, предлагая базовые тезисы в нейтральной тональности, но все же обращается к спортивной метафоре: «*In 1783, Catherine the Great fulfilled Russia's historical quest for a warm water port*»; «*Russia has been an important power in the region, often*

²² Там же.

²³ Stent A. Russia's Battle for the Black Sea [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. August 16, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2021-08-16/russias-battle-black-sea> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Stronski P. What is Russia Doing in the Black Sea? [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. May 20, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/20/what-is-russia-doing-in-black-sea-pub-84549> (дата обращения: 10.02.2022).

going head-to-head with the Ottoman Empire and then with Turkey over access to the sea»; «In the two decades following the Cold War, Russia experienced a reversal of its fortunes in the Black Sea region»; «Russia is unlikely to back down and will defend its position fiercely»; «Russia has long been concerned about Turkey's ability to use the straits as a *chokehold* during a conflict [удушающий прием]; «Today, Russia views the Crimean peninsula as a *springboard* to project power into the wider Mediterranean region»²⁷.

Метафора проекции силы России в Средиземноморье через Черноморский регион является сквозной для экспертного дискурса: «For Moscow, the security of the Russian homeland and the ability to project power top all other considerations»²⁸. Она актуализирует вечную тему нехватки для России выхода к южным морям, когда, по мнению Запада, любое отсутствие экспансии со стороны России воспринимается ею как угроза захвата. Россия, будучи сухопутной державой, а не морской, как та же Британская империя, вынуждена была сталкиваться с врагами на своей территории. Например, американский военно-морской историк и теоретик А. Мэхэн в 1902 г., как указывает Р. Каплан, обнаруживает извечный психологический комплекс России: русский национальный характер агрессивен, потому что Россия безнадежно удалена от открытого моря, не имеет возможности для накопления материальных благ, что заставляет ее испытывать недовольство, легко переходящее в агрессию²⁹. Британский географ и геополитик, автор теории Хартленда, Х. Маккиндер определяет страх России перед вторжением с суши как основной³⁰. В совокупности агрессия, страх вторжения, подозрительность побуждают Россию к постоянной экспансии. Эта мысль артикулируется в докладе RAND 2019 г.: «The Black Sea has long been an important economic and strategic outlet for Russia. One of the country's few year-round warm-water seafronts, the Black Sea ports provide a key economic transit point»³¹, и в докладе RAND 2020 г.: «The Black Sea region is an intersection of several core Russian concerns and a critical nexus for defending the Russian homeland, maintaining a sphere of influence, shaping the future of Europe, and projecting power into the Eastern Mediterranean and the Middle East»³². В годовом отчете 2019 г. испано-американского аналитического центра The European Institute of the Mediterranean (IEMed), основанного в 1989 г. и изучающего процессы в Евро-Средиземноморье, Черноморский регион также предстает платформой для проекции силы со стороны России: «Moscow's military build-up and expansive diplomatic, political and economic efforts are intended to establish the Black Sea as a power projection platform for the Russian armed

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. С. 125–126.

³⁰ Там же. С. 176.

³¹ Extending Russia Competing from Advantageous Ground / J. Dobbins [et al.]. RAND. 2019.

³² Russia, NATO and Black Sea Security / S. J. Flanagan [et al.]. RAND CA; 2020. P.x

forces»³³, и также применяется тактика аналогий: дестабилизирующими игроками на «больших пространствах» выступают Россия и Китай, а ключевая роль в обеспечении стабильности Черноморского региона отводится США. «Постоянное нахождение в состоянии войны – вот качество русских»³⁴, – пишет Р. Каплан. Ничего удивительного, что доминирующим эпитетом по отношению к действиям России на внешнеполитической арене в целом и в регионе в частности является эпитет «агрессивный» (*aggressive*). При том, что Черное море признается ядром безопасности России (For centuries, Russia has viewed the Black Sea as central to its security³⁵ (Brookings); The Black Sea region is an intersection of several core Russian concerns and a critical nexus for defending the Russian homeland³⁶ (RAND)), ее поведение в регионе всегда описывается как агрессивное: «Thus began Russia's aggressive return to the Black Sea region»³⁷; «In March 2014... Russian aggression against Georgia and Ukraine»³⁸; «the Kremlin's aggressive reaction to U.S. naval and air patrols in and over the Black Sea»³⁹.

Само значение понятия «агрессия» подразумевает наличие субъект-объектных отношений: в контексте Черноморского региона объектом российской агрессии вполне закономерно продолжает на протяжении семи лет представляться Украина, однако подчеркивается более интенсивная фаза конфликта, готового перерасти в военное противостояние. Поведение России трактуется как часть украинского кризиса.

В материале «The Russian and Ukrainian Spring 2021 War Scare»⁴⁰ от 21 сентября 2021 г. весенние российские учения на российско-украинской границе Н. Белесков, заместитель директора Института мировой политики (SCIS), трактует в рамках регионального украинского кризиса, но при этом опирается на военную метафору: используется терминология военного психоза, ожидания войны. Например, этим же понятием *war scare* именуется «военная тревога» в СССР 1927 г. (Англо-советский конфликт 1927 г.). Эпитет *aggressive* в материале встречается трижды: «another round of Russian aggression»; «Given this experience, this year's mass movement of hardware and troops made some experts think about the worst-case scenario – an all-out Russian aggression against Ukraine – which would go beyond the more limited use of force in 2014–15»; «The same is true today. Russian threats and aggressive moves might influence the target audience in the West in the way Moscow desires»⁴¹.

³³ Carafano J. J. US Foreign Policy in the Mediterranean Region and how it Affects Other Actors. 2019. IEMED. 2018. P. 228.

³⁴ Каплан Р. Месть географии. С. 189.

³⁵ Stent A. Russia's Battle for the Black Sea.

³⁶ Russia, NATO and Black Sea Security / S. J. Flanagan [et al.].

³⁷ Stent A. Russia's Battle for the Black Sea.

³⁸ Stronski P. What Is Russia Doing in the Black Sea?

³⁹ Там же.

⁴⁰ Bielieskov M. The Russian and Ukrainian Spring 2021 War Scare [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. 2021. 21 Sept. URL: <https://www.csis.org/analysis/russian-and-ukrainian-spring-2021-war-scare> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴¹ Там же.

Особого внимания заслуживает отношение к теме присутствия России в Черноморском регионе в дискурсе британских экспертно-аналитических центров. В 2021 г., после официального выхода Великобритании из Европейского союза, он разворачивается в рамках региональной повестки с акцентом на Украине. Как отмечает К. Годованюк, Лондон представляет себя ближайшим союзником Киева в попытке укрепить собственные позиции в Европе после Брекзита, сформировать особую роль в региональной безопасности и обеспечить собственные экономические интересы. Центральный элемент британской стратегии – сдерживание Москвы. В частности, Британия использует «украинский фактор» для выстраивания военно-стратегического сотрудничества в Черноморском регионе со странами НАТО. В целом это соответствует курсу новой администрации США [18]. Однако уже к концу 2021 г. можно отследить динамику и изменение характера дискурса, центральным элементом которого становится инцидент с эсминцем «Дефендер» в июне 2021 г.: мы можем охарактеризовать его как кульминационную точку, но он не является завязкой общего нарратива, посвященного взаимоотношениям Великобритании и России в Черноморском регионе. Апрельский материал Chatam House разворачивает региональную повестку, выводя третью плоскость содержания конфликта – извлекаемые уроки: «In mid-April, international media reported Russia *will invade or go to war* with Ukraine, without realizing this is already effectively the case. Russia's annexation of Crimea and invasion of Donbas back in 2014 essentially created *a war* – although it remains undeclared – with Ukraine»⁴². Понятие «война» предстает здесь не метафорой, а правдивым описанием ситуации, на которое принято закрывать глаза, причем эта война разворачивается в информационной плоскости, где в роли оружия выступает слово: «to achieve *information dominance*, Russia *saturates* the rest of the world with what Moscow wants everyone to focus on – namely *shock* and *awe* and *fear-mongering*. The message becomes the weapon which has the tendency to limit options in terms of pushing back against Russia. Focusing *too much on military capabilities* and numbers only leads to self-deterrence»⁴³.

Таким образом, в нарративах британского Chatam House можно вывести доминантную линию конфликта с Россией: он полностью смещен в информационную плоскость, что после инцидента с «Дефендером», который, кстати, шел из Одессы после заключения ряда прямых договоров между Министерством обороны Украины и Великобританией, в том числе о постройке двух британских военных баз, получает идеально четкую артикуляцию. Материал К. Джайлса, эксперта по вопросам безопасности, затрагивающим Россию, и по Вооруженным силам Российской Федерации, от 24 июня 2021 г.,

⁴² Boulègue M. Five Lessons from Russia's Ukraine Military Escalation [Электронный ресурс] // Chatam House. 2021. 29 April. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/04/five-lessons-russias-ukraine-military-escalation> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴³ Там же.

вышедший на следующий день после инцидента с эсминцем «Дефендер», переносит реальное противостояние в нарративное пространство. Заголовок «Россия рассказывает старые сказки» (Black Sea Incident is Russia telling the same old story) задает тон материалу, в котором отрицается военная мощь России: «рассказы», «заявления», «вымысел», «годы обмана и дезинформации», «увлекательные истории» – вот те лексические единицы, которые описывают поведение Москвы, а противопоставляется им «кристальная честность» британского МИДа. Вывод и рекомендация эксперта однозначны: «But it is also important for the UK to get its own story straight»⁴⁴ – Великобритания всегда должна продвигать свою версию происходящего. Однако впечатление о том, что британский эксперт заявляет о невозможности военного противостояния с Россией, является ложным. Весь материал оживляет риторику холодной войны за счет привлечения прямых аналогий. Выясняется, что в 1988 г. ровно в той же точке у мыса Фиолент в рамках операций по обеспечению свободы судоходства произошло столкновение военных кораблей НАТО и СССР, когда последние пошли на таран. Данный документ войдет в сборник документов Chatam House под названием What Deters Russia⁴⁵. Именно инцидент с «Дефендером» выводит в топ дискурсов экспертно-аналитических центров хорошо знакомое понятие *innocent passage* (мирный проход).

Обсуждение и заключение. В 2020–2021 гг. можно выделить несколько типов определения геополитической роли Черноморского региона в нарративах экспертно-аналитических центров:

1) американскими «фабриками мысли» регион воспринимался как глобальный, являющийся пространством конкуренции великих держав (great-power competition), которая не должна перерасти в военное столкновение, но интересный только в связке с Китаем, что было заложено еще доктринальными документами администрации Д. Трампа. Характер конкуренции концептуализировался за счет спортивных метафор (азартные игры, силовые виды спорта);

2) Великобритания акцентировала интересы на Украине, подчеркивая свою высокую миссию по защите слабого и распространению либеральных ценностей, кроме того, настаивая на неспособности России оказывать реальное военное сопротивление. Летний инцидент с «Дефендером» меняет риторику и становится точкой выхода на арену Глобальной Британии (Global Britain). Понятия «мирный проход» и «свобода судоходства» оказываются базовыми для построения британской оборонной политики и внешнеполитической стратегии, направленной на установление будущего мирового порядка. То, что поведение Британии на море оказалось в лидерах всех заголовков, не только воскресило старинный конфликт морских либеральных держав

⁴⁴ Giles K. Black Sea Incident is Russia Telling the Same Old Story [Электронный ресурс] // Chatam House. 2021. 24 June. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/06/black-sea-incident-russia-telling-same-old-story> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴⁵ Там же.

с сухопутными, но и стало демонстрацией морского проявления Глобальной Британии. Действия «Дефендера» у крымских берегов, Королевский флот у Тайваня и в Тихоокеанском регионе – однозначное послание тем, кто не разделяет присущее Великобритании видение глобального морского порядка, символизирующее возвращение традиционной Британской имперской морской политики.

Перспективным направлением исследования видится совершенствование методологии анализа политических текстов в условиях ужесточения конкуренции международных акторов, а также включение в исследовательскую повестку материалов «фабрик мысли» других западных государств, разрабатывающих тематику Черноморского региона, ставшего пространством военно-политического, информационно-экспертного и медийного противостояния. Материалы статьи могут быть использованы в работе различных структурных подразделений Министерства иностранных дел Российской Федерации при информационно-аналитическом сопровождении внешнеполитических шагов ведущих держав Запада, а также в разработке комплекса ответных мер со стороны России. Кроме того, материал может быть функционален для работы ведущих российских СМИ, задачей которых является борьба за «умы и сердца» как российской, так и зарубежной аудитории. Материалы публикации могут также быть использованы для чтения лекций и ведения практических занятий по политической лингвистике, анализу политического дискурса, медиатехнологиям и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 498–516. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
2. Ильин М. В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья // Project: Greater Mediterranean. 2020. 32 с. doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22076.18569>
3. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья / В. Д. Нечаев [и др.] // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2019. № 1. С. 67–74. URL: https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/506?locale=ru_RU (дата обращения: 10.02.2022).
4. Чихарев И. А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 441–458. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>
5. Чихарев И. А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 129–146. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>

6. Irkhin A. A., Moskalenko O. A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // *Geopolitics Quarterly*. 2020. № 15 (4). Pp. 110–121. URL: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (дата обращения: 10.02.2022).
7. Агазаде М. М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 3. С. 429–440. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>
8. Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region // *In-sight Turkey*. 2004. Vol. 6, no. 3. Pp. 43–65. URL: <https://www.jstor.org/stable/26328588> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Ирхин А., Москаленко О. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 1. С. 91–107. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
10. Bryza M. The Policy of the United States toward the Black Sea Region // *Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / ed. by R. Asmus. Washington D.C. : The German Marshall Fund of the United States, 2006. Pp. 37–42. URL: <https://atlanticpartnership.org/2006/11/next-steps-in-forging-a-euroatlantic-strategy-for-the-wider-black-sea-ap/> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Tsantoulis Y. Geopolitics, (Sub)Regionalism, Discourse and a Troubled 'Power Triangle' in the Black Sea // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2009. Vol. 9, issue 3. Pp. 243–258. doi: <https://doi.org/10.1080/14683850902934168>
12. Tsantoulis Y. The Geopolitics of Region Building in the Black Sea: A Critical Examination. London : Routledge, 2020. 198 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780429264412>
13. Semenyshyn M. The Black Sea Region in the Media. ICBSS Policy Brief. 2014. No. 29. 29 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/182969/1163_original.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
14. Чихарев И. А., Ярмач О. В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*. 2019. Т. 21, № 1. С. 99–109. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 276 p. URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/M/bo3637992.html> (дата обращения: 10.02.2022).
16. Москаленко О. А., Ирхин А. А. Вербализация внешнего врага в доктринальных документах США // *Colloquium-Journal*. 2019. № 27-7 (51). С. 53–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41662641> (дата обращения: 10.02.2022).
17. Wallerstein I. *European Universalism: The Rhetoric of Power*. New York : New Press, 2006. 128 p. URL: <https://sociology.yale.edu/publications/european-universalism-rhetoric-power> (дата обращения: 10.02.2022).
18. Годованюк К. А. Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 5. С. 427–34. URL: <https://>

www.postussr.org/_files/ugd/0206eb_aac2d3a1005f4aea822d0a07f008cec3.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

Поступила 11.02.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 31.03.2022.

Об авторах:

Москаленко Ольга Александровна, доцент кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Ирхин Александр Анатольевич, заведующий кафедрой политических наук и философии Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Кабанова Наталья Евгеньевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

О. А. Москаленко – подготовка начального варианта текста; разработка концепции исследования.

А. А. Ирхин – разработка концепции исследования; развитие методологии.

Н. Е. Кabanова – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):498–516. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
2. Ilyin M.V. Introductory Essay to the Greater Mediterranean. Project: Greater Mediterranean. 2020. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22076.18569>
3. Nechaev V.D., Chikharev I.A., Irkhin A.A., Makovskaya D.V. Framework of the Geostategic Atlas of the Greater Mediterranean. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2019;(1):67–74. Available at: https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/506?locale=ru_RU (accessed 10.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Chikharev I.A. Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):441–458. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>
5. Chikharev I.A. The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. *Polis. Political Studies*. 2021;(3):129–146. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints. *Geopolitics Quarterly*. 2020;(15):110–121. Available at: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (accessed 10.02.2022).
7. Aghazada M.M. Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):429–440. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>
8. Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. *Insight Turkey*. 2004;6(3):43–65. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26328588> (accessed 10.02.2022).
9. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “The World is Bigger than Five”. Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(1):91–107. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
10. Bryza M. The Policy of the United States toward the Black Sea Region. In: Asmus, R. editor. Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2006. p. 37–42. Available at: <https://atlanticpartnership.org/2006/11/next-steps-in-forging-a-euroatlantic-strategy-for-the-wider-black-sea-ap/> (accessed 10.02.2022).
11. Tsantoulis Y. Geopolitics, (Sub)Regionalism, Discourse and a Troubled ‘Power Triangle’ in the Black Sea. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2009;9(3):243–258. doi: <https://doi.org/10.1080/14683850902934168>
12. Tsantoulis Y. The Geopolitics of Region Building in the Black Sea: A Critical Examination. London: Routledge; 2020. doi: <https://doi.org/10.4324/9780429264412>
13. Semenyshyn M. The Black Sea Region in the Media. ICBSS Policy Brief. 2014. No. 29. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/182969/1163_original.pdf (accessed 10.02.2022).
14. Chikharev I.A., Yarmak O.V. The Greater Mediterranean in the Discourse of Research and Expert Analytics Centers. *RUDN Journal of Political Science*. 2019;21(1):99–109. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003. Available at: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/M/bo3637992.html> (accessed 10.02.2022).
16. Moskalenko O.A., Irkhin A.A. Exterior Enemy Verbalization in USA Doctrinal Documents. *Colloquium-Journal*. 2019;(27-7):53–54. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41662641> (accessed 10.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Wallerstein I. *European Universalism: The Rhetoric of Power*. New York: New Press; 2006. Available at: <https://sociology.yale.edu/publications/european-universalism-rhetoric-power> (accessed 10.02.2022).

18. Godovanyuk K.A. Ukraine in Light of British Foreign Policy Interests. *Post-Soviet Studies*. 2021;4(5):427–434. Available at: https://www.postussr.org/_files/ugd/0206eb_aac-2d3a1005f4aca822d0a07f008cec3.pdf (accessed 10.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 11.02.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 31.03.2022.

About the authors:

Olga A. Moskalenko, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Aleksandr A. Irkhin, Head, Department of Political Science and Philosophy, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Natalya E. Kabanova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Contribution of the authors:

O. A. Moskalenko – draft of the manuscript; concept of the research.

A. A. Irkhin – concept of the research; development of the methodology.

N. E. Kabanova – critical analysis and editing of the text; formal data analysis.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 339.13.027.2

DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.278-297

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Эволюция генеральной системы предпочтений

К. М. Багдасарян

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Москва, Российская Федерация)
bagdasaryan-km@ranepa.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования заключается в участвующем в последние годы пересмотре статуса развивающейся страны в рамках генеральной системы предпочтений и национальной торговой политики в целом, что практически означает новую форму борьбы за международную конкурентоспособность. Единый критерий определения развивающихся стран отсутствует как на уровне международных организаций, так и на уровне стран-доноров. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить прикладные аспекты развития генеральной системы предпочтений и критериев определения развивающихся стран для совершенствования системы тарифных предпочтений ЕАЭС и повышения конкурентоспособности производимых на внутреннем рынке товаров.

Материалы и методы. Материалами послужили документы международных организаций и стран – доноров генеральной системы предпочтений (США, Канады, Японии, Великобритании, Европейского союза, Содружества Независимых Государств, ЕАЭС). Применялись методы межстранового сопоставления, системного и сравнительного анализа соответствующих международных и национальных документов.

Результаты исследования. Выявлен формирующийся ведущими экономическими акторами международный тренд по установлению новых правил функционирования генеральной системы предпочтений и критериев определения стран-бенефициаров. Данный тренд, очевидно, отразится на общих правилах международной торговли в рамках Всемирной торговой организации и отчасти внесет изменения в ее архитектуру.

Обсуждение и заключение. Процесс активного одностороннего пересмотра устоявшихся на протяжении полувека правил международной торговли вне рамок международных организаций придает рассматриваемой проблеме новый системный характер и открывает возможность для будущих исследований. Очевидно, что мы стоим на пороге изменения всей системы международных экономических отношений, что на первом этапе будет сопровождаться негативными процессами и потребует адекватной реакции со стороны российских органов государственной власти, координирующих органов ЕАЭС и заинтересованных крупных экономических агентов.

© Багдасарян К. М., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: генеральная система преференций, статус развивающихся стран, классификация по валовому национальному доходу, Евразийский экономический союз, Российская Федерация, льготный тариф

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Багдасарян К. М. Эволюция генеральной системы преференций // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 278–297. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.278-297>

Original article

Evolution of the Generalized Scheme of Preferences

K. M. Bagdasaryan

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)
bagdasaryan-km@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The revision of the old U.S. rules of assigning developing country status under the law of countervailing duties in 2020 theoretically symbolizes another stage in the evolution of the Generalized Scheme of Preferences, but practically means a new form of battle for international competitiveness. There is no common criterion for determination of developing countries, either at the level of international organizations, including the World Trade Organization, or at the level of donor countries, while the list of least developed countries is determined by the United Nations, and they automatically become recipients of tariff preferences under the Generalized Scheme of Preferences. In this regard, the main idea and purpose of the study is to identify the applied aspects of the development of the international system of GSP and criteria for identifying developing countries to improve the system of tariff preferences EAEU and increase the competitiveness of goods produced in the domestic market.

Materials and Methods. The paper reviews established rules within the GSP and features of the functioning of this system in the U.S., Canada, Japan, Britain and such integration groupings as the European Union, Commonwealth of Independent States and EAEU. To identify main aspects of this transformation it has been used the method of cross-country comparison, as well as methods of systematic and comparative analysis of relevant international and national legal acts and scientific papers.

Results. We have revealed an international trend that is being formed by the leading economic actors to establish new rules for the functioning of the GSP and the criterion for determining the beneficiary countries. This trend will obviously affect the general rules of international trade within the framework of the World Trade Organization and to some extent will bring changes in its architecture.

Discussion and Conclusion. The process of active unilateral revision of established for half a century international trade rules beyond the framework of international organizations gives to the problem a new systemic character and opens up an opportunity for future studies. It is obvious that we are on the beginning of entire international economic relations system transformation, which at the first stage will be accompanied by negative processes

and will require an adequate response from the Russian state authorities, coordinating bodies of the EAEU and interested major economic agents.

Keywords: generalized scheme of preferences, status of developing countries, Gross national income classification, EAEU, Russian Federation, preferential tariffs

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was written based on the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation state assignment research program.

For citation: Bagdasaryan K.M. Evolution of the Generalized Scheme of Preferences. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):278–297. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.278-297>

Введение. После принятия Генеральной Ассамблеей ООН «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 14 октября 1960 г., которая, по сути, обозначила конец эпохи колониализма и начало новой эпохи международной экономической интеграции, основанной на демократических рыночных принципах, была создана всеобщая система преференций (generalized scheme of preferences, GSP, или «генеральная система преференций», далее – ГСП)¹ для помощи освободившимся от колониальной зависимости странам (которые получили название «страны третьего мира»).

Идея создания всеобщей системы преференций была сформулирована Генеральным секретарем ЮНКТАД (UNCTAD) Р. Пребишем на Первой сессии организации в 1964 г. в Женеве. Предложенная система требовала от промышленно развитых стран предоставления преференций развивающимся странам с целью создания для их продукции экспортных рынков и постепенного устранения трудностей, препятствующих проникновению их экспорта в развитые страны.

Однако для применения режима ГСП требовалось внесение изменений в ГАТТ-47, так как она противоречила принципу наибольшего благоприятствования (режим наибольшего благоприятствования), который члены соглашения предоставляли друг другу. Режим наибольшего благоприятствования не требовал каких-либо встречных взаимных уступок со стороны промышленно развитых стран. Так, в 1965 г. в рамках шестого раунда переговоров

¹ Всеобщая система преференций (ВСП) – (Generalized system of preferences (GSP)) в российской научной литературе также упоминается как «общая система преференций» (ОСП) или «генеральная система преференций» (ГСП). Мы предпочитаем использование аббревиатуры ГСП исходя из созвучности с английской версией – GSP, а также для удобства восприятия.

ГАТТ «Кеннеди», который проходил с мая 1964 г. по июнь 1967 г., в соглашение была добавлена часть IV, которая допускала принцип «невозвратности». Уже на второй конференции ЮНКТАД, состоявшейся в Нью-Дели в 1968 г., система ГСП была принята.

Эволюция системы тарифных преференций ГСП характеризуется установлением новых критериев, определяющих статус развивающихся и развитых стран, формированием новых правил происхождения товаров, утверждением форм документов, подтверждающих происхождение товаров, а также совершенствованием форм надзора за применением ГСП.

Обобщенной целью настоящего исследования является определение новых тенденций развития международных экономических отношений на современном этапе и возможности адаптации ЕАЭС к текущим изменениям. Цель статьи – по результатам проведенного исследования изучить изменения в соответствующих нормативно-правовых документах ведущих стран мира для выявления конкретных критериев, способствующих удержанию конкурентоспособности их экономик на международных рынках, и их учета в рамках интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Обзор литературы. В зарубежной и российской научной литературе, например, можно найти достаточное количество прикладных научных публикаций, посвященных вопросам совершенствования ГСП в отдельных странах-донорах. Их можно разделить на три условные группы или направления. В первой группе подчеркивается чрезвычайная экономическая полезность этой системы для наименее развитых стран, особенно экспортирующих сельскохозяйственные товары и продукцию легкой промышленности [1; 2].

Во второй группе основное внимание уделяется критике предоставления тарифных преференций ряду развивающихся стран, которые имеют высокий уровень дохода на душу населения, но продолжают получать дополнительные бенефиты от внешнеторговой деятельности² [3].

В третьей группе работ, помимо экономических аспектов, выделяют политическую сторону данного вопроса, но при этом подчеркивают необходимость пересмотра и усовершенствования таможенно-тарифного регулирования с целью повышения конкурентоспособности национальных стратегически важных отраслей и секторов экономики [4; 5].

Исследуемая проблематика относится к достаточно узкой прикладной сфере регулирования внешней торговли, по которой отсутствуют релевантные публикации системного характера в общедоступных базах

² Прудникова А. А. Совершенствование системы тарифных преференций в рамках ЕАЭС // Инновационные исследования: общество, экономика, техносфера : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. научной сессии «Декабрьские Международные научные чтения». Смоленск : Новаленко, 2016. С. 74–76.

данных. Обращаем внимание на один содержательный нюанс: Россия с 1992 г. предоставляла льготный режим торговли (в ущерб своей экономике) списку стран, полностью дублирующему американский список бенефициаров, из которых более 30 стран классифицировались по уровню дохода выше, чем сама Россия. Казалось бы, данный факт хоть как-то должен был быть обозначен в научных публикациях, но за все годы никто так и не упомянул об этом, в том числе по политическим и идеологическим соображениям. В связи с этим круг исследователей и перечень публикаций, представляющих для нас интерес, содержательно дополняющих или предельно ясно освещающих предысторию формирования правил ГСП для России и ее дальнейшую эволюцию, детерминирован.

Материалы и методы. Методология данного исследования основана на системном анализе документов международных организаций и стран – доноров ГСП, а также их сопоставлении для выявления лучших мировых практик.

Определение общих тенденций и новых трендов в международной торговле, на основе которых синтезировано несколько общих выводов, осуществляется с помощью индуктивного метода в процессе изучения частных признаков.

Для проверки экономической обоснованности изменения статуса развивающейся страны и дальнейшего исключения из перечня получателей тарифных преференций в рамках ГСП или его сохранения по политическим соображениям используется эмпирический метод исследования количественных данных классификатора ВНД на душу населения Всемирного банка.

Данный анализ способствует выявлению эволюции различных подходов ГСП, а также недостатков и противоречий в рамках системы ГСП СНГ и ЕАЭС. Наш основной интерес связан с определением новых тенденций в международной торговой системе, а также использованием передовых мировых практик для защиты союзного рынка ЕАЭС и повышения конкурентоспособности стратегически важных отраслей и секторов отечественной экономики.

Впервые Российская Федерация предоставила временный режим ГСП 146 странам в 1992 г. (Постановление Правительства от 21.08.1992 г. № 614); позже этот список был расширен до 153 стран (Постановление Правительства от 13.09.1994 г. № 1057). По условиям ГСП базовые ставки импортных таможенных пошлин из развивающихся стран были уменьшены в два раза (0,5 % от базовой ставки), а импорт из наименее развитых страны был освобожден от пошлин (т. е. 0 %).

После создания в 1994 г. зоны свободной торговли СНГ российская система тарифных преференций ГСП была фактически поэтапно перенесена на уровень Содружества. Так, в 1996 г. восемь стран СНГ подписали Соглашение «О Правилах определения происхождения товаров развивающихся стран при предоставлении тарифных преференций в рамках Общей системы преференций»³.

12 декабря 2008 г. Решением № 4 Межгосударственного совета (высший орган таможенного союза) Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) было принято Соглашение о правилах определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран, подписанное Республикой Беларусь, Казахстаном и Российской Федерацией. 27 ноября 2009 г. Решением Комиссии Таможенного союза № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» был утвержден перечень развивающихся и наименее развитых стран, а также перечень товаров, подлежащих тарифным преференциям. Перечень стран – пользователей единой системой тарифных преференций (ЕСТП) целиком дублировал перечень, утвержденный Российской Федерацией в 1994 г., а именно: 103 развивающиеся и 50 наименее развитых стран. В отличие от российских тарифов в отношении импорта из развивающихся стран – пользователей ГСП, для которых импортная пошлина составляла 0,5 % от базовой ставки, Комиссия ЕврАзЭС в рамках ЕСТП установила импортную пошлину в размере 0,75 % от ставок, утвержденных в едином таможенном тарифе ЕврАзЭС (принята в 2012 г.), а позже ЕАЭС (принята в 2016 г.).

Таким образом, в настоящее время остается действующей система тарифных преференций на уровне СНГ и ЕАЭС, которые теоретически противоречат друг другу. При этом в официальных источниках ЮНКТАД ни одно из указанных интеграционных объединений не значится в качестве донора ГСП. Отдельно числятся Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, которые являются как донорами, так и бенефициарами ГСП одновременно (табл. 1), хотя еще в середине 2000-х гг. Российская Федерация являлась бенефициаром ГСП США, Европейского союза и ряда других развитых стран. Более того, в течение нескольких лет российская сторона отстаивала свое право на участие в ГСП США, так как находилась под угрозой исключения из-за нарушения прав американских владельцев интеллектуальной собственности в стране (согласно 301-й специальной статье Закона о торговле США 1974 г.) [6].

³ Соглашение не было подписано Арменией, Грузией, Туркменистаном и Узбекистаном.

Таблица 1. Список стран – бенефициаров генеральной системы преференций, одновременно являющихся донорами по состоянию на 2018 г.⁴

Table 1. List of generalized system of preferences beneficiary countries that are also donors as of 2018

Бенефициары ГСП / GSP beneficiaries	Доноры ГСП / GSP Donors																											
	Австралия / Australia		Беларусь / Belarus		Канада / Canada		Европейский союз / European Union		Исландия / Iceland		Япония / Japan		Казахстан / Kazakhstan		Новая Зеландия / New Zealand		Норвегия / Norway		Россия / Russia		Швейцария / Switzerland		Турция / Turkey		США / USA			
	GSP	GSP (LDC)	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+	GSP	GSP+			

Примечание / Note. LDC (Least developed country) – наименее развитые страны; AGOA (African Growth and Opportunity Act) – Закон о росте и возможностях Африки.

С формальной точки зрения страны, входящие одновременно в СНГ и ЕАЭС, могут в рамках СНГ предоставлять или получать привилегии ГСП по разным тарифам, а с 12 октября 2021 г. – по разным группам стран, но при этом как государства – члены ЕАЭС они не имеют право это делать. Данная проблема является результатом несогласованности стратегий и текущих задач исполнительного комитета СНГ и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и требует отдельной проработки.

Ключевым событием эволюции союзной системы тарифных преференций стал пересмотр стран-пользователей в сторону их одновременного и резкого сокращения. Так, 5 марта 2021 г. ЕАЭС изменил тарифные преференции для третьих стран. Решение было принято на заседании Совета ЕЭК – наднационального регулирующего органа союза⁵. Оно предусматривает исключение 75 из 103 развивающихся государств и двух из 50 наименее развитых

⁴ Таблица составлена по: GSP List of Beneficiaries / UNCTAD [2018]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/itcdtsbmisc62rev7_en.pdf (дата обращения: 10.08.2021)

⁵ О внесении изменений в Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130 : Решение Совета ЕЭК от 5 марта 2021 г. № 17 [Электронный ресурс] // ЕЭК. 2021. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428900/err_12042021_17 (дата обращения: 19.08.2021).

стран – одна перешла в развивающиеся из соответствующей категории показателей ЕСТП ЕАЭС.

Согласно «Положению об условиях и порядке применения ЕСТП ЕАЭС» от 2016 г., тарифные преференции принимаются в отношении установленной группы товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран. В перечень «развивающихся» включаются страны, не классифицируемые Всемирным банком как страны с доходом выше среднего, а также с высоким уровнем дохода, т. е. это страны с валовым национальным доходом (ВНД) на душу населения менее 4 045 долл. США по состоянию на 2019 календарный год (табл. 2). Вместе с тем пересмотр ЕСТП ЕАЭС, включая внесение изменений в перечень развивающихся стран, перечень наименее развитых стран и перечень преференциальных товаров, осуществляется ЕЭК не реже, чем 1 раз в 3 года, хотя за шесть лет функционирования союза такая работа была выполнена впервые.

Таблица 2. Классификация стран по валовому национальному доходу на душу населения за 2018–2022 финансовые годы по методологии Всемирного банка, долл. США⁶

Table 2. World Bank classification of countries by gross national income per capita for fiscal year 2018–2022, US dollars

Группа / Group	Финансовый год / Fiscal year				
	2018	2019	2020	2021	2022
	Календарный год / Calendar year				
	2016	2017	2018	2019	2020
Низкий доход / Low income	< 1 005	< 995	< 1 026	< 1 036	< 1,045
Доход ниже среднего / Lower middle income	1 006–3 955	996–3 895	1 026–3 995	1 036–4 045	1 046–4 095
Доход выше среднего / Upper middle income	3 956–12 235	3 896–12 055	3 996–12 375	4 046–12 535	4 096–1 695
Высокий доход / High income	> 12 235	> 12 055	> 12 375	> 12 535	> 12 695

Поскольку показатель ВНД для некоторых стран может оказаться достаточно волатильным, то решение о возможном исключении из ЕСТП может быть принято, если страна в течение 2 лет подряд не классифицируется Всемирным банком как страна с низким уровнем дохода.

⁶ Таблица составлена по: Historical Classification by Income [Электронный ресурс] / The World Bank Group. 2021. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/site-content/OGHIST.xlsx> (дата обращения: 10.08.2021).

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что ВНД – не окончательный показатель для исключения из ГСП, а базовый критерий. Как свидетельствует мировая практика, также принимаются во внимание и другие факторы экономического и политического характера для каждой конкретной страны-бенефициара.

Результаты исследования. Исследование соответствующих классификаторов Всемирного банка⁷ выявило, что 76 стран из перечня пользователей ЕСТП действительно не соответствуют критериям, указанным в Положении об условиях и порядке применения ЕСТП ЕАЭС от 2016 г., поэтому можно констатировать, что данное решение является правильным по сути и экономически обоснованным. Однако несмотря на то, что в перечень официально несоответствующих критериям ЕСТП входят также Венесуэла и Маршалловы Острова, они не были исключены – очевидно, по политическим соображениям. При этом некоторые страны, соответствующие критериям получателей ЕСТП, такие как Белиз, Вьетнам, Индия, Индонезия, были исключены из перечня получателей. Между Вьетнамом и ЕАЭС подписано соглашение о зоне свободной торговли, что дает официальное основание для исключения из перечня получателей ЕСТП. С другими странами у ЕАЭС не имеется подписанных торговых соглашений, поэтому формальная экономическая обоснованность не выявлена.

По словам директора департамента торговой политики ЕЭК, пересмотр тарифных преференций был осуществлен с целью «уравнивания конкурентоспособности импортируемых товаров» из перечня получателей ЕСТП по отношению к товарам других иностранных поставщиков внутри ЕАЭС⁸. При этом он признает, что в ЕЭК какого-либо существенного макроэкономического эффекта не ожидается.

Несмотря на то, что принятое ЕЭК решение является экономически обоснованным и правильным по сути, важно отметить, что в современную эпоху информационных войн оно является крайне неудачным по времени и форме реализации и может негативно сыграть на политическое восприятие ЕАЭС в международном сообществе [7]. Например, Е. В. Дробот и Ю. С. Рукосуева отмечают, что сокращение перечня государств – получателей тарифных преференций «будет достаточно рациональным решением для стран – членов ЕАЭС, но здесь необходимо довольно тонко делать шаги, чтобы не навредить политическим, а также торговым отношениям между государствами» [5, с. 77]. С подобным выводом согласны и другие исследователи, предупреждающие о возможных политических «угрозах»

⁷ Hamadeh N., Serajuddin U. New World Bank Country Classifications by Income Level: 2020–2021 [Электронный ресурс] // The World Bank Group. 2021. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2020-2021> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Назарук И. ЕАЭС выиграет от сокращения торговых преференций для третьих стран [Электронный ресурс] // ЕЭК. 2021. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/eacs-vyigraet-ot-sokrascheniya-torgovyh-preferencyi-dlya-tretyh-stran/> (дата обращения: 19.08.2021).

вследствие сокращения перечня развивающихся стран или введения новых правил происхождения товаров [8; 9].

Предполагаем, что это сокращение надо было производить поэтапно, используя предоставление иных льгот в виде компенсаций (например, на стадиях формирования новых интеграционных объединений на постсоветском пространстве). При этом следует учитывать незаинтересованность многих государств СНГ или ЕАЭС, обладающих низким уровнем ВНД и опасющихся дополнительной конкуренции со стороны третьих стран.

На протяжении многих лет государства – получатели тарифных преференций России, СНГ, ЕвразЭС, ЕАЭС не исключались из перечня с целью сохранения благоприятных дипломатических отношений, хотя даже Российская Федерация сама входила в классификацию стран с доходом ниже среднего (*lower middle income*) вплоть до 2005 г. включительно. Также это было связано с процессом присоединения к ВТО, который длился 19 лет, когда велись сложные двусторонние переговоры с развивающимися странами – членами организации о будущих условиях членства России. В случае негативного развития событий некоторые из этих государств могли заблокировать процесс присоединения или выдвинуть дополнительные требования об обязательствах российской стороны [10].

Учитывая приведенные выше обстоятельства, Россия со своими партнерами по интеграционным объединениям несколько раз производила точечные сокращения списка товаров, подлежащих преференциальному ввозу.

Корень рассматриваемой проблемы уходит в далекий 1992 г., когда Российская Федерация предоставила временный режим ГСП достаточно широкому и необоснованному перечню стран, по сути дублирующему список бенефициаров ГСП США. Например, из упомянутого ранее общего перечня 146 стран (позже 153 страны – 49 наименее развитых, 104 развивающиеся) 40 стран, включенных в перечень получателей тарифных преференций по уровню дохода, классифицировались Всемирным банком как страны с доходом выше среднего (*upper middle income*), при том что сама Российская Федерация классифицировалась страной с доходом ниже среднего (*lower middle income*). 33 из них в период 1992–2020 гг. устойчиво удерживали свои позиции и ни разу не опускались до уровня стран с доходом ниже среднего, наоборот, одни страны поднялись до уровня с высоким доходом на душу населения, а другие на протяжении всего рассматриваемого периода классифицировались и продолжают оставаться странами с высоким доходом (*high income*). К ним относятся Бруней, Каймановы острова, Гонконг, Кувейт, Катар, Сингапур и ОАЭ.

К другим спорным положениям утвержденного в 1992 г. перечня можно отнести отдельно выделенные пять групп островов, расположенных в разных географических точках и являющихся заморскими территориями Великобритании (*British overseas territories*) – Ангилья, Виргинские острова,

Монтсеррат, Остров Святой Елены, Острова Теркс и Кайкос – при том, что сама Великобритания, естественно, не получает тарифные преференции, а также две группы островов – Ниуэ и Токелау – являющиеся зависимыми территориями Новой Зеландии, т. е. входящие в ее национальную юрисдикцию.

По мнению директора Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли А. Кнобеля, сокращение перечня государств – получателей ЕСТП ЕАЭС является «инвентаризацией тарифного расписания»⁹. К этому следует добавить, что аналогичная инвентаризация требуется на уровне СНГ.

При учете негативных последствий, к которым можно отнести возможное удорожание импортируемой продукции, сокращение объемов импорта и возможные нетарифные барьеры, усложняющие экспорт продукции из стран ЕАЭС, важно отметить, что исключенные из перечня государств – получателей ЕСТП Индия и Индонезия исторически входят в число ключевых развивающихся стран – основателей «Движения неприсоединения», созданию которого способствовала Бандунгская конференция 1955 г. [11]. Поэтому их исключение из списка развивающихся стран будет восприниматься особенно болезненно. Хотя Индонезия в ближайший год может получить преференциальное соглашение с ЕАЭС как альтернативу потерям. В настоящее время идут консультации на уровне совместной исследовательской группы по изучению вопроса целесообразности заключения соглашения о свободной торговле. Индия пока не получает никакой альтернативы со стороны ЕАЭС.

В российском экспертном сообществе также были высказаны некоторые опасения о предполагаемом росте цен на мясо вследствие исключения Бразилии из перечня развивающихся стран. Однако в ряде исследований и ранее сообщалось, что доля некоторых продовольственных товаров, ввозимых развивающимися странами, не только достигает значения 60 %, но и с каждым годом увеличивается из-за эмбарго на ввоз продовольствия из государств Запада [12]. В частности, доля бразильской замороженной говядины в импорте ЕАЭС составляет примерно 50 %. Это означает, что у отечественного рынка было достаточно времени подготовиться к частичному импортозамещению, курс на которое заявлен в нашей стране с 2014 г. В случае, если рынок не отреагирует на эти изменения и не компенсирует альтернативными поставками, цены могут действительно вырасти на 0,25 % от базовой пошлины (т. е. примерно на 2 % на единицу товара), однако в розничных ценах это изменение будет не столь существенным, чтобы рассматривать в качестве угрозы экономической или продуктовой безопасности страны. Тем не менее вопрос защиты внутреннего рынка ЕАЭС имеет высокое актуальное значение, особенно учитывая экономически неоднородный состав его участников.

⁹ ЕАЭС отказался от тарифных преференций для 76 стран [Электронный ресурс] // РБК : сайт. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2021/603e0f409a7947421ef8242b> (дата обращения: 20.08.2021).

Впервые сокращение перечня государств – получателей тарифных преференций было предложено ЕЭК в 2016 г. (Распоряжение Коллегии ЕЭК от 8 ноября 2016 г. № 190). В основном это было инициировано менее развитыми членами ЕАЭС, которые являются бенефициарами ГСП со стороны более развитых государств, таких как США, Европейский союз, Япония, Швейцария, Турция. С другой стороны, это международный тренд. Например, ведущие развитые страны в последние годы активно критикуют статус Китая и ряда других государств как развивающихся экономик. Это обусловлено растущей конкуренцией со стороны группы динамично развивающихся стран и использования ими так называемых недобросовестных практик ведения международной торговли.

Так, администрация 45-го президента США Д. Трампа многократно оказывала политическое давление на руководство Китая с целью принуждения к отказу от статуса развивающейся страны, который автоматически дает им торговые преференции – «особый и дифференциальный режим ВТО для развивающихся стран» [13]. Аналогичной критике и политическому давлению подвергалась Южная Корея, которая с 1996 г. является членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в результате чего в 2020 г. она провозгласила себя развитой страной (developed country) [14].

Примечательно, что в рамках ВТО отсутствуют критерии классификации на группы «развитых» и «развивающихся» государств, из-за чего одни выигрывают в международной торговле, а другие невольно страдают [15]. Определение статуса полностью зависит от отдельных членов, которые сами относят себя к той или иной группе. Поэтому данный вопрос включен США, при поддержке группы развитых государств, в повестку необходимых реформ ВТО, в связи с чем в 2019 г. американской делегацией был представлен большой подробный доклад (WT/GC/W/757) с говорящим названием «Безразличие ВТО к самопровозглашению статуса развитости страны делает ее институционально несостоятельной».

Вместе с тем разнообразие категорий развивающихся стран с четырех, представленных Всемирным банком в начале 1980-х гг. (табл. 2), увеличилось до семнадцати взаимоисключающих и противоречивых групп [16]. Такое расширение связывают с отсутствием четкого обоснования и определения характеристик страны, с непривлечением развивающихся стран к разработке этих категорий. По мнению ряда зарубежных исследователей, причинами такого широкого разделения стран на различные группы могут быть геополитика и бюрократия [17].

Поскольку добровольное самоопределение статуса оказывает непосредственное влияние на конкурентоспособность экономик, некоторые страны ввели собственные критерии по его определению. В частности, 10 февраля 2020 г. Торговое представительство США (USTR) опубликовало два уведомления «Об отмене действующих правил о назначении развивающихся и наименее развитых стран в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах»

и «Присвоение статуса развивающихся и наименее развитых стран в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах». Это решение мотивируется тем, что в ст. 10 соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам установлены более высокие нормы «de minimis»¹⁰ и пороговые значения для незначительного субсидированного импорта (negligible import¹¹) из развивающихся и наименее развитых стран, с чем власти США не согласны.

В первом уведомлении Торговое представительство США отменяет правила, установленные в Своде федеральных нормативных актов (разд. 15, гл. XX, ч. 2013), что означает отмену:

а) 3-процентного уровня «de-minimis» и 4-процентного уровня незначительного импорта для наименее развитых стран;

б) 2-процентного уровня «de-minimis» и 4-процентного уровня незначительного импорта для развивающихся стран;

в) 1-процентного уровня «de-minimis» и 3-процентного уровня незначительного импорта для развитых стран.

Во втором уведомлении Торговое представительство США определяет новые критерии и перечень государств – членов ВТО, к которым могут быть применены новые критерии «de minimis» по субсидированному импорту и незначительному объему импорта для целей антидемпинговых расследований:

а) уровень «de-minimis» установлен в 2 % как для развивающихся, так и для наименее развитых стран;

б) уровень незначительного импорта для развивающихся стран снижен до 3 %, с условием, что суммарный импорт сходных товаров в страну не должен превышать 7 %, а для наименее развитых стран – 4 % при суммарном импорте сходных товаров, не превышающем 9 %.

Вместе с тем для получения права на 2-процентный порог «de-minimis» и незначительный объем импорта ведомство установило новые критерии по определению страны в качестве развивающейся, которые основаны на:

а) показателе валового национального дохода на душу населения согласно методологии Всемирного банка;

б) доли в мировой торговле (показатель снижен с 2 до 0,5 %);

в) членстве в ОЭСР (или заявке на членство);

г) членстве в Европейском союзе;

д) членстве в Большой двадцатке (G20).

Пересмотр привел к исключению из списка 24 стран, относящихся к группе развивающихся и наименее развитых стран (табл. 3). При этом из старого перечня государств – получателей тарифных преференций от 2013 г. статус

¹⁰ De minimis (минимальные пороговые значения) – термин, используемый в ряде соглашений ВТО, означающий, что та или иная мера не будет применена, пока действие, вызывающее ее применение, не достигнет определенной (пороговой) величины.

¹¹ Negligible import (незначительный импорт) – в контексте антидемпинговых расследований незначительным обычно считается импорт подозреваемого в демпинге товара, не превышающий 3 % от суммарного импорта сходных товаров в страну.

пяти государств был повышен из наименее развитых в категорию «развивающиеся» – Боливия, Камерун, Египет, Мальдивы, Шри-Ланка, – статус одного государства (Гондурас) был пересмотрен в сторону понижения.

Т а б л и ц а 3. Пересмотр перечня государств – получателей тарифных преференций в рамках генеральной системы преференций США в 2020 г.¹²

Table 3. Review of the tariff preferences recipient list under the U.S. generalized system of preferences in 2020

Исключенные из утвержденного в 2013 г. списка государства / Excluded from the beneficiaries list approved in 2013	Новые государства, ранее не являющиеся получателями ГСП США (список от 2020 г.) / New beneficiaries of the U.S. GSP (approved in 2020)	
<i>Наименее развитые страны / Least Developed Countries</i>		
Конго / Congo	Афганистан / Afghanistan	
Гайана / Guyana	Камбоджа / Cambodia	Непал / Nepal
Индия / India	Лаос / Lao	Вануату / Vanuatu
Индонезия / Indonesia	Либерия / Liberia	Йемен / Yemen
<i>Развивающиеся страны / Developing countries</i>		
Антигуа и Барбуда / Antigua and Barbuda	Ямайка / Jamayka	
Аргентина / Argentina	Малайзия / Malaysia	
Бахрейн / Bahrain	Мальта / Malta	Ботсвана / Botswana
Барбадос / Barbados	Панама / Panama	Кабо-Верде / Cabo Verde
Белиз / Belize	ЮАР / SAR	Куба / Cuba
Ботсвана / Botswana	Сент-Китс и Невис / Saint Kitts and Nevis	Иордания / Jordan
Бразилия / Brazil	Словения / Slovenia	Монголия / Mongolia
Чили / Chile	Таиланд / Thailand	Самоа / Samoa
Колумбия / Colombia	Тринидад и Тобаго / Trinidad and Tobago	Таджикистан / Tajikistan
Коста-Рика / Costa Rika	Уругвай / Uruguay	Тонга / Tonga

Примечание / Note. Индия и Индонезия являлись получателями тарифных преференций США, предоставляемых наименее развитым странам в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах, хотя в список наименее развитых стран, определяемых ООН, они не входили / India and Indonesia were recipients of U.S. tariff preferences granted to LDCs under the Countervailing Duties Act, although they were not on the UN-defined list of LDCs.

¹² Таблица составлена по: Removal of Rule Designating Developing and Least-Developed Country Designations under the Countervailing Duty Law [Электронный ресурс] / United States Trade Representative. 2020. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Final_Rule_2020-02445.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

Важно отметить, что новые критерии США по определению страны в качестве развивающейся оставляют возможность оспаривания или поиска консенсуса, основанного на взаимовыгодных политических и экономических уступках. Одним из таких примеров стала Индонезия [18]. Несмотря на то, что страна является членом Большой двадцатки (G20), а ее доля в мировой торговле составляет больше 0,5 %, показатель ВВП на душу населения, согласно методологии Всемирного банка, впервые достиг порога «выше среднего» в 2019 г. и составил 4 050 долл. США. Однако в 2020 г. этот показатель снова опустился на уровень «ниже среднего» и составил 3 870 долл. США. Это позволило Индонезии на основе дополнительных условий достичь договоренности с США о возобновлении доступа к тарифным преференциям в рамках ГСП.

По мнению главы МИД Индонезии, для государств – получателей тарифных преференций ГСП символизирует готовность к стратегическому партнерству. В обмен на доступ к американской системе ГСП Индонезия предоставляет более благоприятный инвестиционный климат и выражает готовность расширения не только торгово-экономического, но и технологического сотрудничества, в частности в секторе ИКТ. В связи с этим планируется заключение с США двустороннего торгового соглашения с ограниченной номенклатурой товаров (Limited trade deal), который должен в том числе способствовать увеличению общего торгового оборота с 30 млрд долл. США в 2019 г. до 60 млрд долл. США к 2025 г. [19].

Отдельные системы тарифных преференций в рамках ГСП действуют у Европейского союза, Канады, Японии и Великобритании. Например, европейская система ГСП имеет три различных механизма преференций:

а) стандартная ГСП для развивающихся стран – снижение тарифных пошлин по 2/3 тарифных позиций Европейского союза для стран с низким или средним уровнем дохода;

б) стандартная ГСП для наименее развитых стран – полный беспошлинный и неквотируемый доступ ко всем товарам, кроме оружия и боеприпасов;

в) расширенная ГСП (GSP+) – беспошлинный доступ к 2/3 тарифных позиций Европейского союза для тех стран, которые признаны особенно уязвимыми с точки зрения диверсификации экономики и объемов импорта. Взамен эти страны должны ратифицировать и эффективно выполнять 27 основных международных конвенций, касающихся прав человека, трудовых прав, охраны окружающей среды, качества государственного управления в рамках программы устойчивого развития (Sustainable Development and Good Governance). Одним из получателей GSP+ с 2009 г. является Армения, несмотря на то, что с 2019 г., по данным Всемирного банка, она относится к странам с доходом выше среднего (upper middle income)¹³.

¹³ С целью сохранения тарифных преференций Европейского союза в рамках GSP+ между Арменией и Европейским союзом в 2017 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем и глубоким партнерстве.

Канада предоставляет доступ к своей системе тарифных преференций по двум критериям: низкий уровень ВНД на душу населения и доля в мировом экспорте менее 1 %. При изменении показателей, соответствующих этим критериям, такая страна перестает рассматриваться в качестве развивающейся и быть бенефициаром канадской системы ГСП. Канада пересматривает список бенефициаров каждые 10 лет. В 2012 г. доступа к ГСП были лишены 72 страны, а с 2024 г. пересмотр должен будет осуществляться с периодичностью два раза в год.

Япония предоставляет доступ к своей системе тарифных преференций, также ориентируясь на уровень ВНД на душу населения. При росте доходов до уровня выше среднего страна частично лишается доступа к ГСП, а при их устойчивом сохранении на протяжении трех лет – полностью лишается доступа к ГСП. Также любые товары могут быть исключены из утвержденного перечня попадающих под тарифные преференции, если объемы их поставок за три года превышают 1,5 млрд иен или 50 % их экспорта в Японию. Отдельные изъятия могут быть введены по отношению к рыбной продукции, если Управление рыболовством Японии выступит за сохранение определенных видов рыб.

После выхода из состава Европейского союза 1 января 2020 г. Великобритания уже к концу года представила свой собственный механизм ГСП, что освидетельствует о понимании его экономической важности в международном торговле, а также политических и экономических отношениях со странами Содружества наций [20]. ГСП Великобритании практически полностью повторяет механизм Европейского союза и так же разделен на три группы. Однако кроме критериев соответствия к той или иной группе стран, в ней представлены дополнительные условия, которые в случае их нарушения позволяют приостановить или изменить преференции в отношении любой страны-бенефициара, в том числе из перечня наименее развитых стран. К таким условиям относятся:

- серьезные и систематические нарушения прав человека и трудовых прав;
- выявленные ВТО запрещенные или недобросовестные торговые практики;
- использование труда заключенных;
- слабый таможенный контроль, способствующий транзиту различных наркотических средств;
- систематические нарушения принципов международных конвенций по борьбе с терроризмом и отмыванием денег;
- систематические нарушения требований региональных организаций по вопросам рыболовства в отношении сохранения и управления рыбными ресурсами;
- систематическое несоблюдение условий, указанных в уведомлении о таможенном сотрудничестве.

Расчет тарифных значений в рамках ГСП Великобритании для товаров из развивающихся стран осуществляется в индивидуальном порядке с учетом чувствительности каждой товарной позиции (группы) и не имеет единой формулы.

Обсуждение и заключение. С учетом вышеизложенного можно предположить, что основной причиной пересмотра ведущими развитыми странами мира тех или иных критериев по определению экономического статуса других стран является растущая конкуренция со стороны динамично развивающихся стран, которая и может быть воспринята частью современных торговых войн. В данном контексте стоит также отметить, что Министерство торговли США в августе 2021 г. запустило процедуру пересмотра рыночного статуса экономики России. В случае лишения России статуса рыночной экономики к российскому экспорту на систематической основе начнут применяться антидемпинговые и компенсационные пошлины, что, несомненно, отразится на конкурентоспособности экспортируемой продукции на международных рынках.

Общий взгляд на данную проблему выявляет формирующийся тренд на пересмотр правил международной торговли в частном порядке, вне рамок международных организаций, что в свою очередь создает негативные тенденции и требует адекватной реакции со стороны российских органов государственной власти, координирующих органов ЕАЭС и заинтересованных крупных экономических агентов. В результате этих изменений отчасти меняется архитектура международной торговли, а проблема приобретает совершенно новый системный характер и открывает возможность для будущих исследований.

Вместе с тем, как упоминалось ранее, ГСП действительно имеет не только экономическое, но и политическое значение. Новые критерии по определению стран – бенефициаров тарифных преференций в качестве «развивающихся» разрабатываются таким образом, чтобы у заинтересованных стран была возможность сохранения преференций на основе консенсуса, теоретически построенного на взаимовыгодных политических и экономических уступках. Однако, как показывает мировой опыт, основные политические и экономические уступки совершаются именно странами – бенефициарами ГСП, взамен они получают возможность приобретения «входного билета» на крупный платежеспособный рынок по условно маркетинговому принципу листинга «плати и оставайся» (pay-to-stay fees). Таким образом, при достижении консенсуса стороны действительно показывают готовность к стратегическому партнерству на базе ГСП, что, несомненно, должно быть использовано и в практике ЕАЭС.

Представляется, что подобные исследования правил и критериев определения экономического статуса страны как для получения тарифных преференций, так и для широкого спектра экономических выгод внесут вклад в развитие теорий международной торговли по части выработки единых характеристик для категоризации стран, а также эффективного внешнеторгового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Does the Designation of Least Developed Country Status Promote Exports? / S. Klasen [et al.] // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2021. Vol. 30, issue 2. Pp. 157–177. doi: <https://doi.org/10.1080/09638199.2020.1831042>
2. Лард С. Обзор систем торговых предпочтений для беднейших стран // *Торговая политика*. 2015. № 1 (1). С. 31–77. URL: <https://tpjournal.hse.ru/article/view/8067> (дата обращения: 04.04.2022).
3. Губин А. В. Необходимость изменения системы тарифных предпочтений в Евразийском экономическом союзе // *Вестник Российской таможенной академии*. 2017. № 1. С. 36–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28782631> (дата обращения: 04.04.2022).
4. Глекова В. В., Москаленко О. А. Единая система тарифных предпочтений в Евразийском экономическом союзе // *Национальная Ассоциация Ученых*. 2020. № 59-2 (59). С. 31–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45629929> (дата обращения: 04.04.2022).
5. Дробот Е. В., Рукосуева Ю. С. К вопросу об эффективности функционирования единой системы тарифных предпочтений Евразийского экономического союза // *Экономические отношения*. 2019. Т. 9, № 1. С. 67–86. doi: <https://doi.org/10.18334/eo.84.39187>
6. Макаров А. И. Правовое регулирование форм реализации программного обеспечения как метод борьбы с «интеллектуальным пиратством» в Российской Федерации // *Международное публичное и частное право*. 2007. № 6. С. 30–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9948616> (дата обращения: 04.04.2022).
7. Багдасарян К. М. Критический анализ работ зарубежных исследователей, посвященных Евразийскому экономическому союзу // *Вестник евразийской науки*. 2020. Т. 12, № 4. URL: <https://esj.today/PDF/37ECVN420.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
8. Агапова А. В., Барсегян Д. Э. Разработка направлений совершенствования единой системы тарифных предпочтений ЕАЭС // *Международная торговля и торговая политика*. 2019. № 2. С. 122–136. doi: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-2-122-136>
9. Килина И. П., Малинина Е. А. Рекомендации по совершенствованию системы тарифных предпочтений в рамках ЕАЭС // *Научные труды Северо-Западного Института управления РАНХиГС*. 2020. Т. 11, № 5 (47). С. 52–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45555262> (дата обращения: 10.09.2021).
10. Багдасарян К. М., Пахомов А. А. Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО // *Экономическое развитие России*. 2016. № 11. С. 31–37. URL: <http://www.edrussia.ru/archive/2016/292-11-2016> (дата обращения: 04.04.2022).
11. Бойцов В. В. «Дух Бандунга» и практика экономического сотрудничества в регионе Юго-Восточной Азии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2015. № 26. С. 18–25. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=6461> (дата обращения: 04.04.2022).
12. Шестак О. Н., Боброва К. Проблемы применения единой системы тарифных предпочтений Евразийского экономического союза // *Рынок транспортных услуг (Проблемы повышения эффективности)*. 2017. № 10. С. 333–339. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36424431> (дата обращения: 04.04.2022).

13. Wolf R. Donald Trump's Status-Driven Foreign Policy // *Survival*. 2017. Vol. 59, issue 5. Pp. 99–116. doi: <https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1375260>
14. Sohn Y. South Korea under the United States–China Rivalry: Dynamics of the Economic-Security Nexus in Trade Policymaking // *The Pacific Review*. 2019. Vol. 32, issue 6. Pp. 1019–1040. doi: <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1617770>
15. Weinhardt C. Emerging Powers in the World Trading System: Contestation of the Developing Country Status and the Reproduction of Inequalities // *Global Society*. 2020. Vol. 34, issue 3. Pp. 388–408. doi: <https://doi.org/10.1080/13600826.2020.1739632>
16. Fialho D., Van Bergeijk P. The Proliferation of Developing Country Classifications // *The Journal of Development Studies*. 2017. Vol. 53, issue 1. Pp. 99–115. doi: <https://doi.org/10.1080/00220388.2016.1178383>
17. Farias D. B. L. Outlook for the 'Developing Country' Category: A Paradox of Demise and Continuity // *Third World Quarterly*. 2019. Vol. 40, issue 4. Pp. 668–687. doi: <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1573139>
18. Ismail A. Indonesia and United States General System of Preference (US-GSP): Eligibility of Indonesia as a Beneficiary Country // *Jurnal Politik Internasional*. 2019. Vol. 21, no. 2. Pp. 155–175. doi: <https://doi.org/10.7454/global.v21i2.401>
19. Другов А. Ю. Индонезийско-американские отношения на современном этапе // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2019. Т. 1, № 1 (42). С. 94–111. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=13847> (дата обращения: 04.04.2022).
20. Akinmade B., Khorana S., Adedoyin F. F. An Assessment of UK's Trade with Developing Countries under the Generalised System of Preferences // *Journal of Public Affairs*. 2022. Vol. 22, issue 1. doi: <https://doi.org/10.1002/pa.2308>

Поступила 12.11.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

Об авторе:

Багдасарян Княз Мнацаканович, научный сотрудник Международной лаборатории исследований внешней торговли Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1076>, Researcher ID: AАН-9531-2019, bagdasaryan-km@ranepa.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Klasen S., Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Bruckner M. Does the Designation of Least Developed Country Status Promote Exports? *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2021;30(2):157–177. doi: <https://doi.org/10.1080/09638199.2020.1831042>

2. Lard S. A Review of Trade Preference Schemes for the World's Poorest Countries. *Trade Policy*. 2015;(1):31–77. Available at: <https://tpjournal.hse.ru/article/view/8067> (accessed 04.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Gubin A.V. The Need for Changing the Tariff Preference System in the Eurasian Economic Union. *Vestnik of Russian Customs Academy*. 2017;(1):36–44. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28782631> (accessed 04.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Glekova V.V., Moskalenko O.A. Unified System of Tariff Preferences in the Eurasian Economic Union. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2020;(59-2):31–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45629929> (accessed 04.04.2022) (In Russ., abstract in Eng.)

5. Drobot E.V., Rukosueva Yu.S. On the Efficiency of the Eurasian Economic Union Tariff Preferences Unified System. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 2019;9(1):67–86. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18334/eo.8.4.39187>

6. Makarov A.I. Legal Regulation of Forms of Realization of Software as a Method of Combating “Intellectual Piracy” in the Russian Federation. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2007;(6):30–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9948616> (accessed: 04.04.2022). (In Russ.)

7. Bagdasaryan K.M. Formation of the Eurasian Economic Union in the Perspective of Foreign Studies. *The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(4). Available at: <https://esj.today/PDF/37ECVN420.pdf> (accessed: 10.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

8. Agapova A.V., Barsegyan D.E. The Directions for Improving the Unified System of Tariff Preferences of the EAEU. *International Trade and Trade Policy*. 2019;(2):122–136. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-2-122-136>

9. Kilina E.P., Malinina Y.A. Recommendations for Improving the System of Tariff Preferences within the EAEU. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo Instituta upravleniya RANKhiGS*. 2020;11(5):52–65. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45555262> (accessed 10.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Bagdasaryan K.M., Pakhomov A.A. Issues Regarding EAEU Members' Participation in the WTO Activity. *Russian Economic Developments*. 2016;(11):31–37. Available at: <http://www.edrussia.ru/archive/2016/292-11-2016> (accessed 04.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Boicov V.V. The Spirit of Bandung and the Practice of Economic Cooperation in South-East Asia. *Southeast Asia: Actual problems of Development*. 2015;(26):18–25. Available at: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=6461> (accessed 04.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Shestak O.N., Bobrova K. Issues of Unified System Tariff Preferences Eurasian Economic Union. *Transport Services Market (Problems of Increasing Efficiency)*. 2017;(10):333–339. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36424431> (accessed: 04.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Wolf R. Donald Trump's Status-Driven Foreign Policy. *Survival*. 2017;59(5):99–116. doi: <https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1375260>

14. Sohn Y. South Korea under the United States–China Rivalry: Dynamics of the Economic-Security Nexus in Trade Policymaking. *The Pacific Review*. 2019;32(6):1019–1040. doi: <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1617770>

15. Weinhardt C. Emerging Powers in the World Trading System: Contestation of the Developing Country Status and the Reproduction of Inequalities. *Global Society*. 2020;34(3):388–408. doi: <https://doi.org/10.1080/13600826.2020.1739632>

16. Fialho D., Van Bergeijk P. The Proliferation of Developing Country Classifications. *The Journal of Development Studies*. 2017;53(1):99–115. doi: <https://doi.org/10.1080/00220388.2016.1178383>
17. Farias D.B.L. Outlook for the ‘Developing Country’ Category: A Paradox of Demise and Continuity. *Third World Quarterly*. 2019;40(4):668–687. doi: <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1573139>
18. Ismail A. Indonesia and United States General System of Preference (US-GSP): Eligibility of Indonesia as a Beneficiary Country. *Jurnal Politik Internasional*. 2019;21(2):155–175. doi: <https://doi.org/10.7454/global.v21i2.401>
19. Drugov A.Yu. Present Stage of the Indonesia – USA Relations. *Southeast Asia: Actual problems of Development*. 2019;1(1):94–111. Available at: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=13847> (accessed 04.04.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Akinmade B., Khorana S., Adedoyin F.F. An Assessment of UK’s Trade with Developing Countries under the Generalised System of Preferences. *Journal of Public Affairs*. 2022;22(1). doi: <https://doi.org/10.1002/pa.2308>

Submitted 12.11.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

About the author:

Kniaz M. Bagdasaryan, Research Fellow, International Laboratory of Foreign Trade Research, Institute of Applied Economic Research, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadskiy Ave., Moscow 119571, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1076>, Researcher ID: [AAH-9531-2019](https://orcid.org/AAH-9531-2019), bagdasaryan-km@ranepa.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Оценка эффективности государственной поддержки страхования в сельском хозяйстве России

Н. Н. Семенова¹✉**А. Ю. Аверин**²

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет (г. Саранск, Российская Федерация)

² Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация)
✉ nnsemenova@mail.ru

Аннотация

Введение. Страхование рисков выступает важнейшим финансовым инструментом, обеспечивающим устойчивое развитие сельского хозяйства. Специфика реализации сельскохозяйственных рисков (непредсказуемый характер наступления и значительная интенсивность воздействия на деятельность сельскохозяйственных производителей) определяет повышенный интерес к данному направлению поддержки отрасли со стороны государства. Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования оценить эффективность государственной поддержки в сфере страхования сельскохозяйственных рисков в России.

Материалы и методы. Авторами проанализирована отчетность Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Национального союза агростраховщиков, характеризующая динамику развития и результативность государственной поддержки в сфере страхования рисков в сельском хозяйстве. Для оценки эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей при заключении договоров страхования использовались: анализ достижения плановых показателей сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой; анализ влияния размера государственного финансирования страхования на финансовые результаты и финансовую устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей; корреляционный анализ тесноты связи основных показателей страхования с показателями финансовых результатов и финансовой устойчивости производителей сельскохозяйственной продукции.

Результаты исследования. Проведен анализ динамики развития сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой в России, а также вклада государственных субсидий в финансовый результат сельскохозяйственных товаропроизводи-

© Семенова Н. Н., Аверин А. Ю., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

телей. На основе корреляционного анализа установлена теснота связи между такими показателями страхования, как страховое покрытие и страховое возмещение и показателями, характеризующими финансовые результаты и финансовую устойчивость сельского хозяйства.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты свидетельствуют о существенном влиянии государственного финансирования страхования рисков в сельском хозяйстве на развитие отрасли. Материалы исследования могут быть использованы органами государственной власти и управления при формировании стратегии развития и программ агрострахования, разработке соответствующих финансовых инструментов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Ключевые слова: государственная финансовая поддержка, сельское хозяйство, агрострахование, финансовый результат, финансовая устойчивость

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Семенова Н. Н., Аверин А. Ю. Оценка эффективности государственной поддержки страхования в сельском хозяйстве России // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 299–323. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.299-323>

Original article

Assessment of the Effectiveness of State Support for Insurance in Agriculture in Russia

N. N. Semenova^{a✉}, A. Yu. Averin^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^b Penza State University (Penza, Russian Federation)

✉ nnsemenova@mail.ru

Abstract

Introduction. Risk insurance is the most important financial instrument that ensures the sustainable development of agriculture. The specifics of the implementation of agricultural risks (the unpredictable nature of the onset and the significant intensity of the impact on the activities of agricultural producers) determines the increased interest in this area of support for agriculture from the state. The purpose of the article is to assess the effectiveness of state support in the field of agricultural risk insurance in Russia.

Materials and Methods. The authors analyzed the reports of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, as well as the National Union of Agricultural Insurers, characterizing the dynamics of development and the effectiveness of state support in the field of insurance of risks in agriculture. To assess the effectiveness of state support for agricultural producers when concluding an insurance contract, the following algorithm was used: first, an analysis of the achievement of planned indicators of agricultural insurance with state support; second, an analysis of the impact of the size of government funding for insurance on the financial results and financial sustainability of agricultural producers; third, the correlation analysis of the closeness of the relationship between the main indicators of insurance with indicators of financial results and financial stability of agricultural producers.

Results. The analysis of the dynamics of the development of agricultural insurance with government support in Russia, as well as the contribution of government subsidies to the financial result of agricultural producers is carried out. On the basis of correlation analysis, there is a tight link between insurance indicators such as insurance coverage and insurance indemnity and indicators of financial results and financial sustainability of agriculture.

Discussion and Conclusion. The results obtained indicate a significant impact of government financing of insurance risks in agriculture on the development of the industry. The results of the study could be used by public authorities and Governments in formulating development strategies and agricultural insurance programs, developing appropriate financial instruments for State support for agricultural producers.

Keywords: state financial support, agriculture, agricultural insurance, financial results, financial stability

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Semenova N.N., Averin A. Yu. Assessment of the Effectiveness of State Support for Insurance in Agriculture in Russia. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):299–323. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.299-323>

Введение. Сельское хозяйство – одна из ведущих отраслей экономики, определяющая достижение важнейших национальных интересов государства в сфере обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной независимости. В России на долю сельского хозяйства приходится в среднем 4 % валового внутреннего продукта (ВВП). Данная отрасль обладает значительным мультипликационным эффектом, что позволяет обеспечивать устойчивый экономический рост в стране.

В то же время на развитие сельского хозяйства существенное воздействие оказывают природно-климатические факторы (наводнения, засуха, ураганы, град, заморозки и др.) и состояние почв. Одной из особенностей отрасли является то, что в процессе производства вовлечены растения и животные. В связи с этим получение прибыли и возможность окупаемости вложенных средств в аграрном секторе экономики сопряжены с рисками.

В настоящее время в России более 70 % сельскохозяйственного производства относится к зоне рискованного земледелия. Согласно данным Национального союза агростраховщиков, в 2016–2020 гг. основными рисками в растениеводстве были: почвенная и атмосферная засухи, суховеи – 62,7 %, переувлажнение почвы – 15,4, вымерзание – 9,9, градобитие – 3,5, выпревание – 2,2, прочие риски – 2,5 %. Основным риском для животноводства России является распространение эпизоотий, что стало причиной 97,2 % совокупного объема страховых выплат по договорам с государственной поддержкой.

Сказанное выше обуславливает необходимость формирования эффективной страховой защиты в сельском хозяйстве в интересах обеспечения продовольственной безопасности страны. Сегодня сельскохозяйственное страхование – важнейший финансовый инструмент, который позволяет компенсировать убытки, возникающие в результате наступления неблагоприятных ситуаций природного и техногенного характера.

Во всем мире государство является активным участником организации сельскохозяйственного страхования, а финансирование страхования – одним

из методов государственного регулирования развития агробизнеса [1]. В рамках государственной поддержки страхования осуществляется комплексное воздействие на основные риски деятельности аграрного сектора экономики, что оказывает положительное влияние на повышение устойчивости конечных сельскохозяйственных товаропроизводителей посредством компенсации полученного ими ущерба (убытков в связи с потерей продукции), снижает риск наступления банкротства, позволяет сохранять достаточный для погашения текущих долговых обязательств уровень платежеспособности и обеспечивает стабильность финансовых результатов деятельности.

Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования провести оценку эффективности государственной поддержки страхования рисков в сельском хозяйстве России.

Обзор литературы. Вопросы сельскохозяйственного страхования и рисков сельскохозяйственных товаропроизводителей занимают важное место в современных исследованиях зарубежных и российских ученых. Особую актуальность они приобрели в связи с возрастанием глобальных рисков и угроз устойчивому развитию агробизнеса. В ежегодном докладе Всемирного экономического форума о глобальных рисках отмечается, что катастрофическим риском для всей планеты является изменение климата¹. Зарубежные исследователи (например, С. Л. Йоргенсен, М. Термансен, У. Паскуаль [2], Суриянто, Э. Гравитиани, А. Даэроби, Ф. Сусиловати [3]) считают, что изменение климата оказывает прямое и косвенное влияние на сельскохозяйственное производство, а страхование – важнейший инструмент для борьбы с последствиями изменения климата.

Ряд ученых в своих исследованиях отмечают, что изменение климата приводит к увеличению интенсивности и частоты экстремальных погодных явлений, колебанию температуры воздуха и количества осадков. Последние негативно влияют на продуктивность отраслей сельского хозяйства и увеличивают производственные риски. По их мнению, основные риски фермеров связаны с уровнем урожайности и цен на сельскохозяйственную продукцию [4–6].

А. Курдысь-Куявска с соавторами считают, что интенсификация сельского хозяйства привела к снижению биоразнообразия, деградации земельных и водных ресурсов, сокращению лесов и значительным выбросам парниковых газов [7]. Вследствие этой деятельности происходят серьезные изменения климата, которые увеличивают спрос на сельскохозяйственное страхование и увеличивают размер выплачиваемого возмещения. Д. А. Анкра с коллективом авторов, исследуя доступность и применение сельскохозяйственного страхования мелкими фермерами в Гане, приходят к выводу, что сельскохозяйственное страхование служит надежным инструментом снижения рисков для борьбы с опасностями, связанными с изменением климата. В то же время

¹ The Global Risks Report 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

они отмечают, что использование сельскохозяйственного страхования среди мелких фермеров на юге остается низким в отличие от северной части страны. Среди причин такой ситуации указывается недостаточная осведомленность и количество знаний фермеров о сельскохозяйственном страховании [8].

Многие ученые считают, что важнейшим инструментом снижения сельскохозяйственных рисков и обеспечения устойчивого развития аграрного сектора экономики является страхование с государственной поддержкой [9–13]. Как справедливо отметила А. С. Кабирова, необходимость государственной поддержки обусловлена тем, что сельскохозяйственные риски влияют не только на результаты деятельности производителей сельскохозяйственной продукции, но и на все хозяйствующие субъекты, участвующие в цепочке создания стоимости продукта [14]. А. Матеос-Ронко, Р. Дж. Искердо отмечают, что страхование способствует обеспечению непрерывности и бесперебойности производственного процесса, поддержанию стабильности доходов сельскохозяйственных производителей [15], а А. Тиемторе приходит к выводу, что страхование доходов позволяет фермерам снижать риски и повышать финансовую устойчивость [16].

Исследованию действующих программ страхования рисков в сельском хозяйстве в зарубежных странах посвящены работы П. П. Миглиетта, Д. Поррини, Г. Фуско, Ф. Капитанио [17], В. Х. Смиза [18], И. Ивашкина и соавторов [19]. Не остался без внимания отечественных ученых и анализ актуальных проблем и современного состояния рынка агрострахования с господдержкой в России [20–27]. Среди основных проблем в сфере государственной поддержки сельскохозяйственного страхования исследователи указывают следующие: низкий уровень охвата им сельхозпроизводителей, снижение темпов роста страховых взносов сельскохозяйственных организаций, превышение объемов субсидирования растениеводства над животноводством, низкая активность регионов.

А. Ю. Павлов, А. Ю. Киндаев и А. В. Моисеев считают, что для повышения доступности страхования сельхозпроизводителям целесообразно пересмотреть порядок формирования страховых тарифов. В своем исследовании они обосновывают модель страхования риска неурожая яровой пшеницы, учитывающей соотношение убытков по различным договорам страхования [28].

В результате проведения анализа индексного страхования зерновых культур с государственной поддержкой в Калмыкии ученые пришли к выводу, что дальнейшее развитие агрострахования в контексте повышения его эффективности требует применения новых видов и форм страхования [29]. Кроме того, агрострахование должно обеспечивать баланс интересов всех его участников: государства, сельскохозяйственных товаропроизводителей и страховых компаний. Устойчивое развитие сельских территорий и уровень жизни сельского населения во многом зависит от наличия эффективного механизма страховой защиты в сельском хозяйстве с участием государства [30].

Таким образом, несмотря на большое количество имеющихся публикаций по агрострахованию, отсутствуют работы, посвященные исследованию эффективности государственной поддержки в сфере страхования сельскохозяйственных рисков, оценке ее влияния на доходы и финансовую устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Материалы и методы. В процессе исследования основное внимание было уделено оценке динамики развития финансовой поддержки сельскохозяйственного страхования в России со стороны государства в период 2013–2020 гг. Алгоритм оценки эффективности государственной поддержки страхования сельскохозяйственных рисков включает несколько этапов:

1. Анализ достижения плановых показателей развития сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой, установленных Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

2. Оценка вклада государственного субсидирования в финансовые результаты и их влияния на финансовую устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей.

3. Проведение корреляционного анализа тесноты связи основных показателей страхования (коэффициент страхового покрытия, коэффициент страхового возмещения) с показателями финансовых результатов и финансовой устойчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Для расчета коэффициентов корреляции использовалась формула:

$$r = \frac{\overline{yx} - \bar{y} \cdot \bar{x}}{\sigma_y \cdot \sigma_x},$$

где $\overline{yx}$ – среднее значение произведения признаков; $\bar{x}$ – среднее значение факторного признака; $\bar{y}$ – среднее значение результативного признака; σ_x и σ_y – стандартные отклонения признаков.

Степень взаимосвязи между различными показателями в зависимости от коэффициента корреляции определялась в соответствии со шкалой Чеддока.

Подобная логика исследования обусловлена тем, что государственная поддержка осуществляется в целях повышения доходности и финансовой устойчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Информационную базу для проведения исследования составили официальные данные Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, а также Национального союза агростраховщиков.

Результаты исследования. На сегодняшний день в России применяются две системы агрострахования: коммерческое страхование и страхование с государственной поддержкой. Практика сельскохозяйственного страхования убедительно демонстрирует высокую эффективность классического

коммерческого страхования исключительно в отношении защиты отдельных средних и крупных хозяйств от локальных видов рисков (град или пожар). Однако коммерческое страхование целого комплекса сельскохозяйственных производителей от воздействия катастрофических рисков (засуха, наводнение) не способно эффективно справиться в условиях отсутствия достаточно-го объема перестраховочных мощностей без привлечения дополнительных значительных ресурсов в виде государственной поддержки в силу большого масштаба реализованных рисков и значительного объема полученных убытков. Кроме того, страховые организации закладывают в параметры договорных отношений рисковую составляющую, что делает страховые полисы дорогими для большинства средних и мелких производителей. Именно государственное субсидирование части расходов на уплату страховых премий повышает доступность страховой защиты.

Государственная поддержка страхования сельскохозяйственных рисков в России в соответствии с Федеральным законом № 260-ФЗ от 25.07.2011 г. «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования» осуществляется в централизованной форме по трем основным направлениям: растениеводство, животноводство и товарная аквакультура. Заметим, что страхование аквакультур реализуется только с 2019 г. В связи с этим в рамках нашего исследования основной акцент сделан на оценку страхования рисков в растениеводстве и животноводстве.

Действующий механизм основан на софинансировании государством расходов сельхозтоваропроизводителей на страхование из федерального и региональных бюджетов. Государственная поддержка сельскохозяйственного страхования реализуется посредством компенсации непосредственно страховой организации 50 % объема начисленной по действующему договору страховой премии путем прямого перечисления государственным органом денежных средств на расчетный счет страховщика на основании заявления страхователя при условии, что договор страхования отвечает требованиям Закона № 260-ФЗ.

Стоит отметить, что уровень проникновения страховой защиты в аграрный сектор экономики России крайне низок. Так, лишь 6,5 % посевной площади и 28,0 % поголовья животных застрахованы по договорам страхования с финансовой поддержкой государства; субсидирование растениеводства более чем в 2 раза превышает аналогичный показатель в животноводстве. Это говорит о неэффективном развитии страхования с государственной поддержкой как инструмента защиты сельскохозяйственных рисков.

В целях оценки эффективности государственной поддержки страхования проведем анализ достижения плановых показателей, установленных Государственной программой развития сельского хозяйства. При оценке итогов реализации Государственной программы Министерство сельского хозяйства Российской Федерации использует показатель «индекс производства

сельскохозяйственной продукции», который рассчитывается по отношению к базовому году (например, 2015 или 2017 г.). На наш взгляд, целесообразно анализировать индекс производства сельскохозяйственной продукции по отношению к предыдущему году и сопоставлять его с объемами государственного субсидирования сельскохозяйственного страхования.

Динамика объемов производства продукции и государственного субсидирования растениеводства и животноводства представлена на рисунке 1.

Р и с. 1. Сравнительная динамика объема производства сельскохозяйственной продукции и государственной программы субсидирования сельского хозяйства, %²

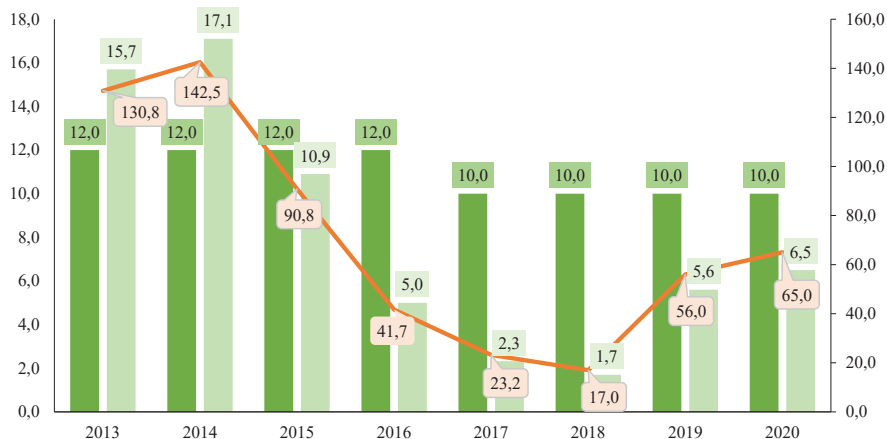
F i g. 1. Comparative dynamics of the volume of agricultural production and the state program of subsidizing agriculture, %

Данные рисунка 1 демонстрируют отсутствие четкой связи между изменениями индекса сельскохозяйственной продукции отраслей растениеводства и животноводства и темпом роста субсидирования сельскохозяйственного страхования.

² Все рисунки в статье составлены авторами.

Проанализируем выполнение плановых значений застрахованных посевных площадей по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур (рис. 2).

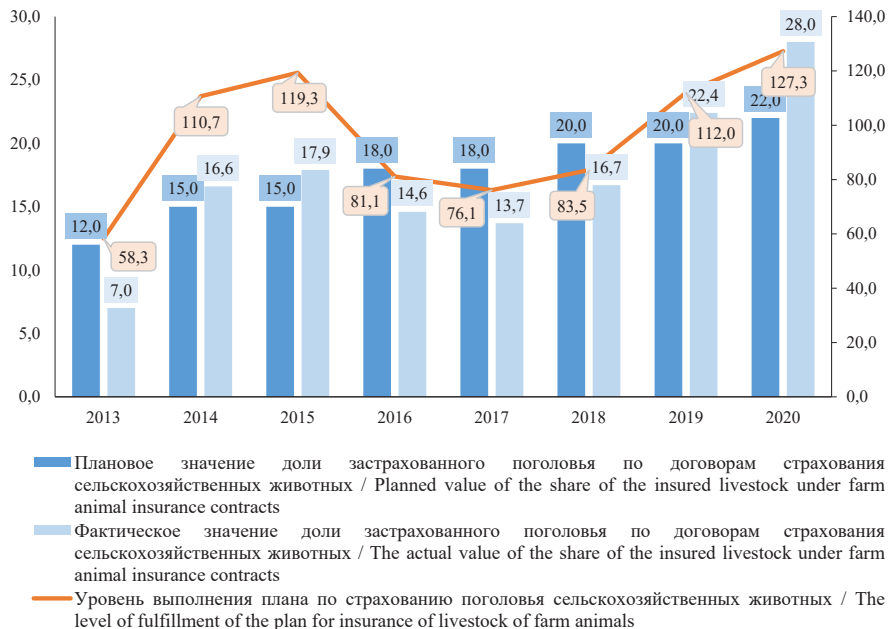
- Плановое значение доли застрахованных посевных площадей по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур / Planned value of the share of insured cultivated areas under crop insurance contracts
- Фактическое значение доли застрахованных посевных площадей по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур / The actual value of the share of insured cultivated areas under crop insurance contracts
- Уровень выполнения плана по страхованию посевных площадей / The level of fulfillment of the plan for insurance of cultivated areas

Р и с. 2. Оценка выполнения плановых значений застрахованных посевных площадей по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур, %

F i g. 2. Assessment of the fulfillment of the planned values of the insured acreage under crop insurance contracts, %

Показатели свидетельствуют о значительном перевыполнении плановых значений застрахованных посевных площадей по договорам страхования в растениеводстве в 2013–2014 гг. на уровне 130,8 и 142,5 % соответственно. В 2015 г. наблюдалось недовыполнение плана на 9,2 %. В годы реализации единого субсидирования (2016–2018 гг.) объем застрахованных посевных площадей динамично сокращался, что влекло за собой невыполнение даже заниженных плановых показателей вплоть до 17,0 % в 2018 г. В 2019 г. после реформирования единой субсидии началось восстановление сельскохозяйственного страхования и план был выполнен на 56,0 %. В 2020 г. положительная тенденция продолжилась: выполнение плана по доли застрахованных посевных площадей составило 65,0 %.

Первый год реализации плана страхования сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой прошел неудачно (рис. 3). Показатели выполнения плана были низкими. Причины этого содержатся в законе о страховании с господдержкой, который ориентирует на возмещение ущерба только в результате наступления катастрофических событий – массовых эпидемий, стихийных бедствий. Если у страхователя погибло небольшое количество скота (10–15 голов) от болезней, не указанных в списке особо опасных, то он не получал страхового возмещения.

Р и с. 3. Оценка выполнения плановых значений застрахованного поголовья по договорам страхования сельскохозяйственных животных, %

F i g. 3. Assessment of the fulfillment of the planned values of the insured livestock under farm animal insurance contracts, %

В 2013 г. выполнение плана по застрахованному поголовью сельскохозяйственных животных составило лишь 58,3 %. В последующие два года программа страхования активно наращивала объемы, и план по страхованию поголовья сельскохозяйственных животных был перевыполнен и составил 110,7 % в 2014 г. и 119,3 % в 2015 г. Введение единого субсидирования также оказало влияние на снижение результативности страхования животноводства,

однако не так критично, как в растениеводстве. На протяжении 2016–2018 гг. наблюдалось недовыполнение плана страхования сельскохозяйственных животных на уровне 81,1 % в 2016 г., 76,1 % в 2017 г. и 83,5 % в 2018 г. Модернизация принципов единого субсидирования в отношении сельскохозяйственного страхования мгновенно восстановила рынок страхования животноводства: план по страхованию поголовья сельскохозяйственных животных был перевыполнен на уровне 112,0 % в 2019 г. и 127,3 % в 2020 г.

Также следует дать оценку динамике государственного субсидирования страховых премий по договорам сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой (рис. 4). Доля фактической компенсации уплаченной страховой премии из бюджетов всех уровней по договорам страхования (просубсидированная часть страховой премии) на протяжении всего периода оставалась стабильной на уровне 48,3–49,4 %. Исключением стал лишь 2016 г., когда в связи с неготовностью нормативно-правовой и методологической базы на федеральном и региональном уровнях к оперативному внедрению единой региональной субсидии были значительно нарушены сроки доведения государственных субсидий до конечных пользователей, в связи с чем уровень исполнения обязательств по страхованию растениеводства сократился до 44,5 %, а страхованию животноводства – до 36,7 %.

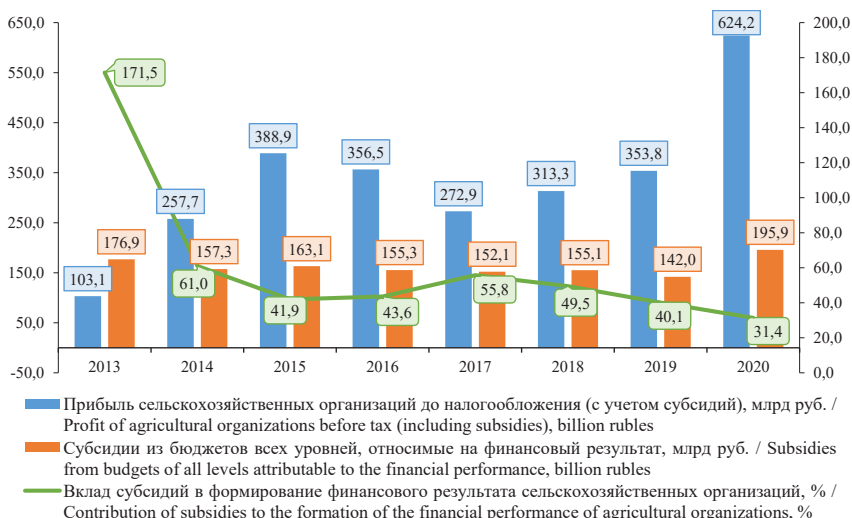
Р и с. 4. Просубсидированная часть страховой премии по договорам сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой, %

F i g. 4. Subsidized part of the insurance premium under agricultural insurance contracts with state support, %

Важным аспектом исследования эффективности государственной поддержки страхования в сельском хозяйстве является оценка его влияния на финансовые результаты и рентабельность сельскохозяйственных товаропроизводителей. Прежде всего необходимо принимать во внимание, что сельскохозяйственное страхование может оказывать воздействие лишь на отдельные сегменты финансовой и хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта. В частности, расходы на оплату страховых взносов по договорам страхования учитываются в составе прочих расходов, а объем полученного страхового возмещения – в составе прочих доходов. Следовательно, страхование не оказывает прямого воздействия на величину выручки от реализации, но влияет на размер прибыли до налогообложения. То же самое касается и показателей рентабельности, рассчитанных на основании данных статей финансовых результатов.

Воздействие, оказываемое страхованием на выручку от реализации, может быть только косвенным. Сельскохозяйственные товаропроизводители, обеспечив себе определенные гарантии компенсации ущерба в случае наступления неблагоприятных событий, могут увеличить размер посевных площадей или поголовье сельскохозяйственных животных, обеспечив тем самым потенциальный рост получаемых доходов.

Влияние государственного субсидирования на финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных организаций представлено на рисунке 5.

Р и с. 5. Влияние государственного субсидирования на финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных организаций

Fig. 5. Impact of government subsidies on the financial performance of agricultural organizations

В 2013 г. сельское хозяйство России получило убыток в размере 73,7 млрд руб., который был перекрыт исключительно за счет государственных субсидий в объеме 176,9 млрд руб. За счет этого вклад субсидий в формирование финансового результата деятельности сельскохозяйственных организаций в 2013 г. был аномально высоким и составил 171,5 %. В последующие периоды на протяжении 2014–2019 гг. объем выделяемого государственного субсидирования на поддержку сельского хозяйства оставался стабильным на уровне 140–160 млрд руб. в год. Прибыль сельскохозяйственных организаций с учетом субсидий при этом также оставалась крайне стабильной в пределах 310–390 млрд руб. Исключения составили 2014 г. с объемом прибыли в 257,7 млрд руб. (год восстановления после тяжелого 2013 г.) и 2017 г. с объемом прибыли в 272,9 млрд руб. (год введения единого субсидирования).

Вклад субсидий в формирование финансового результата сельскохозяйственных организаций оставался высоким, но при этом постепенно снижался с 61,0 % на конец 2013 г. до 40,1 % на конец 2019 г. Данные за 2020 г. демонстрируют значительное увеличение прибыли сельскохозяйственных организаций: на 76,4 % по сравнению с предыдущим годом. Однако следует принимать во внимание, что подобная тенденция наблюдалась на фоне роста цен и увеличения спроса на продовольственную продукцию (в первую очередь на экспорт) из-за пандемии коронавируса и приостановки производственной деятельности во многих стратегически важных секторах народного хозяйства экономически развитых стран. Объем государственных субсидий также значительно вырос в 2020 г. – на 37,9 % до 195,9 млрд руб., а вклад государственных субсидий упал до 31,4 %.

Суммарно объем прибыли, полученной сельскохозяйственными организациями за 2013–2020 гг., составил 2 670,4 млрд руб., из них 48,6 % (1 297,8 млрд руб.) были сформированы за счет государственных субсидий, относимых на финансовый результат.

Оценка влияния государственного субсидирования на рентабельность сельскохозяйственных организаций представлена на рисунке 6. Стоит подчеркнуть, что уровень рентабельности деятельности сельскохозяйственных организаций с учетом субсидий выше на 5–10 п. п. и стабильнее показателя без учета государственной помощи. При этом субсидирование оказывает заметное влияние в интервале от 30 до 50 % на значение показателя рентабельности. При этом вклад государственных субсидий в значение показателя рентабельности заметно снизился почти в 3 раза: с 12,5 % на конец 2013 г. до 4,7 % на конец 2020 г.

За исследуемый период произошло улучшение показателей финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций (рис. 7). Так, значение коэффициента текущей ликвидности сельскохозяйственных организаций увеличилось с 155,0 % в 2013 г. до 168,8 % в 2020 г.

Р и с. 6. Влияние государственного субсидирования на рентабельность деятельности сельскохозяйственных организаций, %

F i g. 6. Impact of state subsidies on the profitability of agricultural organizations, %

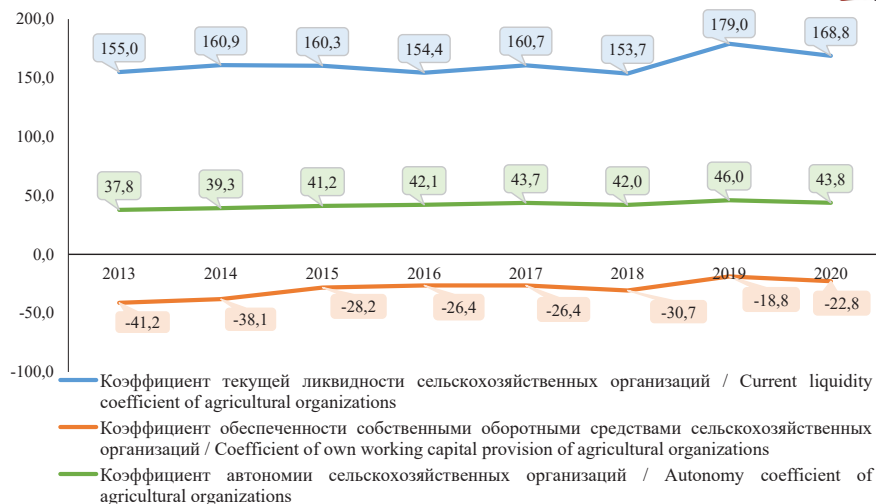
Аналогичную положительную тенденцию демонстрирует и коэффициент автономии: рост с 37,8 до 43,8 %. Значение коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами сельскохозяйственных организаций находится в отрицательной зоне.

Одним из заключительных этапов оценки эффективности и результативности государственного субсидирования сельскохозяйственного страхования является проведение корреляционного анализа с целью установления качества связи и ее влияния на финансовые результаты и финансовую устойчивость застрахованных товаропроизводителей.

В работе был проведен корреляционный анализ качества связи двух составляющих страхования с показателями финансовых результатов и финансовой устойчивости:

- покрытия страховой защитой (величины страховой суммы);
- результативности страхования (величины страхового возмещения ущерба).

Первый фактор носит скорее информационный характер, так как отражает вероятность воздействия страхования на деятельность сельскохозяйственных товаропроизводителей. В частности, покрытие страховой защитой (величина страховой суммы) в теории может усиливать у производителей ощущение

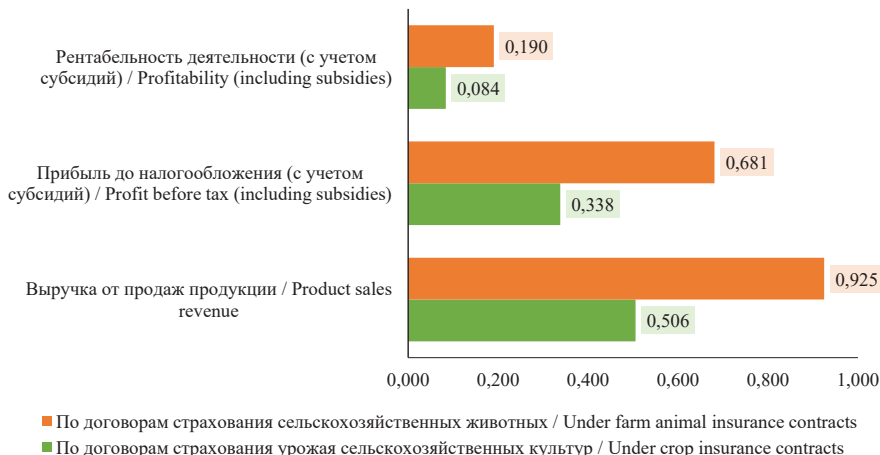
Р и с. 7. Динамика показателей финансовой устойчивости застрахованных сельскохозяйственных организаций, %

F i g. 7. Trends in the financial sustainability of agricultural organizations, %

защиты их имущественных интересов и стимулировать к расширению посевных площадей и поголовья животных. Однако выстроенные зависимости относятся скорее к области вероятностных выкладок.

Результаты корреляционного анализа величины страхового покрытия (страховой суммы) и финансовых результатов деятельности застрахованных товаропроизводителей представлены на рисунке 8. Они показывают среднюю связь величины страховой суммы по договорам страхования сельскохозяйственных культур с выручкой от реализации продукции (0,506) и очень высокую связь по договорам страхования сельскохозяйственных животных (0,925). Крайне противоречивыми являются низкие результаты оценки качества связи страхового покрытия с рентабельностью и прибылью до налогообложения застрахованных объектов: в растениеводстве на уровне 0,084 и 0,338, а в животноводстве – на уровне 0,190 и 0,681 соответственно. Таким образом, полученные расчеты свидетельствуют о заметной связи между страховым покрытием и прибылью до налогообложения в животноводстве.

Только получение фактического страхового возмещения заявленного ущерба самым непосредственным образом отражается в финансовых результатах и оказывает прямое воздействие на финансовую устойчивость. Следовательно, основной акцент анализа следует сместить именно на оценку влияния результативности страхования на деятельность сельскохозяйственных товаропроизводителей.

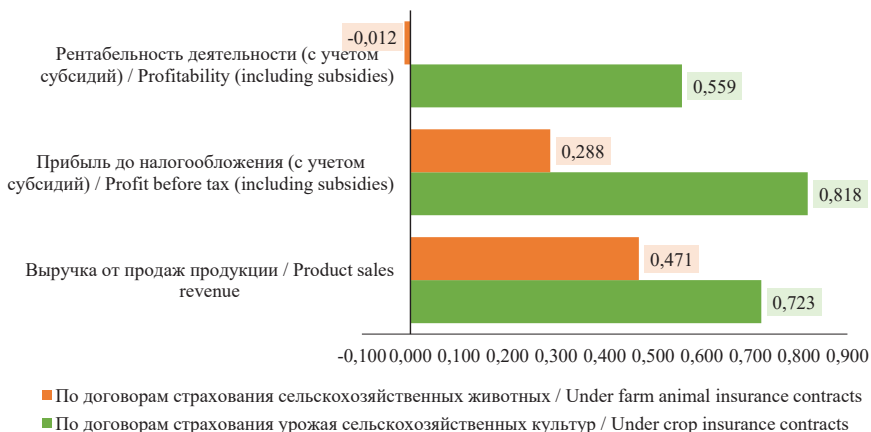

Р и с. 8. Коэффициент корреляции страхового покрытия (страховой суммы) с показателями финансовых результатов деятельности застрахованного товаропроизводителя

F i g. 8. Correlation coefficient of insurance coverage (insurance amount) with financial performance of the insured producer

Данные корреляционного анализа коэффициента страхового возмещения и финансовых результатов деятельности застрахованных товаропроизводителей (рис. 9) свидетельствуют о высоком уровне связи величины страхового возмещения по страхованию урожая сельскохозяйственных культур с прибылью до налогообложения (0,818). При этом отрасль животноводства демонстрирует низкую связь величины страхового возмещения по страхованию поголовья сельскохозяйственных животных с прибылью до налогообложения (0,288). Также величина страхового возмещения оказывает среднее воздействие на рентабельность застрахованных товаропроизводителей отрасли растениеводства (0,559) при незначительном влиянии на рентабельность животноводства (-0,012).

При этом в отношении заявленных убытков наблюдается противоположная ситуация. В отрасли растениеводства связь между полученным ущербом и выплаченным возмещением ниже среднего (0,247), тогда как в животноводстве она крайне высокая (0,937). Логично, что размер страхового возмещения оказывает существенное влияние на сальдо денежных потоков от страхования в отрасли животноводства (-0,647). При этом в отрасли растениеводства данная связь показателей слабая (-0,165) в связи с низкой долей страховых выплат по сравнению с заявленным ущербом.

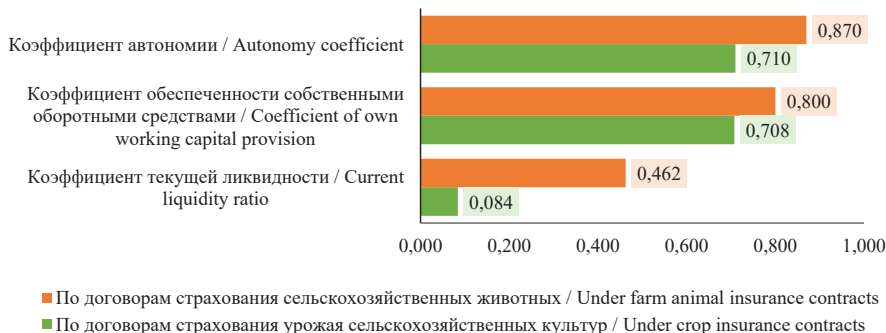

Р и с. 9. Коэффициент корреляции страхового возмещения с показателями финансовых результатов деятельности застрахованного товаропроизводителя

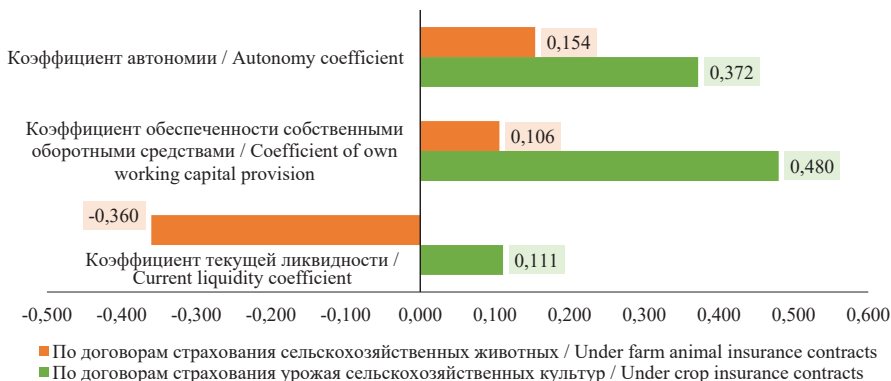
F i g. 9. Correlation coefficient of insurance indemnity with financial performance of the insured producer

Результаты корреляционного анализа величины страхового покрытия (страховой суммы) и финансовой устойчивости застрахованного товаропроизводителя (рис. 10) показывают высокую связь величины страховой суммы по договорам страхования сельскохозяйственных культур с коэффициентом обеспеченности собственными оборотными средствами (0,708) и коэффициентом автономии (0,710) при полном отсутствии связи с коэффициентом текущей ликвидности (0,084). Также высокая связь наблюдается между величиной страховой суммы по договорам страхования поголовья сельскохозяйственных животных с коэффициентом обеспеченности собственными оборотными средствами (0,800) и коэффициентом автономии (0,870) при среднем значении уровня связи с коэффициентом текущей ликвидности (0,462).

Результаты корреляционного анализа величины страхового возмещения и показателей финансовой устойчивости товаропроизводителей представлены на рисунке 11. Связь между объемом страхового возмещения по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур и показателями финансовой устойчивости товаропроизводителей ниже среднего: с коэффициентом обеспеченности собственными оборотными средствами (0,480), коэффициентом автономии (0,372), коэффициентом текущей ликвидности (0,111). По договорам страхования поголовья сельскохозяйственных животных данная связь с показателями крайне незначительная и с коэффициентом обеспеченности собственными оборотными средствами составляет 0,106, с коэффициентом автономии – 0,154, с коэффициентом текущей ликвидности связь отрицательная (-0,360).

Р и с. 10. Коэффициент корреляции страхового покрытия (страховой суммы) с показателями финансовой устойчивости застрахованного товаропроизводителя
 F i g. 10. Correlation coefficient of insurance coverage (insured amount) with indicators of financial stability of the insured commodity producer

Р и с. 11. Коэффициент корреляции страхового возмещения с показателями финансовой устойчивости застрахованного товаропроизводителя
 F i g. 11. Correlation coefficient of insurance indemnity with indicators of financial stability of the insured commodity producer

Обсуждение и заключение. Научная новизна проведенного исследования заключается в следующем: а) обобщены взгляды отечественных и зарубежных ученых относительно необходимости государственной поддержки сельскохозяйственного страхования и ее влияния на развитие отрасли; б) обоснован авторский подход к оценке эффективности государственной поддержки страхования рисков в сельском хозяйстве, базирующийся на анализе следующих данных: достижения плановых показателей развития сельскохозяйственного

страхования с государственной поддержкой, установленных Госпрограммой; вклада государственного субсидирования в финансовые результаты и их влияния на финансовую устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей; тесноты связи основных показателей сельскохозяйственного страхования с финансовыми результатами и финансовой устойчивостью сельхозпроизводителей.

В результате исследования установлено, что сельскохозяйственное производство является высокорисковым в силу своей специфики. Страхование рисков с государственной поддержкой выступает важнейшим инструментом повышения доходности и финансовой устойчивости сельского хозяйства.

Проведенный анализ свидетельствует о высокой связи между страховыми выплатами и финансовыми результатами деятельности производителей в отрасли растениеводства. В отрасли животноводства данное воздействие выражено в гораздо меньшей степени. При этом выявлена высокая зависимость между уровнем страховой защиты (страховой суммой) и финансовыми результатами производителей в отрасли животноводства и крайне низкая связь в отрасли растениеводства. Сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой в контексте охвата страховым покрытием (величины страховой суммы) оказывает значительное влияние на уровень финансовой устойчивости производителей отрасли растениеводства и животноводства. В то же время связь между финансовой устойчивостью производителей сельскохозяйственной продукции и полученным страховым возмещением можно охарактеризовать как умеренную.

Практическая значимость исследования состоит в подтверждении гипотезы о влиянии государственной поддержки на доходы и финансовую устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей. Значение проведенного исследования на практике состоит в оценке эффективности мер государственной поддержки страхования сельскохозяйственных рисков, что является важнейшим критерием для определения направлений трансформации существующего механизма государственной поддержки сельского хозяйства в России. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти и управления при формировании стратегии и программ развития сельского хозяйства, разработке соответствующих инструментов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мещанинова Е. Г., Шевченко В. А. Агрострахование с господдержкой как инструмент финансовой устойчивости сельского хозяйства // Мелиорация и гидротехника. 2021. Т. 11, № 3. С. 237–247. URL: <http://www.rosniipm-sm.ru/article?n=1225> (дата обращения: 12.12.2021).

2. Jørgensen S. L., Termansen M., Pascual U. Natural Insurance as Condition for Market Insurance: Climate Change Adaptation in Agriculture // Ecological Economics. 2020. Vol. 169. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106489>

3. Crop Insurance as Farmers Adaptation for Climate Change Risk on Agriculture in Surakarta Residency-Indonesia / Suryanto [et al.] // *International Journal of Trade and Global Markets*. 2020. Vol. 13, issue 2. Pp. 251–266. doi: <https://doi.org/10.1504/IJT-GM.2020.106771>
4. Marković T., Kokot Ž., Veličković S. Area Revenue Insurance as a Risk Management Instrument in Serbian Agriculture // *Ratarstvo i Povrtarstvo*. 2020. Vol. 57, issue 2. Pp. 43–48. doi: <https://doi.org/10.5937/ratpov57-24962>
5. Analysing the Decision Making for Agricultural Risk Assessment: An Application of Extreme Value Theory / Riaman [et al.] // *Decision Science Letters*. 2021. Vol. 10, issue 3. Pp. 351–360. doi: <https://doi.org/10.5267/j.dsl.2021.2.003>
6. Guimarães T. C., Igari A. T. Mudança do clima e seus impactos no seguro agrícola no Brasil // *Revista em Agronegocio e Meio Ambiente*. 2019. Vol. 12, no. 4. Pp. 1583–1604. doi: <https://doi.org/10.17765/2176-9168.2019v12n4p1583-1604>
7. Crop Insurance, Land Productivity and the Environment: A Way Forward to a Better Understanding / A. Kurdyś-Kujawska [et al.] // *Agriculture*. 2021. Vol. 11, issue 11. doi: <https://doi.org/10.3390/agriculture11111108>
8. Agricultural Insurance Access and Acceptability: Examining the Case of Smallholder Farmers in Ghana / D. A. Ankrah [et al.] // *Agriculture and Food Security*. 2021. Vol. 10. doi: <https://doi.org/10.1186/s40066-021-00292-y>
9. Yuping W. Influencing Factors of Agricultural Insurance Demand under the Background of Big Data // *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. Vol. 1325. doi: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1325/1/012065>
10. Frascarelli A., Del Sarto S., Mastandrea G. A New Tool for Covering Risk in Agriculture: The Revenue Insurance Policy // *Risks*. 2021. Vol. 9, issue 7. doi: <https://doi.org/10.3390/RISKS9070131>
11. Власов В. А., Жаворонок Ю. Ю. Агрострахование как одно из основных эффективных направлений государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 3 (171). С. 42–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38185900> (дата обращения: 12.12.2021).
12. Горбунов А. А., Прасолов В. И. Управление рисками в сельском хозяйстве с использованием инструментов страхования // *Modern Economy Success*. 2020. № 1. С. 99–103. URL: <https://mes-journal.ru/archives/10219> (дата обращения: 12.12.2021).
13. Кумпилов Н. Т., Назаретян К. А., Улыбина Л. К. Сельскохозяйственное страхование как эффективный инструмент повышения финансовой устойчивости агропромышленного комплекса // *Вестник Академии знаний*. 2020. № 2 (37). С. 452–462. doi: <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10211>
14. Кабирова А. С. Сельскохозяйственное страхование: анализ современного состояния в России и перспективы его развития // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2019. Т. 9, № 1А. С. 396–403. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-1/journal-economics-2019-1a.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
15. Mateos-Ronco A., Izquierdo R. J. S. Risk Management Tools for Sustainable Agriculture: A Model for Calculating the Average Price for the Season in Revenue Insurance for Citrus Fruit // *Agronomy*. 2020. Vol. 10, issue 2. doi: <https://doi.org/10.3390/agronomy10020198>

16. Tiemtore A. Examining the Effects of Agricultural Income Insurance on Farmers in Burkina Faso // Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice. 2021. Vol. 46. Pp. 422–439. doi: <https://doi.org/10.1057/s41288-021-00212-y>

17. Crowding out Agricultural Insurance and the Subsidy System in Italy: Empirical Evidence of the Charity Hazard Phenomenon / P. P. Miglietta [et al.] // Agricultural Finance Review. 2021. Vol. 81, issue 2. Pp. 237–249. doi: <https://doi.org/10.1108/AFR-04-2020-0061>

18. Smith V. H. The US Federal Crop Insurance Program: A Case Study in Rent Seeking // Agricultural Finance Review. 2020. Vol. 80, issue 3. Pp. 339–358. doi: <https://doi.org/10.1108/AFR-11-2018-0102>

19. Financial and Economic Evaluation of Agricultural Insurance Market in Ukraine / I. Ivashkiv [et al.] // Agricultural and Resource Economics. 2021. Vol. 7, issue 3. Pp. 44–59. doi: <https://doi.org/10.51599/are.2021.07.03.03>

20. Эльдиева Т. М. Современное состояние системы страхования в сельском хозяйстве России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2018. № 1 (361). С. 20–22. doi: <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2018-11005>

21. Улыбина Л. К., Кутайнх Е. Р. Актуальные проблемы сельскохозяйственного страхования в России // Вопросы науки и образования. 2018. № 10 (22). С. 77–83. URL: <https://scientificpublication.ru/images/PDF/2018/22/Questions-of-science-and-education-10-22.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

22. Миронова Н. А. Агрострахование в Российской Федерации: проблемы, особенности, перспективы // Московский экономический журнал. 2020. № 5. С. 489–496. URL: <https://qje.su/wp-content/uploads/2020/06/Nomer-5-2019-Arhiv.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

23. Образцова О. А., Агибалов А. В. Состояние рынка агрострахования в России на современном этапе и его место в системе страховых отношений // International Agricultural Journal. 2021. Т. 64, № 3. С. 57–68. URL: <https://iacj.eu/index.php/iacj/article/view/381> (дата обращения: 12.12.2021).

24. Балакирева В. Ю., Ицелев А. А. Агрострахование с господдержкой: каковы ожидания // Финансы. 2019. № 5. С. 48–52. URL: <http://www.finance-journal.ru/index.php?part=finance&num=201905> (дата обращения: 12.12.2021).

25. Малий В. А. Анализ системы страхования сельскохозяйственных рисков с государственным участием и предложения по ее совершенствованию // Известия КГТУ. 2018. № 50. С. 183–196. URL: https://klgtu.ru/upload/science/magazine/news_kstu/archiv/2018/izvestiya_kgtu_50.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

26. Вахрушева А. М. Риски в сельском хозяйстве и субсидируемое страхование // Корпоративная экономика. 2018. № 3 (15). С. 59–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35664075> (дата обращения: 12.12.2021).

27. Горбачева А. С. Роль страхования с государственной поддержкой в сельском хозяйстве // Островские чтения. 2016. № 1. С. 342–347. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27195071> (дата обращения: 12.12.2021).

28. Pavlov A. Yu., Kindaev A. Yu., Moiseev A. V. Modeling Insurance Risks as a Tool to Improve the Efficiency of the Rural Economy and Production // AIP Conference Proceedings. 2021. doi: <https://doi.org/10.1063/5.0070507>

29. Index Insurance as a Tool to Improve the Russian System of Insuring Risks of Agricultural Organizations with State Support / K. A. Naminova [et al.] // *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21, issue 2. Pp. 351–361. doi: <https://doi.org/10.35808/ersj/1007>

30. Страхование производственных рисков как фактор развития сельских территорий / Ю. И. Новиков [и др.] // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 11-1. С. 133–139. doi: <https://doi.org/10.17513/vaael.800>

Поступила 24.12.2021; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

Об авторах:

Семенова Надежда Николаевна, заведующий кафедрой финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2270-256X>, Scopus ID: 55916311400, Researcher ID: A-7885-2019, nnsemenova@mail.ru

Аверин Антон Юрьевич, старший преподаватель кафедры экономики и финансов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8951-9241>, prosto-anton@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. Н. Семенова – постановка научной проблемы; формулирование научной гипотезы исследования; научное руководство; определение методологии исследования; интерпретация полученных результатов.

А. Ю. Аверин – сбор, систематизация и структурирование аналитической информации; проведение критического анализа материалов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Meshchaninova Ye.G., Shevchenko V.A. Agricultural Insurance with State Support as a Tool of Agricultural Financial Stability. *Land Reclamation and Hydraulic Engineering*. 2021;11(3):237–247. Available at: <http://www.rosniipm-sm.ru/article?n=1225> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Jørgensen S.L., Termansen M., Pascual U. Natural Insurance as Condition for Market Insurance: Climate Change Adaptation in Agriculture. *Ecological Economics*. 2020;169. doi: <http://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106489>

3. Suryanto, Gravitanian E., Daerobi A., Susilowati F. Crop Insurance as Farmers Adaptation for Climate Change Risk on Agriculture in Surakarta Residency-Indonesia. *International Journal of Trade and Global Markets*. 2020;13(2):251–266. doi: <https://doi.org/10.1504/IJTG.2020.106771>

4. Marković T., Kokot Ž., Veličković S. Area Revenue Insurance as a Risk Management Instrument in Serbian Agriculture. *Ratarstvo i Povrtarstvo*. 2020;57(2):43–48. doi: <https://doi.org/10.5937/ratpov57-24962>

5. Riaman, Sukono, Supian S., Ismail N. Analysing the Decision Making for Agricultural Risk Assessment: An Application of Extreme Value Theory. *Decision Science Letters*. 2021;10(3):351–360. doi: <https://doi.org/10.5267/j.dsl.2021.2.003>

6. Guimarães T.C., Igari A.T. Climate Change and its Impacts on Agricultural Insurance in Brazil. *Revista em Agronegocio e Meio Ambiente*. 2019;12(4):1583–1604. (In Portuguese) doi: <https://doi.org/10.17765/2176-9168.2019v12n4p1583-1604>

7. Kurdyś-Kujawska A., Sompolska-Rzechuła A., Pawłowska-Tyszko J., Soliwoda M. Crop Insurance, Land Productivity and the Environment: A Way Forward to a Better Understanding. *Agriculture*. 2021;11(11). doi: <https://doi.org/10.3390/agriculture11111108>

8. Ankrah D.A., Kwapong N.A., Eghan D., Adarkwah F., Boateng-Gyambiby D. Agricultural Insurance Access and Acceptability: Examining the Case of Smallholder Farmers in Ghana. *Agriculture and Food Security*. 2021;10. doi: <https://doi.org/10.1186/s40066-021-00292-y>

9. Yuping W. Influencing Factors of Agricultural Insurance Demand under the Background of Big Data. *Journal of Physics: Conference Series*. 2019;1325. doi: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1325/1/012065>

10. Frascarelli A., Del Sarto S., Mastandrea G. A New Tool for Covering Risk in Agriculture: The Revenue Insurance Policy. *Risks*. 2021;9(7). doi: <https://doi.org/10.3390/RISKS9070131>

11. Vlasov V.A., Zhavoronok Yu.Yu. Agricultural Insurance as a Basic Effective Directions Government Support in the Field of Agricultural Development. *Agrarian and Land Law*. 2019;(3):42–46. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38185900> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Gorbunov A.A., Prasolov V.I. Risk Management in Agriculture Using the Insurance Tools. *Modern Economy Success*. 2020;(1):99–103. Available at: <https://mes-journal.ru/archives/10219> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Kumpilov N.T., Nazaretyan K.A., Smybina L.K. Agricultural Insurance as an Effective Tool for Increasing the Financial Stability of Agricultural Complex. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;(2):452–462. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10211>

14. Kabirowa A.S. Agricultural Insurance: An Analysis of the Current State in Russia and its Development Prospects. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2019;9(1A):396–403. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-1/journal-economics-2019-1a.pdf> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Mateos-Ronco A., Izquierdo R.J.S. Risk Management Tools for Sustainable Agriculture: A Model for Calculating the Average Price for the Season in Revenue Insurance for Citrus Fruit. *Agronomy*. 2020;10(2). doi: <https://doi.org/10.3390/agronomy10020198>

16. Tientore A. Examining the Effects of Agricultural Income Insurance on Farmers in Burkina Faso. *Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice*. 2021;46:422–439. doi: <https://doi.org/10.1057/s41288-021-00212-y>

17. Miglietta P.P., Porrini D., Fusco G., Capitano F. Crowding out Agricultural Insurance and the Subsidy System in Italy: Empirical Evidence of the Charity Hazard Phenomenon. *Agricultural Finance Review*. 2021;81(2):237–249. doi: <https://doi.org/10.1108/AFR-04-2020-0061>

18. Smith V.H. The US Federal Crop Insurance Program: A Case Study in Rent Seeking. *Agricultural Finance Review*. 2020;80(3):339-358. doi: <https://doi.org/10.1108/AFR-11-2018-0102>
19. Ivashkiv I., Korol S., Lyashenko O., Sadovska I., Nadvynychnyy S. Financial and Economic Evaluation of Agricultural Insurance Market in Ukraine. *Agricultural and Resource Economics*. 2021;7(3):44-59. doi: <https://doi.org/10.51599/are.2021.07.03.03>
20. Eldieva T.M. The Current State of System of Insurance in Agriculture of Russia. *International Agricultural Journal*. 2018;(1):20–22. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2018-11005>
21. Ulybina L.K., Kutayneh E.R. Actual Problems of Agricultural Insurance in Russia. *Questions of Science and Education*. 2018;(10):77–83. Available at: <https://scientificpublication.ru/images/PDF/2018/22/Questions-of-science-and-education-10-22.pdf> (accessed 12.12.2021). (In Russ.)
22. Mironova N.A. Agricultural Insurance in the Russian Federation: Problems, Features, Prospects. *Moscow Economic Journal*. 2020;(5):489–496. Available at: <https://qe.su/wp-content/uploads/2020/06/Nomer-5-2019-Arhiv.pdf> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Obratsova O.A., Agibalov A.V. The State of the Agricultural Insurance Market in Russia at the Present Stage and its Place in the System of Insurance Relations. *International Agricultural Journal*. 2021;64(3):57–68. Available at: <https://iacj.eu/index.php/iacj/article/view/381> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
24. Balakireva V.Yu., Itselev A.A. Agricultural Insurance with State Support: What are the Expectations. *Finance*. 2019;(5):48–52. Available at: <http://www.finance-journal.ru/index.php?part=finance&num=201905> (accessed 12.12.2021). (In Russ.)
25. Maliy V.A. Analysis of the Insurance System against Agricultural Risks with State Participation and Proposals on its Improvement. *KSTU News*. 2018;(50):183–196. Available at: https://klgtu.ru/upload/science/magazine/news_kstu/archiv/2018/izvestiya_kgtu_50.pdf (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Vakhrusheva A.M. Risks in Agriculture and Subsidized Insurance. *Korporativnaya ekonomika*. 2018;(3):59–64. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35664075> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
27. Gorbacheva A.S. The Role of Insurance with State Support in Agriculture. *Ostrovskie chteniya*. 2016;(1):342–347. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27195071> (accessed 12.12.2021). (In Russ.)
28. Pavlov A.Yu., Kindaev A.Yu., Moiseev A.V. Modeling Insurance Risks as a Tool to Improve the Efficiency of the Rural Economy and Production. *AIP Conference Proceedings*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1063/5.0070507>
29. Naminova K.A., Pavlova N.T., Sarunova M.P., Idzhilova D.V. Index Insurance as a Tool to Improve the Russian System of Insuring Risks of Agricultural Organizations with State Support. *European Research Studies Journal*. 2018;21(2):351–361. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.35808/ersj/1007>
30. Novikov Yu.I., Shumakova O.V., Blinov O.A., Koshelev B.S. The Insurance of Production Risks of Economic Entities as a Factor of Rural Development. *Vestnik Altaiskoi*

akademii ekonomiki i prava. 2019;(11-1):133–139. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17513/vaael.800>

Submitted 24.12.2021; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

About the authors:

Nadezhda N. Semenova, Head of the Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2270-256X>, Scopus ID: 55916311400, Researcher ID: A-7885-2019, nnsemenova@mail.ru

Anton Yu. Averin, Senior Lecturer, Department of Economics and Finance, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8951-9241>, prosto-anton@mail.ru

Contribution of the authors:

N. N. Semenova – formulation of a scientific problem; formation of a scientific hypothesis of the study; scientific leadership; determination of the research methodology; interpretation of the results;

A. Yu. Averin – collection, systematization and structuring of analytical information; critical analysis and revision of the text of the article.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

Яхтенный туризм на Азово-Черноморском побережье России как фактор туристской привлекательности региона

Т. Н. Подлубная   **Е. Л. Заднепровская** [✉]

*Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма (г. Краснодар, Российская Федерация)*
[✉] *ele-zadnepr@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность рассматриваемой научной проблемы обусловлена необходимостью оценки рекреационных предпочтений потенциальных потребителей услуг яхтинга как фактора туристской привлекательности и активного продвижения региона. Цель статьи – на основе проведенного анализа определить перспективы развития яхтенного туризма Азово-Черноморского побережья России, которые отражают туристскую привлекательность региона в современных условиях.

Материалы и методы. Авторами были проанализированы панельные статистические данные чартерного сайта 2Yachts, информационно-аналитического агентства SeaNews, международного брокера моторных яхт Worldmarine. Для изучения тенденций развития яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье России были исследованы показатели состояния яхтенной туристской отрасли отдельных европейских стран, рассмотрен инвестиционный проект по созданию сети марин в Республике Крым и Краснодарском крае.

Результаты исследования. Выявлены потребительские предпочтения клиентов в услугах яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье. Оценено состояние яхтенной инфраструктуры региона. Обозначены перспективы развития яхтинга в морской акватории Краснодарского края как фактора туристской привлекательности региона. Азово-Черноморское побережье России обладает значительным потенциалом для развития яхтенного туризма (природными, социально-экономическими, культурно-историческими ресурсами). Развитие яхтенного туризма должно осуществляться при учете потребительских предпочтений по трем базовым критериям при выборе

© Подлубная Т. Н., Заднепровская Е. Л., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

яхтенного тура по акваториям Азовского и Черного морей – цене, экскурсионной программе и туристскому сервису.

Обсуждение и заключение. Модернизация яхтенной инфраструктуры и популяризация яхтинга будут содействовать дополнительному развитию туристской индустрии и туристской привлекательности региона, а также позволят поднять яхтенный туризм на новый международный уровень. Результаты исследования могут стать основой для разработки стратегии по созданию и продвижению туристского продукта для потенциальных клиентов яхтинга на уровне региона, а также учтены при разработке программ комплексных туристских услуг.

Ключевые слова: туризм, яхтенный туризм, яхтинг, Азово-Черноморское побережье России, яхтенная инфраструктура, потребительские предпочтения

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поддубная Т. Н., Заднепровская Е. Л. Яхтенный туризм на Азово-Черноморском побережье России как фактор туристской привлекательности региона // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 324–341. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.324-341>

Original article

Yacht Tourism on the Azov-Black Sea Coast of Russia as a Factor of Tourist Attractiveness of the Region

T. N. Poddubnaya, E. L. Zadneprovskaya ✉

Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
(Krasnodar, Russian Federation)

✉ ele-zadnepr@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this considered scientific problem is due to the need to assess the recreational preferences of potential consumers of yachting services as a factor of tourist attractiveness and active promotion of the region. The purpose of the article is to determine the prospects for the development of yacht tourism on the Azov-Black Sea coast of Russia on the basis of the conducted analysis, which reflects the tourist attractiveness of the region in modern conditions.

Materials and Methods. The authors analyzed panel statistics of the charter website 2Yachts, the informational and analytical agency SeaNews, the international broker of motor yachts Worldmarine, PKF International. To study the trends in the development of yacht tourism on the Azov-Black Sea coast of Russia, a number of indicators of the state of the yacht tourism industry of individual European countries have been studied, an investment project to create a network of marinas in the Republic of Crimea and the Krasnodar Territory has been considered.

Results. The consumption preferences of clients in yacht tourism services on the Azov-Black Sea coast are revealed, the state of the yachting infrastructure of the region is assessed, the prospects for the development of yachting in the sea area of the Krasnodar Territory as a factor of tourist attractiveness of the region are outlined. The Azov-Black Sea coast of Russia has a significant potential for the development of yacht tourism (natural, socio-economic, cultural and historical resources). The development of yacht tourism should be carried out taking into account consumption preferences according to three basic criteria when choosing a yacht tour in the waters of the Azov and Black Seas – price, excursion program and tourist service.

Discussion and Conclusion. The modernization of the yacht infrastructure and the popularization of yachting will contribute to the additional development of the tourism industry and the tourist attractiveness of the region, and will also raise yacht tourism to a new international level. The results of the study can become the basis for the development of a strategy for the creation and promotion of a tourist product for potential yachting customers at the regional level, and are also taken into account in the development of programs of integrated tourist services.

Keywords: tourism, yachting tourism, yachting, the Azov-Black Sea coast of Russia, yacht infrastructure, consumer preferences

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L. Yacht Tourism on the Azov-Black Sea Coast of Russia as a Factor of Tourist Attractiveness of the Region. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):324–341. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.324-341>

Введение. Яхтенному туризму в настоящее время отведена роль важной составляющей морского туризма, а также одного из наиболее динамично развивающихся и прибыльных мировых видов туризма¹. По официальным сведениям международного брокера моторных яхт Worldmarine и информационно-аналитического агентства SeaNews, в современном международном круизном судоходстве значительная доля бизнеса принадлежит яхтингу². Яхтинг считается перспективным направлением продвижения туристских услуг на международном рынке. Необходимость его развития детерминирована внедрением спектра инвестиционных проектов в морских акваториях, в числе которых значится и инвестиционный проект развития инфраструктуры яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье Краснодарского края³ [1]. Происходящая в настоящее время реконструкция яхтенной инфраструктуры данной территории в полной мере оправдывает замысел представленного исследования и обусловила целесообразность разработки рассматриваемой проблемы. Проблема исследования заключается в выявлении перспектив развития яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье России как фактора туристской привлекательности региона.

¹ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 21–22 октября 2020 г.). Донецк : Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, 2020. С. 4.

² Worldmarine [Электронный ресурс]. URL: <https://worldmarine.ru>; Информационно-аналитическое агентство SeaNews [Электронный ресурс]. URL: <https://seanews.ru> (дата обращения: 21.09.2021).

³ Концепция развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2021 г. № 2897-р. URL: <http://government.ru/docs/all/137076/> (дата обращения: 22.12.2021).

Гипотеза исследования основывается на наших предыдущих работах⁴ [2] и состоит в том, что развитие яхтинга на Азово-Черноморском побережье России даст дополнительный толчок для роста внутреннего и внешнего туризма. Одновременное продвижение проектов по созданию инфраструктуры развития яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье позволит создать единый кластер морского туризма, район интенсивного яхтинга на Юге России и сформировать совместные туристские яхтенные маршруты⁵. Разработка и продвижение новых увлекательных маршрутов, развитая яхтенная инфраструктура будут содействовать привлечению путешественников из разных уголков мира, что позволит вывести яхтинг на новый уровень.

Цель статьи – на основе проведенного анализа обосновать перспективы развития яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье России как фактора туристской привлекательности региона.

Задачи исследования:

- раскрыть содержание понятия «яхтенный туризм»;
- обосновать необходимость и провести социологическое исследование рекреационных предпочтений потенциальных потребителей яхтинга на современном рынке туристических услуг;
- обозначить перспективы развития яхтинга на Азово-Черноморском побережье России как фактора туристской привлекательности региона;
- представить результаты исследования рекреационных предпочтений потенциальных потребителей яхтинга.

Обзор литературы. Яхтенному туризму как предмету научного дискурса посвящены зарубежные и отечественные исследования. Анализ работ, касающихся рассматриваемой нами проблемы, позволил выявить дефицит научных публикаций в данной области. В современных исследованиях преимущественно отражены два сектора яхтенного туризма: состояние яхтенного туризма как разновидности яхтинга, специфика проектирования яхтенных туров⁶ [3] и воздействие яхтенного туризма на основные макроэкономические факторы экономики регионов [4–9]. На региональном уровне проблемы функционирования и развития яхтенного туризма отражены преимущественно в зарубежных публикациях [10–13].

В зарубежных исследованиях также содержится оценка экономического воздействия индустрии яхтенного туризма как разновидности морского туризма на основные макроэкономические факторы экономики регионов с целью развития их привлекательности для потенциальных туристов. Так, исследовано влияние яхтенного туризма на экономику Греции [4–6], стран

⁴ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае.

⁵ Концепция развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 г.

⁶ Селиванов В. В., Лукьянова Е. Ю. Яхтенный туризм и особенности экскурсионного сервиса : моногр. Симферополь : ИТ «Ариал», 2016. 168 с.

Средиземноморского региона [11], Южной Кореи [10], проведена оценка сегментации яхт туристов в аспекте мотивации в Китае [3].

Российскими учеными рассмотрены особенности функционирования яхтенного туризма и экскурсионного сервиса⁷ [14], раскрыты частные аспекты развития яхтинга⁸ [2]. Кроме того, существуют работы, посвященные узкой области – исследовательским яхтам в акваториях экспедиций [15].

Для понимания степени разработанности рассматриваемой проблемы большой интерес представляют исследования по анализу функционирования яхтенного туризма именно на Азово-Черноморском побережье России: инфраструктуры прибрежного морского пассажирского транспорта и яхтинга по Черноморскому побережью России⁹ [14; 16; 17], развития яхтенного¹⁰ и круизного [2] туризма в Краснодарском крае.

Вопросы развития яхтенного туризма непосредственно на Азово-Черноморском побережье изучены не в полной мере. Одна из причин, по нашему мнению, кроется в понимании яхтинга как относительно дорогого вида активного отдыха и развлечений, что заранее сужает клиентскую категорию, делая его экономически непривлекательным для расширенной аудитории. К тому же яхтенная инфраструктура морского побережья Краснодарского края не отвечает современным требованиям марин мирового уровня, что осложняет развитие яхтинга на данной территории. Не исследован и аспект рекреационных предпочтений потенциальных потребителей яхтенных туров. Развитие яхтенного туризма на морском побережье Краснодарского края, обусловленное широкомасштабной реконструкцией и строительством новых марин, ориентированностью на определенный сегмент потребителей, предполагает привлечение широких слоев клиентов с разным материальным уровнем, что актуализирует востребованность разработки данной темы.

Материалы и методы. В ходе исследования были проанализированы панельные статистические данные чартерного сайта 2Yachts, информационно-аналитического агентства SeaNews, международного брокера моторных яхт Worldmarine.

Методология исследования базируется на использовании общенаучных методов познания: анализа зарубежной и отечественной практики развития яхтенного туризма; синтеза (установления взаимосвязи мировых и региональных практик функционирования яхтенного туризма); сравнения (сравнение показателей яхтенной туристской отрасли отдельных европейских стран); обобщения (определение общих тенденций экономического влияния

⁷ Там же.

⁸ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае.

⁹ Филобок А. А., Турлучев А. П. Актуальные проблемы развития морского круизного туризма Юга России // Региональные географические исследования : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. В. Погорелова. Краснодар : КГУ, 2020. С. 267–271.

¹⁰ Dreizis Y., Potashova I. Yachting and Coastal Marine Transport Development in Black Sea Coast of Russia // MATEC Web of Conferences : сб. тр. конф. Сочи : Sochi State University, 2018.

сектора яхтенного туризма на устойчивое развитие дестинации в ряде регионов); онлайн-опроса (выявление рекреационных предпочтений потенциальных потребителей яхтенного туризма). Для обработки результатов использовались сервис «Яндекс.Формы», программа Microsoft Excel.

Теоретическая база исследования состоит из научных публикаций зарубежных и российских ученых по вопросам мировых и региональных аспектов развития яхтенного туризма, методологии и методики проведения социологического исследования потребительских предпочтений; информативная база включает электронные ресурсы, в том числе сведения информационно-аналитического агентства SeaNews, международного брокера моторных яхт Worldmarine. Было изучено 32 источника информации по рассматриваемой теме, в том числе 19 источников на иностранных языках, 13 – на русском языке, 2 монографии, 21 статья в научных журналах и пр.

С целью изучения рекреационных предпочтений потенциальных клиентов яхтенного туризма был осуществлен онлайн-опрос с помощью сервиса «Яндекс.Формы». В нем приняли участие 500 респондентов – жителей Краснодарского края, Республики Адыгея и Республики Крым в возрасте от 18 лет. Опрос проводился в период с сентября по декабрь 2021 г. Выборка случайная, без повторений. Большинство опрошенных (94,8 %) составили граждане возрастных групп 26–35 лет (48,2 %) и 18–25 лет (31,4 %), остальные 20,4 % – граждане в возрасте 36–45 (11,8 %), 46–55 (1,8) и более 55 лет (6,8 %). Количество респондентов женского и мужского пола значительно не отличалось: 52 и 48 % соответственно. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании.

Результаты исследования. Анализ научной литературы по заявленной в рамках статьи проблеме позволил констатировать, что категория «яхтенный туризм» рассматривается как синоним понятий «парусный туризм» и «яхтинг». Под таким туризмом в широком смысле понимают прогулку и плавание на парусных судах, яхтах с целью отдыха, развлечения, укрепления здоровья, знакомства с природным и культурно-историческим потенциалом территорий, а также иными познавательными или амбициозными целями¹¹. При этом парусный туризм является разновидностью спортивного туризма, предполагая прохождение на малых парусных судах определенного маршрута по открытым акваториям (от крупных рек до морей и океанов), спортивность и сложность которого определяется характерными условиями плавания, протяженностью, удаленностью от укрытий и другими факторами. В парусном туризме участники не являются пассивными пассажирами, каждый из них выполняет определенные обязанности в экипаже судна и жизнеобеспечении группы [17]. В. В. Селиванов под яхтенным туризмом (яхтингом) понимает

¹¹ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае.

«различные виды морской туристской деятельности, включающие отдых, путешествия или спортивные мероприятия для отечественных или иностранных туристов, организованные на частных или коммерческих яхтах, взятых в аренду» [14, с. 226]. В национальном стандарте яхтинг определен как «активный отдых и спорт с применением яхт»¹².

В зарубежной яхтенной терминологии чаще используется понятие *sailing*, под которым понимается преимущественно парусный спорт. С. А. К. Иоаннидис, подробно исследуя содержание дефиниции «яхтинг» в работах европейских и американских ученых, пришел к выводу, что слово *sailing* означает «хождение под парусом», а не соревнования (*sailing regata*). Однако автор делает вывод о своеобразной яхтенной культуре, которая включает различные связанные между собой сферы деятельности: яхтенную инфраструктуру, индустрию развлечения, парусного спорта и туризма [13]. Следовательно, проведенный анализ позволил заключить, что яхтенный туризм рассматривается в неразрывной связи с парусным спортом и имеет в своей основе интеграцию активного отдыха и спорта с использованием яхт.

По данным чартерного сайта 2Yachts, всего в мире насчитывается 11 720 марин и причалов¹³. При этом лидерами по количеству марин являются Швеция, Греция, Франция и Италия (табл. 1).

Большинство яхтенной деятельности в мире сосредоточено в Средиземном море (Французская Ривьера, Монако, Италия, Хорватия, Сардиния, Испания и Греция) [8].

Исследования, касающиеся изучения состояния развития сектора яхтенного туризма в ряде европейских стран, констатируют прямую связь доходов регионов от предоставления комплексных услуг для яхт, членов экипажа и пассажиров. Инфраструктура большинства марин ориентирована на оказание тех услуг, которые обеспечивают доходную часть местных бюджетов и имеют большое экономическое влияние на устойчивое развитие дестинации. Поступления от яхтенной индустрии являются существенной частью в формировании источника дохода территорий (создание рабочих мест, налоговые и валютные поступления), что в итоге приводит к синергетическому эффекту (росту уровня жизни, улучшению инфраструктуры, поддержанию и использованию городских и сельских территорий, улучшению коммунальных услуг, повышению качества услуг индустрии питания и размещения), что в целом формирует привлекательность развивающейся дестинации. В целом экономические факторы, влияющие на местную, региональную и национальную экономики, включают расходные материалы (продукты питания, одежду, топливо, смазочные материалы и т. д.), услуги марин (швартовку, сборы и т. д.), поступления от местных и государственных налогов, верфи (постройки и ремонт), расходы пассажиров и экипажа [6].

¹² ГОСТ Р 57617–2017. Объекты отдыха, развлечения, культуры и спорта на открытой водной поверхности и их инфраструктура. Термины и определения. М.: ФГУП «Стандартинформ», 2017. 20 с.

¹³ 2Yachts [Электронный ресурс]. URL: <https://2yachts.com/ru> (дата обращения: 12.12.2021).

Таблица 1. Некоторые показатели яхтенной туристской отрасли отдельных европейских стран, 2020 г.¹⁴

Table 1. Some indicators of the yachting tourism industry in selected European countries, 2020

Страна / Country	Количество марин / Number of marinas	Общая вместимость, количество яхт / Total capacity, number of yachts	Количество чартерных компаний / Number of charter companies	Стоимость аренды яхты, евро/неделя / Yacht rental cost, € per week
Италия / Italy	114	39 900	350	2 300–8 000
Франция / France	158	55 000	300	8 900–25 000
Греция / Greece	241	67 000	600	1 900–7 300
Швеция / Sweden	273	15 359	60	1 950–5 200
Финляндия / Finland	96	4 500	19	2 300–4 700
Эстония / Estonia	52	2 600	6	3 100–4 000

В Республике Крым и Краснодарском крае планируется реализовать инвестиционный проект по созданию сети марин на Азово-Черноморском побережье, который начал внедряться с 2021 г. Предполагается, что реализация данного проекта обеспечит комплексное развитие рекреационного потенциала прибрежных территорий, доступность вдольберегового морского пассажирского сообщения, инвестиционную привлекательность в сфере яхтинга и сопутствующих видов деятельности, градостроительную безопасность за счет формирования транспортно-пассажирских путей, альтернативных наземным. Проект также будет способствовать созданию новых рабочих мест, круглогодичному функционированию прибрежных территорий и экологической устойчивости береговой зоны. В пилотные проекты войдут марины на Черноморском побережье, крупнейшие из которых будут построены в Туапсе, Новороссийске, Геленджике, Анапе, Сочи (рис. 1).

¹⁴ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае; PKF International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pkf.com> (дата обращения: 12.12.2021).

Р и с. 1. Создание яхтенной инфраструктуры на Азово-Черноморском побережье России¹⁵

F i g. 1. Creation of yacht infrastructure on the Azov-Black Sea coast of Russia

Создание единой сети яхтенных марин на территории Азово-Черноморского побережья Краснодарского края, Черноморского побережья Республики Крым позволит перебазировать часть яхт из зарубежных марин на побережье Российской Федерации, а также повысить доходы населения за счет роста занятости и функционирования марин¹⁶. Так, в 2020 г. оборот марин у черноморских берегов Турции составил около 2 млрд долл. за сезон, к 2023 г. ежегодные доходы от яхтенного туризма в стране должны достигнуть 10 млрд долл. При этом, по данным пресс-службы администрации Краснодарского края, россияне ежегодно тратят на стоянку и обслуживание яхт в Турции, Греции, Испании и других странах около 200 млн евро¹⁷. Следовательно, соответствующие мировым стандартам марины, будучи конкурентоспособными, привлекут новых владельцев яхт. Эти факторы в совокупности направлены на повышение инвестиционной привлекательности Азово-Черноморского побережья Краснодарского края, давая импульс активному привлечению финансовых ресурсов¹⁸.

¹⁵ Dreizis Yu., Potashova I. Yachting and Coastal Marine Transport Development in Black Sea Coast of Russia.

¹⁶ Концепция развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 г.

¹⁷ Развитие яхтинга в Краснодарском крае – проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : сайт. 2021. 29 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5052446> (дата обращения: 22.12.2021).

¹⁸ Казалиева А. В., Миненкова В. В., Заднепровская Е. Л. Туристско-рекреационный потенциал как фактор устойчивого развития территориальной организации населения Республик Северного Кавказа // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2019. С. 99–102.

Очевидно, данный сегмент туристского рынка характеризуется ориентацией на ярко выраженные рекреационные потребности потенциальных потребителей услуг яхтенного туризма, обусловленные возрастными особенностями клиентов, их материальным уровнем, эргономично организованной сферой дополнительных услуг, включающей размещение, питание, культурно-досуговые программы и пр. Привлекательность яхтенных марин для туристов во многом зависит от рекреационных предпочтений потенциальных клиентов данного вида туризма, который существенным образом отличается от круизного туризма и морского пассажирского сообщения, что актуализирует важность и востребованность проведения социологического исследования.

Опираясь на теоретические данные по организации исследования потребительских предпочтений на рынке туристских услуг¹⁹ [18; 19], нами был осуществлен онлайн-опрос, который позволил определить потребительские предпочтения клиентов в услугах яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье. В целом были получены следующие данные.

Выявлено желание путешествовать на яхте по акватории Азовского и Черного морей у 78,4 % респондентов, данный вид туризма не интересен для 17,8 % респондентов, у остальных 3,8 % вопрос «Хотели бы Вы путешествовать на яхте по акватории Азовского и Черного морей?» вызвал затруднение. Наибольшее желание в яхтенном туризме выявлено у мужчин (61,5 % мужчин против 38,5 % женщин).

По предпочитаемой продолжительности путешествия на яхте ответы опрошенных распределились следующим образом: для большинства граждан предпочтительное время яхтенного тура составило 3–7 дней (56,8 %), менее привлекает тур продолжительностью более 7 дней (30,2) и 1–3 дня (13,0 %). Более длительные путешествия (от 7 дней) предпочитают мужчины (65,5 %), в меньшей степени – женщины (32,5 %).

В ходе исследования выявлена также дифференциация предпочтений граждан по включению в яхтенный тур экскурсионной программы. Преимущественному большинству (79,8 %) интересны экскурсионные программы в рамках яхтенного тура по Азово-Черноморскому побережью, 10,8 % опрошенных ответили отрицательно, остальные (9,4 %) затруднились с ответом.

Факторами, влияющими на выбор гражданами яхтенного тура, выступили: цена (81,6 %), включение в яхтенный тур экскурсионной программы (79,8), туристский сервис (53,4), возможность посещения мест развлечений (ночных клубов, ресторанов, квестов и пр.) (38,2 %); 4,8 % респондентов назвали тип яхты (2,8 %), приятную компанию (1,8), соответствие программы тура личным интересам (0,2 %). Следовательно, туристы отдают предпочтение трем критериям при выборе яхтенного тура – цене, экскурсионной программе и туристскому сервису.

¹⁹ Маркетинговые исследования : учебно-методическое пособие / сост. А. В. Куликова. Нижний Новгород : Нижегород. госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2017. 70 с.

Выявлена зависимость потребительского спроса на яхтенный тур от уровня доходов граждан. По уровню доходов респонденты распределились следующим образом: 56,2 % составили граждане со средним уровнем дохода, 19,4 – с доходом ниже среднего, 8,0 – малообеспеченные, 14,4 – с доходом выше среднего, 2,0 % – состоятельные. Гендерных различий по данному критерию не выявлено. Ценовой фактор выбора яхтенного тура доминирует у респондентов со средним и ниже среднего уровнями доходов. Фактор «туристический сервис» указали преимущественно состоятельные респонденты и респонденты с доходом выше среднего. Полученные сведения по критериям выбора яхтенного тура подтвердили гипотезу о прямой зависимости потребительского спроса от благосостояния туристов.

Рассмотрим, какая цена является для туристов доступной при выборе яхтенного тура по акватории Азовского и Черного морей. Большинство респондентов готовы потратить на такой тур не более 30 тыс. руб. (44,6 %) и не более 50 тыс. руб. (39,4 %). Для 12,2 % граждан доступны туры стоимостью не более 100 тыс. руб., а на тур с ценовой категорией более 100 тыс. руб. готовы потратить свои средства всего лишь 3,8 % опрошенных.

Выявлена зависимость продолжительности яхтенного тура по морской акватории Краснодарского края от готовности потратить на него определенную сумму денежных средств. Преимущественный выбор опрошенных по данному критерию распределился следующим образом: не более 30 тыс. руб. на тур продолжительностью от 3 до 7 дней готовы потратить 39,4 % респондентов, 10,2 % рассчитывают потратить эту сумму на тур до 3 дней. Цена не более 50 тыс. руб. за тур продолжительностью 3–7 дней доступна для 22,4 % опрошенных; до 100 тыс. руб. и более могут потратить на тур более 7 дней 18,2 % респондентов.

Анализ морской туристской инфраструктуры Черноморского побережья показал, что на сегодняшний день существующие марины способны принять не более 600 судов; они востребованы и заполнены в высокий сезон на 100 %. Ни один российский город на Азово-Черноморском побережье не может претендовать на звание современного морского курорта, не имея на своем побережье современных объектов яхтенного туризма. Приведем стандартный перечень услуг, предоставляемых яхт-клубами акватории Черного моря Краснодарского края: аренда пирсов, летняя стоянка яхт и катеров, зимняя стоянка катеров и яхт (элинг). К сожалению, далеко не все яхт-клубы Краснодарского края отвечают подобным требованиям, но при этом цены по сравнению с зарубежными аналогами завышены. Это является одной из причин хранения своих судов многими российскими судовладельцами в маринах Турции, Франции, Хорватии²⁰.

Большой проблемой также остается разрешительная система захода яхт в территориальные воды – она одна из самых сложных в мире. Поэтому

²⁰ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае.

требуется внести изменения в регламентирующие документы. Например, при прибытии на турецкий берег в первой же марине можно открыть визу и получить право беспрепятственно перемещаться в территориальных водах и заходить в любой из портов этой страны, а в Российской Федерации при переходе в каждый порт внутри страны необходимо открывать и закрывать границу. Причем каждый раз проводится таможенный досмотр. До настоящего времени иностранные туристы, чтобы получить разрешение на вход в российские воды, должны были получить согласие семи ведомств, и этот процесс длился по несколько месяцев.

Как пишут Т. А. Волкова с соавторами, «черноморская береговая линия Краснодарского края имеет свои особенности: здесь практически нет естественных бухт. И это сразу значительно увеличивает стоимость проектов по сравнению с зарубежными аналогами»²¹, так как все яхтенные марины планируется располагать в искусственных гаванях. Однако это направление все же необходимо развивать. «Если регион войдет в международный яхтенный клуб, тогда у курортов Краснодарского края будет совершенно другой статус. Перспектива постройки новых марин по международным стандартам, безусловно, привлечет в Краснодарский край иностранных яхтсменов, которые смогут не только посетить черноморские города, но и продолжить свое путешествие по российским рекам с выходом в северные моря»²². Анализ состояния яхтинга на территории края позволил обозначить ряд проблем, препятствующих развитию данной отрасли:

- туристско-рекреационный потенциал Краснодарского края используется не в полной мере;
- большая часть побережий Черного и Азовского морей характеризуется значительным загрязнением воды;
- слабо развитая инженерная инфраструктура, а именно: электроснабжение, водоснабжение, транспортные сети, очистные сооружения, причалы, дноуглубительные работы;
- преимущественная сезонность;
- низкий уровень развития туристской инфраструктуры;
- недостаточное количество заправочных станций для яхт и катеров на территории региона;
- отсутствие достоверной статистической информации о точном количестве яхт в регионе;
- «межведомственная подвешенность» – маломерный флот не принадлежит никакому ведомству. ГИМС МЧС России курирует флот, но законодательными инициативами эта структура не обладает;
- слабая информационная поддержка развития яхтинга в крае.

²¹ Прибрежные геосистемы в пространстве и времени: по материалам Краснодарского края : моногр. / Т. А. Волкова [и др.]. Краснодар : Просвещение-Юг, 2017. С. 175.

²² Там же. С. 175–176.

Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась: развитие яхтинга на Азово-Черноморском побережье России даст дополнительный толчок для роста внутреннего туризма. Новые увлекательные маршруты, развитая инфраструктура смогут привлечь путешественников из разных уголков нашей страны, зарубежных туристов и вывести яхтинг на новый уровень.

В качестве рекомендаций, которые можно рассматривать перспективными ориентирами развития конкретного туристского сектора, предлагаем следующие:

1. В дорожную карту, создаваемую с целью реализации Концепции развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 г., необходимо включить мероприятия, связанные с привлечением российских граждан, преимущественно школьников и молодежи, к яхтенному туризму и парусному спорту. С этой целью в школьных и молодежных лагерях (особенно в учреждениях, расположенных на Азово-Черноморском побережье России) следует проводить занятия морским делом. Внутренний яхтенный туризм должен стать доступным и массовым видом туризма.

2. Облегчить процедуру паспортно-таможенных формальностей яхт-резидентов, что позволит создать привлекательный имидж бизнес-продукта в сфере яхтенного туризма в регионе.

3. Учитывать рекреационные предпочтения потребителей яхтенного туризма с целью разработки эргономичного турпродукта, востребованного массовым потребителем.

Обсуждение и заключение. Выполненное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Азово-Черноморское побережье России имеет достаточные природные, социально-экономические и культурно-исторические предпосылки для развития яхтенного туризма.

2. Развитие инфраструктуры яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье России имеет стратегическое значение для туристской привлекательности региона, а также популяризации яхтинга как перспективного вида отдыха.

3. Специфика яхтенного туризма требует от его организаторов научно обоснованного, комплексного подхода, скоординированных действий всех его субъектов.

4. Туристы отдают предпочтение трем критериям при выборе яхтенного тура по акватории Азовского и Черного морей – цене, экскурсионной программе и туристскому сервису. Среди потребительских предпочтений потенциальных клиентов яхтенных туров выявлены также активный отдых; желание путешествовать не очень длительное время (3–7 дней); возможность посещения мест развлечений; приятная компания; тип яхты; оптимальная цена тура (30–50 тыс. руб.). Выявлена зависимость потребительского спроса на яхтенный тур от уровня доходов граждан и его продолжительности.

5. Дорожная карта реализации Концепции развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 г. должна содержать мероприятия по привлечению российских граждан, особенно школьников и молодежи, к яхтенному туризму и парусному спорту с целью увеличения доступности внутреннего яхтенного туризма.

6. Модернизация яхтенной инфраструктуры в Краснодарском крае позволит в перспективе поднять развитие яхтенного туризма на новый международный уровень в контексте инвестиционной привлекательности региона. Результаты проведенного пилотажного исследования позволят яхт-клубам обеспечить адресность предоставляемых услуг в контексте клиентоориентированного подхода.

Серьезная модернизация яхтенной инфраструктуры на Азово-Черноморском побережье России как фактора туристской привлекательности региона требует комплексного подхода, скоординированных действий всех субъектов яхтенного туризма. Авторы выражают надежду, что совершенствование яхтенной инфраструктуры на территории Краснодарского края заложит базу для нового сектора региональной экономики – яхтенного туризма, что в свою очередь обеспечит занятость населения и разнообразие в сфере отдыха и развлечений. Результаты данного исследования имеют практическую значимость для разработки программ комплексных туристских услуг для яхтенных туристов, а также региональных программ развития туризма. Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении возможностей яхтенного туризма для социально-экономического развития Азово-Черноморского побережья Краснодарского края, обосновании теоретических подходов (комплексного и клиентоориентированного) при составлении дорожной карты реализации Концепции развития яхтенного туризма в Российской Федерации, что в целом расширяет теорию региональной экономики отрасли туризма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Турлучев А. П., Филобок А. А. Особенности информационного обеспечения яхтенного туризма и пространственного расположения марин на Черноморском побережье // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геоэкология. 2021. Т. 7, № 2. С. 209–218. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46645644&> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Поддубная Т. Н., Заднепровская Е. Л., Джум Т. А. Тенденции развития круизного туризма в Краснодарском крае // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 58–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44180139> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Yao Y., Liu Y., Huang L. Motivation-Based Segmentation of Yachting Tourists in China // Asia Pacific Journal of Tourism Research. 2021. Vol. 26, issue 3. Pp. 245–261. doi: <https://doi.org/10.1080/10941665.2020.1851274>

4. Diakomihalis M. N. The Impact of Maritime Tourism on the Greek Economy via the Tourism Satellite Account // *Tourism and Hospitality, Planning and Development*. 2007. Vol. 4, issue 3. Pp. 231–244. doi: <https://doi.org/10.1080/14790530701783640>
5. Diakomihalis M., Lagos D. An Empirical Approach to Coastal Leisure Shipping in Greece and an Assessment of its Economic Contribution // *Tourism Economics*. 2011. Vol. 17, issue 2. Pp. 437–456. doi: <https://doi.org/10.5367/te.2011.0038>
6. Kasimati E., Dionysopoulou P., Doulgeraki Ch. Cruise Industry in Greece: Possibilities and Prospects // *Journal of Ekonomi*. 2019. Vol. 1, issue 2. Pp. 87–97. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/ekonomi/issue/50958/664803> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Sustainability Indicators for the Yachting Industry: Empirical Conceptualization / J. Hojnik [et al.] // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 249. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119368>
8. Lazarus E. D., Ziros L. A. Yachts and Marinas as Hotspots of Coastal Risk // *Anthropocene Coasts*. 2021. Vol 4, no. 1. Pp. 61–76. doi: <https://doi.org/10.1139/anc-2020-0012>
9. Єрошкіна С. Г. Особливості сучасного стану світового яхтинга // *Збірник наукових праць Національного університету кораблебудування*. 2016. № 4 (466). С. 17–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28874668> (дата обращения: 21.03.2022).
10. Economic Impact of Cruise Industry Using Regional Input-Output Analysis: A Case Study of Incheon / Y. T. Chang [et al.] // *Maritime Policy & Management*. 2016. Vol. 43, issue 1. Pp. 1–18. doi: <https://doi.org/10.1080/03088839.2015.1086837>
11. Esteve-Perez J., Garcia-Sanchez A. Dynamism Patterns of Western Mediterranean Cruise Ports and the Cooperation Relationships between Major Cruise Ports // *Polish Maritime Research*. 2018. Vol. 25, no. 1. Pp. 51–60. doi: <https://doi.org/10.2478/pomr-2018-0006>
12. Lukovis T., Piplica D., Hruska D. Comparative Performance Analysis of the Marina and Charter Service Industries in Croatia // *Scientific Journal of Maritime Research*. 2021. Vol. 35, no. 2. Pp. 318–326. doi: <https://doi.org/10.31217/p.35.2.14>
13. Ioannidis S. A. K. An Overview of Yachting Tourism and its Role in the Development of Coastal Areas of Croatia // *Journal of Hospitality and Tourism Issues*. 2019. Vol. 1, no. 1. Pp. 30–43. URL: <https://www.acarindex.com/journal-of-hospitality-and-tourism-issues/an-overview-of-yachting-tourism-and-its-role-in-the-development-of-coastal-areas-of-croatia-28507> (дата обращения: 21.03.2022).
14. Селиванов В. В. Яхтенный туризм на Черном море: возможности и ограничения развития // *Крымский научный вестник*. 2016. № 2 (8). С. 225–231. URL: <http://krvestnik.ru/pub/2016/04/KNV-8.pdf> (дата обращения: 21.03.2022).
15. Rysakova O. G., Makhov A. S. Functional State of Research Yacht Crew in Conditions of Arctic Expedition // *Теория и практика физической культуры*. 2019. № 5. URL: <http://teoriya.ru/en/node/10890> (дата обращения: 20.03.2022).
16. Абрамова Л. С., Панфелюк Е. А., Сапилкина С. П. Развитие яхтенного туризма в Крыму как один из способов продвижения его туристской дестинации // *Вектор экономики*. 2018. № 11 (29). URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/11/regionaleconomy/Abramova_Panfelyuk_Sapilkina.pdf (дата обращения: 23.03.2022).
17. Marine Tourism in the South East of Russia: The State and Development Tendencies / L. N. Derkacheva [et al.] // *International Marketing Review*. 2016. Vol. 6, issue 4. Pp. 673–676. URL: <https://ideas.repec.org/a/eco/journ3/2016-04-4.html> (дата обращения: 23.03.2022).

18. Комлева Н. С. Исследование потребительских предпочтений на рынке туристических услуг в регионе // Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский электронный журнал. 2018. № 8. С. 14–24. URL: <http://edrj.ru/article/01-08-2018> (дата обращения: 22.02.2022).

19. Marketing Research into Youth Tourist Preferences / T. N. Poddubnaya [et al.] // Revista Geintec-Gestao Inovacao e Tecnologias. 2021. Vol. 11, no. 4. Pp. 683–697. doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i4.2138>

Поступила 03.12.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

Об авторах:

Поддубная Татьяна Николаевна, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (350015, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Буденного, д. 161), доктор педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8965-075X>, tpodd@mail.ru

Заднепровская Елена Леонидовна, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (350015, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Буденного, д. 161), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6478-1246>, ele-zadnepr@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Т. Н. Поддубная – постановка проблемы исследования; постановка основной гипотезы исследования; формулирование результатов исследования, выводов и предложений.

Е. Л. Заднепровская – сбор, обработка и анализ информации; проведение эконометрического исследования и анализа моделей; подготовка текста статьи; формулирование выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Turluchev A.P., Filobok A.A. Features of Information Supply of Yacht Tourism and Spatial Location of Marines on the Black Sea Coast. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geokologiya*. 2021;7(2):209–218. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46645644&> (accessed 03.20.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L., Dzhum T.A. Trends of Development of the Cruise Tourism in the Krasnodar Region. *Business. Education. Right*. 2020;(4):58–63. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44180139> (accessed 03.20.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Yao Yu., Liu Yu., Huang L. Motivation-Based Segmentation of Yachting Tourists in China. *Asia-Pacific Journal of Tourism Research*. 2021;26(3):245–261. doi: <https://doi.org/10.1080/10941665.2020.1851274>

4. Diakomikhalis M.N. The Impact of Maritime Tourism on the Greek Economy via the Tourism Satellite Account. *Tourism and Hospitality, Planning and Development*. 2007;4(3):231–244. doi: <https://doi.org/10.1080/14790530701783640>
5. Diakomihalis M., Lagos D. An Empirical Approach to Coastal Leisure Shipping in Greece and an Assessment of its Economic Contribution. *Tourism Economics*. 2011;17(2):437–456. doi: <https://doi.org/10.5367/te.2011.0038>
6. Kasimati E., Dionysopoulou P., Doulgeraki Ch. Cruise Industry in Greece: Possibilities and Prospects. *Journal of Ekonomi*. 2019;1(2):87–97. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/ekonomi/issue/50958/664803> (accessed 03.21.2022).
7. Hojnik J., Biloslavo R., Cicero L., Cagnina M.R. Sustainability Indicators for the Yachting Industry: Empirical Conceptualization. *Journal of Cleaner Production*. 2020. 249. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119368>
8. Lazarus E.D., Ziros L.A. Yachts and Marinas as Hotspots of Coastal Risk. *Anthropocene Coasts*. 2021;4(1):61–76. doi: <https://doi.org/10.1139/anc-2020-0012>
9. Yeroshkina S.H. Features of the Current State of World Yachting. *Zbirnik naukovikh prats' Natsional'nogo universitetu korablebuduvannya*. 2016;(4):17–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28874668> (accessed 03.21.2022). (In Ukrainian)
10. Chang Y.T., Park H., Liu S.M., Roh Y. Economic Impact of Cruise Industry Using Regional Input-Output Analysis: A Case Study of Incheon. *Maritime Policy & Management*. 2016;43(1):1–18. doi: <https://doi.org/10.1080/03088839.2015.1086837>
11. Esteve-Perez J., Garcia-Sanchez A. Dynamism Patterns of Western Mediterranean Cruise Ports and the Cooperation Relationships between Major Cruise Ports. *Polish Maritime Research*. 2018;25(1):51–60. doi: <https://doi.org/10.2478/pomr-2018-0006>
12. Lukovis T., Piplica D., Hruska D. Comparative Performance Analysis of the Marina and Charter Service Industries in Croatia. *Scientific Journal of Maritime Research*. 2021;35(2):318–326. doi: <https://doi.org/10.31217/p.35.2.14>
13. Ioannidis S.A.K. An Overview of Yachting Tourism and its Role in the Development of Coastal Areas of Croatia. *Journal of Hospitality and Tourism Issues*. 2019;1(1):30–43. Available at: <https://www.acarindex.com/journal-of-hospitality-and-tourism-issues/an-overview-of-yachting-tourism-and-its-role-in-the-development-of-coastal-areas-of-croatia-28507> (accessed 21.03.2022).
14. Selivanov V.V. Black Seayahting: Possibilities and Limitations of Development. *Krymskii nauchnyi vestnik*. 2016;(2):225–231. Available at: <http://krvestnik.ru/pub/2016/04/KNV-8.pdf> (accessed 03.21.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Rysakova O.G., Makhov A.S. Functional State of Research Yacht Crew in Conditions of Arctic Expedition. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 2019;(5). Available at: <http://teoriya.ru/en/node/10890> (accessed 03.20.2022).
16. Abramova L.S., Panfelyuk E.A., Sapelkina S.P. Development of Yacht Tourism in Crimea as a Way of Promoting its Tourism Destinations. *Vektor ekonomiki*. 2018;(11). Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/11/regionaleconomy/Abramova_Panfelyuk_Sapilkina.pdf (accessed 03.23.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Derkacheva L.N., Kosolapov A.B., Galenko E.V., Makartseva E.V. Marine Tourism in the South East of Russia: The State and Development Tendencencies. *International Marketing Review*. 2016;6(4):673–676. Available at: <https://ideas.repec.org/a/eco/journ3/2016-04-4.html> (accessed 03.23.2022).

18. Komleva N.S. The Research of Consumer Preferences on the Market of Tourist Services in the Region. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki*. 2018;(8):14–24. Available at: <http://edbrj.ru/article/01-08-2018> (accessed 02.22.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Poddubnaya T.N., Minchenko V.G., Zadneprovskaya E.L., Voevodina S.S., Ilyinova N.A., Abregova N.V. Marketing Research into Youth Tourist Preferences. *Revista Geintec-Gestao Inovacao e Tecnologias*. 2021;11(4):683–697. doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i4.2138>

Submitted 03.12.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.

About the authors:

Tatiana N. Poddubnaya, Professor, Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism (161 Budenny St., Krasnodar 350015, Russian Federation), Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8965-075X>, tpodd@mail.ru

Elena L. Zadneprovskaya, Assistant Professor, Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism (161 Budenny St., Krasnodar 350015, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6478-1246>, ele-zadnepr@yandex.ru

Contribution of the authors:

T. N. Poddubnaya – statement of the research problem; formulation of the basic research hypothesis; formulation of research results, conclusions and suggestions.

E. L. Zadneprovskaya – collection, processing and analysis of information; conducting econometric research and model analysis; preparation of the text of the article; formulation of conclusions.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

УДК 316.624

DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Человеческое развитие и потребление алкоголя: состояние и взаимосвязь в российских регионах

Р. Ю. Скоков ✉

А. Ф. Рогачев

*Волгоградский государственный аграрный университет
(г. Волгоград, Российская Федерация)
✉ rskokov@mail.ru*

Аннотация

Введение. Исследование взаимосвязи расходов на покупку типичного аддитивного товара (алкогольной продукции) и индекса человеческого развития в регионах России обусловлено необходимостью преодоления сокращения численности населения, повышения уровня образования и жизни населения. Цель статьи – на основе полученных результатов проанализировать человеческое развитие в российских регионах под воздействием расходов на потребление алкогольной продукции.

Материалы и методы. Использованы данные Программы развития Организации Объединенных Наций и Росстата по российским регионам за 2000–2017 гг. Проведен регрессионный анализ взаимосвязи между долями расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств и индексом человеческого развития в регионах России. По каждому региону рассчитаны коэффициенты детерминации и корреляции, определены тенденции изменения за период, направленность и сила связи между индексом человеческого развития и расходами на алкогольные напитки.

Результаты исследования. Проведенный анализ показал, что в 77 российских регионах в 2000–2017 гг. снижается доля расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств на фоне роста индекса человеческого развития и между данными показателями обратная связь. Для сокращения риска негативного воздействия на здоровье потребления аддитивных товаров в российских

© Скоков Р. Ю., Рогачев А. Ф., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

регионах рекомендуется реализация местной политики по сокращению неравенства и повышению благосостояния. Разработан и апробирован инструментарий методологического, аналитического и прогнозного сопровождения региональной регуляторной политики. Предложены меры сокращения потребления алкогольной продукции, рисков неинфекционных заболеваний и смертности в российских регионах.

Обсуждение и заключение. Полученные данные свидетельствуют об устойчивой тенденции снижения доли расходов на покупку алкогольной продукции на фоне стабильного роста индекса человеческого развития в 2000–2017 гг. Материалы статьи могут использоваться для мониторинга и корректировки подходов государственной власти к направлениям сокращения деградации человеческого капитала от потребления аддитивных товаров в проблемных регионах.

Ключевые слова: аддитивный товар, алкогольная продукция, потребление, покупательские расходы, индекс человеческого развития, человеческий капитал, регион Российской Федерации

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-410-340006, p_a.

Для цитирования: Скоков Р. Ю., Рогачев А. Ф. Человеческое развитие и потребление алкоголя: состояние и взаимосвязь в российских регионах // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 342–358. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358>

Original article

Human Development and Alcohol Consumption: State and Relationship in Russian Regions

R. Yu. Skokov[✉], A. F. Rogachev

Volgograd State Agricultural University (Volgograd, Russian Federation)
[✉] rskokov@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of the relationship between the costs of purchasing a typical addictive product – alcoholic beverages and the human development index in the regions of Russia is due to the need to overcome population decline, improve the level of education and life of the population. The purpose of the article is to analyze human development in the Russian regions on the basis of the results obtained under the influence of spending on the consumption of alcoholic beverages.

Materials and Methods. The initial research data are United Nations Development Programme and Rosstat statistics for Russian regions for 2000–2017. A regression analysis of the relationship between the share of expenses on alcoholic beverages in the structure of the household final consumption expenses and the human development index in the regions of Russia was carried out. For each region, the coefficients of determination and correlation are calculated, the trends of change over the period, the direction and strength of the relationship between the human development index and the cost of alcoholic beverages are determined.

Results. The analysis has showed that in 77 Russian regions in 2000–2017, the share of expenses on alcoholic beverages in the structure of the household final consumption expenses is decreasing against the backdrop of an increase in the human development index and there is an inverse relationship between these indicators. To reduce the risk of negative health

impacts from the consumption of addictive products in Russian regions, the implementation of local policies to reduce inequality and increase welfare is recommended. A toolkit for methodological, analytical and predictive support of regional regulatory policy has been developed and tested. Measures to reduce the consumption of alcoholic products, the risks of non-communicable diseases and mortality in the Russian regions are proposed.

Discussion and Conclusion. The data obtained indicate a steady downward trend in the share of expenses on the purchase of alcoholic beverages against the backdrop of a steady increase in the human development index in 2000–2017. The materials of the paper can be used to monitor and adjust the approaches of the state authorities to the directions of reducing the degradation of human capital from the consumption of addictive goods in troubled regions.

Keywords: addictive goods, alcoholic beverages, consumption, consumer expenses, human development index, human capital, regions of the Russian Federation

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The reported study was funded by RFBR and the Volgograd Region Administration according to the research project no. 19-410-340006, r_a.

For citation: Skokov R.Yu., Rogachev A.F. Human Development and Alcohol Consumption: State and Relationship in Russian Regions. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):342–358. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358>

Введение. Чрезмерное потребление аддитивных товаров (алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачных изделий, энергетических напитков, наркосодержащих веществ) приводит к деградации человеческого капитала индивида и целому ряду негативных эффектов для общества (смертельные отравления, заболевания, несчастные случаи, рискованное сексуальное поведение, снижение успеваемости, производительности труда и др.) [1–4].

Вредные привычки оказывают отрицательное влияние на ожидаемую продолжительность жизни населения. Государства с высоким уровнем социально-экономического развития и, соответственно, качественной медицинской могут отличаться значительным душевым потреблением спиртного, табачных изделий. В то же время во многих странах с недостаточным уровнем социально-экономического развития и низкой продолжительностью жизни существуют религиозные ограничения, касающиеся аддитивных товаров. Может возникнуть ошибочное предположение, что рост потребления аддитивных товаров способствует увеличению продолжительности жизни людей, хотя на практике это не так.

Комитет экспертов ВОЗ по проблемам, связанным с потреблением алкоголя, рекомендует осуществлять адаптацию и реализацию стратегий и различных вариантов, например антиалкогольной политики, на национальном и субнациональном уровнях с учетом конкретных культурных и правовых условий, а также местных особенностей алкогольных проблем. Это характерно для регионов России с ее многообразием климато-географических, национально-религиозных, социально-экономических особенностей.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении является составляющей индекса человеческого развития (ИЧР). Исследование взаимосвязи между потреблением видовых аддитивных товаров и уровнем человеческого развития является актуальным. Признание статистически значимой взаимосвязи между ними будет способствовать лучшему пониманию социальных и экономических факторов, влияющих на потребление аддитивных товаров. Цель статьи – по результатам проведенного исследования проанализировать взаимосвязь между долей расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств и ИЧР в различных регионах России.

Результаты эмпирического исследования позволят лучше понять реальность воздействия потребления алкогольной продукции на развитие человеческого капитала и наоборот, что должно стать отправной точкой для государственного и общественного регионального регулирования.

Обзор литературы. В научной литературе существует целый ряд исследований по взаимосвязи показателей, характеризующих человеческое развитие и потребление видовых аддитивных товаров, которые можно разделить на три категории.

Одни ученые установили положительную статистическую взаимосвязь между уровнем человеческого развития и потреблением аддитивных товаров [5; 6]. По их мнению, развивающиеся страны, располагающие более широким доступом к экономическим возможностям, подвергаются более высокому риску возникновения аддитивных зависимостей, чем страны с меньшим развитием или меньшим ростом благосостояния. Однако по уровням ИЧР могут быть некоторые отклонения. Так, в странах с очень высоким ИЧР (в Норвегии, Австралии, Швейцарии) существует отрицательная взаимосвязь между потреблением аддитивных товаров и ИЧР, а в странах с высоким (Уругвай, Болгария, Малайзия), средним (Индонезия, Египет, Восточный Тимор) и низким ИЧР (Непал, Пакистан, Нигерия) – положительная взаимосвязь.

Другие ученые доказали отсутствие значимой статистической взаимосвязи между уровнем человеческого развития и потреблением аддитивных товаров. Так, М. Риахи, А. Мохаммади, Х. Рохини, М. Бидхори провели исследование в 35 странах и обратили внимание на гендерные различия, показав, что у мужчин статистическая взаимосвязь между уровнем человеческого развития и потреблением аддитивных товаров отсутствует, а у женщин взаимосвязь является значимой. При этом женщины в развитых странах больше подвержены риску воздействия на здоровье потребления аддитивных товаров [7].

В исследовании на примере Малайзии установлена отрицательная взаимосвязь между уровнем человеческого развития и потреблением аддитивных товаров: авторы отметили, что с ростом ИЧР потребление аддитивных товаров сокращается [8].

Из представленных категорий более широко и детально исследовалась обратная взаимосвязь между потреблением аддитивных товаров и здоровьем, продолжительностью жизни, смертностью потребителей. Например, по данным PubMed, EMBASE и PsycINFO за 1980–2016 гг. о потреблении алкоголя, различных видов наркотиков и оценок ВОЗ глобального бремени болезней за 1990–2016 гг., в 195 странах оценивалась связь между показателями SDI (аналогом ИЧР) и DALY (характеризует употребление алкоголя и наркотиков) [9]. SDI представляет собой среднее геометрическое значение общего коэффициента фертильности, дохода на душу населения и среднего количества лет получения образования среди лиц в возрасте 15 лет и старше. Контрастные модели наблюдались для связи между алкогольной и наркотической зависимостями и SDI: алкогольная зависимость была самой высокой в странах с низким SDI и средне-высокой в странах со средним SDI, тогда как наркотическая зависимость увеличивалась в странах с более высоким уровнем SDI.

По данным испанского национального исследования потребления наркотиков школьниками (1996, 1998, 2000 гг.), более высокое потребление алкоголя ведет к ухудшению развития человеческого капитала [10]. В исследовании ПРООН и ВОЗ на данных за 2016 г. в 180 странах установлена взаимосвязь между ИЧР и употреблением алкоголя в их ассоциациях со смертями, связанными с алкоголем, потерянными годами жизни в целом и с поправкой на инвалидность [11]. Авторы приходят к выводу, что алкоголь оказывает более сильное вредное воздействие в менее развитых странах, чем в развитых.

К. Пробст и Ю. Рем в своей работе определили влияние употребления алкоголя, передозировки опиоидов и социально-экономического положения населения в Канаде и США на ожидаемую продолжительность жизни в 1990–2016 гг. [12]. Установлено, что показатели смертности являются наиболее высокими среди лиц с самым низким социально-экономическим статусом; в Канаде распространенность такой смертности ниже, чем в США, поскольку алкогольные напитки стоят дороже и менее выражено социально-экономическое расслоение населения.

Коллектив ученых проанализировал данные о смертности и заболеваемости ВОЗ, о населении отдела народонаселения ООН, об индексе человеческого развития ПРООН за 2000–2016 гг. в странах Европы и Африки [13; 14]. Показатель болезней, связанных с алкогольной зависимостью, был самым высоким в Восточной Европе, в западных, южных и центральных регионах Африки к югу от Сахары и в странах с низким ИЧР. С. Васенев проанализировал зависимость между средним индексом развития человеческого потенциала, численностью, заболеваемостью населения, количеством зарегистрированных преступлений и динамикой объема реализованного алкоголя на душу населения в регионах России в 2003–2013 гг. Ученым подтверждена гипотеза о том, что употребление алкогольной продукции снижает запасы человеческого потенциала России и является существенным фактором,

обуславливающим сокращение численности населения, рост заболеваемости и преступности, уменьшение продолжительности жизни населения [15].

Однако в российской науке недостаточно исследований, посвященных взаимосвязи потребления видовых аддитивных товаров и уровня ИЧР, хотя они необходимы для реализации мер антиалкогольного регулирования. Для разработки эффективной антиалкогольной политики в России важнейшее значение также имеет опыт регулирования в странах со схожим стереотипом потребления. Так, в большинстве регионов России, за исключением входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, сложился «северный тип» потребления алкогольной продукции, также характерный для Канады, Финляндии, северных штатов США.

В США значительная доля коренного населения Аляски (особенно сельских районов), общин американских индейцев потребляет алкоголь в больших количествах и страдает тяжелой формой алкоголизма [16; 17]. Здесь реализуются программы по снижению потребления алкоголя молодежью, основанные на культурных нормах и представлениях местного сообщества [18–20]. В провинциях Канады действуют «Управляемые алкогольные программы» (Managed Alcohol Programs, MAP) [21–24]. Меры, продвигаемые социальными работниками, включают изменение объема и непрерывности потребления алкоголя, в том числе переход от потребления нелегализованных алкогольных напитков к лицензированным; переориентацию потребления алкоголя в цивилизованных условиях (в барах); алкогольные каникулы; помощь в возобновлении социальных контактов. В Финляндии работает модель местной политики в отношении алкоголя, табака и азартных игр – РАККА [25; 26]. Основное внимание уделяется социально-экономической и физической доступности аддитивных товаров потребителям в состоянии опьянения и несовершеннолетним. Модель объединяет на местах органы государственной власти, экономических операторов, молодежь, родителей и СМИ, реализуется под руководством Министерства здравоохранения и социальной политики.

Представленный анализ показывает акцент в зарубежных странах с северным типом потребления на местных регуляторных мерах, что перспективно для российских регионов и муниципальных образований. Эффективность местных мер подтверждена и в отечественных исследованиях [27; 28]. Наряду с этим универсальным подходом в профилактике потребления аддитивных товаров в странах с северным типом потребления является ужесточение политики в отношении более легкого употребления алкоголя [29–31].

Таким образом, на основе проведенного анализа опыта стран с северным стилем потребления алкогольной продукции, характерным и для России, видно, что наряду с национальной антиалкогольной политикой эффективно реализуются региональные и местные антиалкогольные программы (местная политика). Поскольку показатели неинфекционных заболеваний и смертности являются наиболее высокими среди лиц с низким социально-экономическим

статусом, необходимо работать над предотвращением роста социально-экономического неравенства в российских регионах. Для увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения необходимо принимать меры, направленные на улучшение благосостояния в регионах с низким ИЧР.

Материалы и методы. Статистические данные об индексе человеческого развития по регионам России представлены в ежегодных докладах, публикуемых Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)¹. Типичным видом аддитивного товара, по которой наиболее широко представлена статистическая информация, является алкогольная продукция. Исходные данные о доле расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств, характеризующие уровень потребления алкогольных напитков, были представлены по материалам, представленным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации².

Основным методом изучения взаимосвязи между расходами на приобретение алкогольной продукции и развитием человека является корреляционный и регрессионный анализ, проведенный с использованием встроенных инструментальных средств Microsoft Excel [32].

Статистическое исследование осуществлено по данным 82 российских регионов. На временном отрезке 2000–2017 гг. рассчитаны коэффициенты детерминации и корреляции, определены тенденции изменения доли расходов и ИЧР, направленность связи между ИЧР и расходами на алкогольные напитки.

По всем регионам построены трендовые модели, характеризующие тенденции изменений во времени анализируемых величин – расходами на приобретение алкогольной продукции и индексом человеческого развития. Значимость полученных трендовых моделей оценивалась по показателям коэффициента детерминации. Полученные значения коэффициентов детерминации статистических моделей позволили сгруппировать их на три класса по диапазонам значений R^2 . Методом экспертного оценивания принималось, что для моделей хорошего качества значение R^2 составляло от 0,8 до 1,0. Для приемлемых моделей его значение должно быть от 0,5 до 0,8. Модели низкого качества имеют диапазон от 0 до 0,5.

С целью выявления тесноты взаимосвязи между исследуемыми величинами проводился корреляционный анализ с определением коэффициентов линейной корреляции Пирсона. Предварительно статистически оценивалось соответствие исходных данных нормальному закону распределения по критериям Колмогорова, подтвердившего правомерность использования такого подхода.

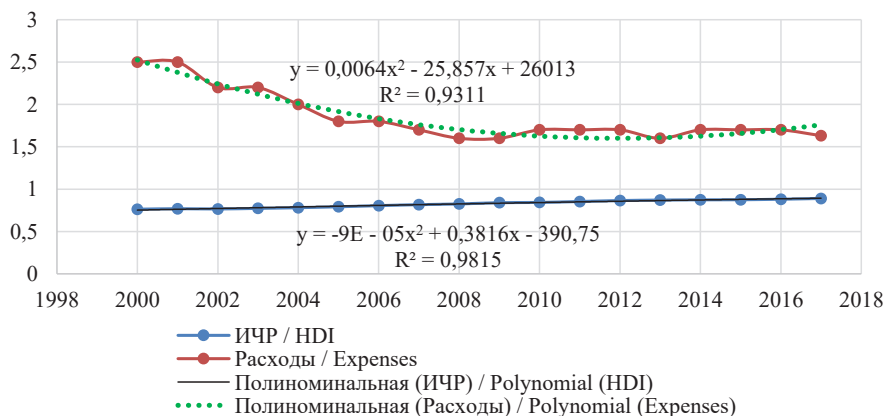
Результаты исследования. Результаты статистического анализа взаимосвязи доли расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств, а также ИЧР в регионах России за 2000–2017 гг.

¹ United Nations Development Programme Human Development Reports : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/> (дата обращения: 21.10.2021).

² Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2021).

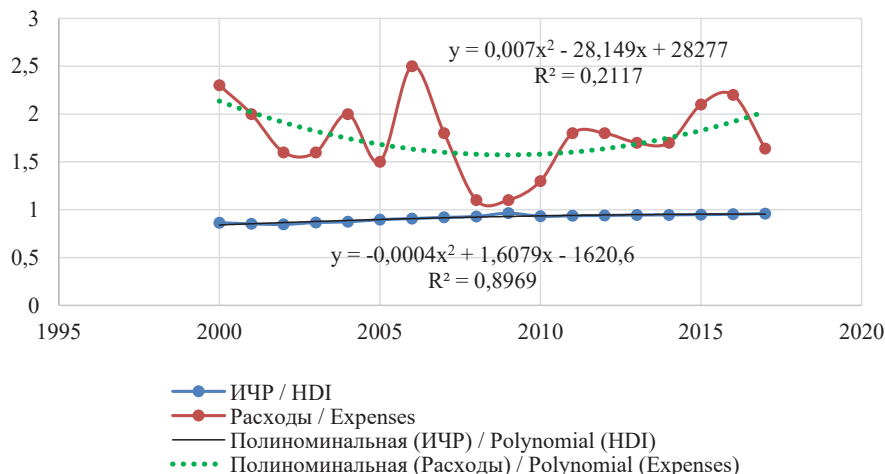

изложены в приложении 1³. Коэффициенты детерминации рассчитаны с использованием построенных трендовых моделей ИЧР и расходов для России в целом и всех субъектов. Примеры графических моделей для типичных регионов Российской Федерации показаны на рисунках 1–4.

Р и с. 1. Трендовые модели для Российской Федерации в целом

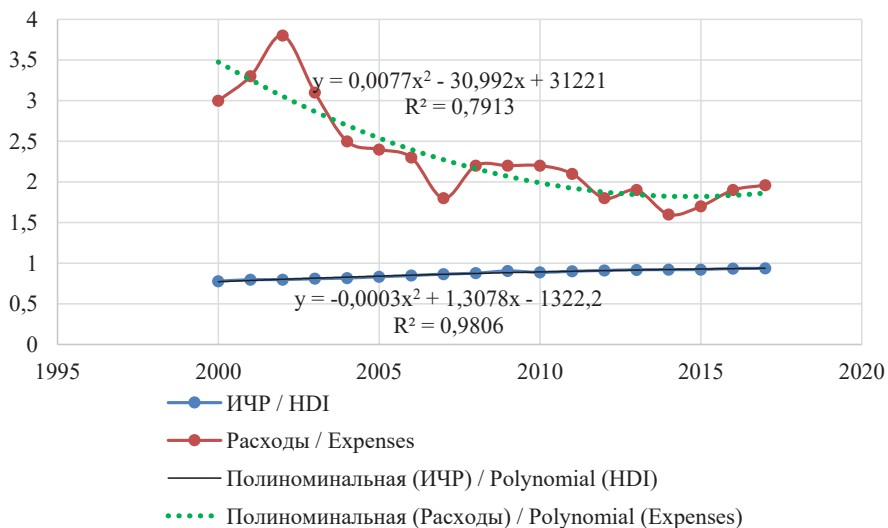
F i g. 1. Trend models for the Russian Federation in general

Р и с. 2. Трендовые модели для г. Москвы

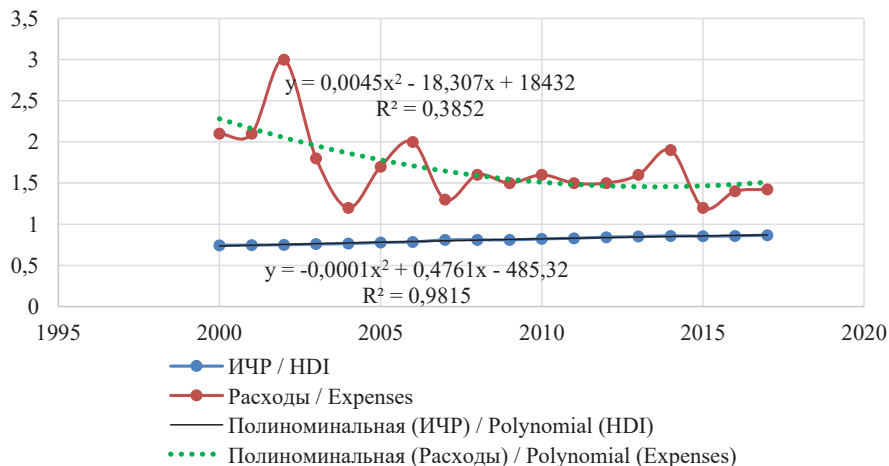
F i g. 2. Trend models for Moscow

³ Приложение 1 [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.349>

Р и с. 3. Трендовые модели для г. Санкт-Петербурга

F i g. 3. Trend models for St. Petersburg

Р и с. 4. Трендовые модели для Волгоградской области

F i g. 4. Trend models for Volgograd Region

Исходя из отрицательных значений коэффициентов корреляции трендовых моделей для расходов на алкогольную продукцию, в 77 (из 82) субъектах Российской Федерации на анализируемом периоде доля расходов на алкогольную продукцию имеет тенденцию к снижению. В 33 регионах данная тенденция довольно устойчивая, поскольку модуль коэффициента корреляции на отрезке равен 0,8–1,0 (сила связи очень тесная, тесная). В 25 регионах модуль коэффициента корреляции на отрезке от 0,5 до 0,7 (сила связи значительная), в 21 регионе коэффициент корреляции меньше 0,5 (связь слабая). Только в двух регионах – Ставропольском крае и Ивановской области – доля расходов на алкогольную продукцию растет. Для вредных благ, каковыми являются алкогольные напитки, данную тенденцию следует считать негативной. Коэффициент корреляции меньше 0,5 (связь слабая). В Чеченской Республике расходы на алкогольную продукцию фактически отсутствуют. Отметим, что в Севастополе и Крыму имеется недостаточно данных для достоверного анализа.

Индекс человеческого развития в анализируемом периоде 2000–2017 гг. возрастает во всех регионах России – связь прямая. Тенденция роста везде очень устойчивая (связь тесная), построенные модели хорошего качества.

Результаты анализа связи между долей расходов на алкогольные напитки (в расходах на конечное потребление домашних хозяйств) и величиной ИЧР, а также результаты ранжирования по убыванию уровня расходов и индекса человеческого развития в 2017 г. в анализируемых регионах России представлены в приложении 2⁴.

В 79 (из 82) регионах установлена отрицательная связь между расходами на алкогольную продукцию и ИЧР – с ростом ИЧР сокращаются расходы на алкогольную продукцию. При этом в 11 субъектах связь тесная (модуль коэффициента корреляции равен 0,8–0,9), в 17 субъектах – приемлемая (0,7–0,8), в 28 субъектах – значительная (0,5–0,7), в 23 субъектах связь слабая (модуль коэффициента корреляции меньше 0,5).

В Ставропольском крае и Ивановской области установлена положительная связь между расходами на алкогольную продукцию и ИЧР – с ростом ИЧР растут расходы на алкогольную продукцию, сила связи слабая. В Ивановской области расходы на алкогольную продукцию одни из самых высоких в России – 2,3 % в 2017 г. (4 место в рейтинге). При этом индекс человеческого развития, наоборот, один из самых низких в стране – 0,827 в 2017 г. (76 место в рейтинге). В Ставропольском крае схожая ситуация – 21 место в рейтинге расходов на алкоголь (1,9 % в 2017 г.) и 63 место в рейтинге ИЧР (0,847 в 2017 г.).

По данным 2017 г. у 22 регионов (Чукотский автономный округ, Хабаровский край, Республика Мордовия, Ленинградская, Кемеровская, Пензенская области, Республика Карелия, Республика Хакасия, Кировская область,

⁴ Приложение 2 [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.351>

Приморский край, Камчатский край, Республика Марий Эл, Тверская, Костромская области, Ставропольский край, Амурская область, Алтайский край, Забайкальский край, г. Севастополь, Псковская, Ивановская, Еврейская автономная области) из 41 с самыми высокими расходами на алкогольную продукцию (1–41 место) наиболее низкий ИЧР (41–80 место).

Лидерами по расходам на алкогольную продукцию в 2017 г. (топ-10) среди субъектов Российской Федерации являются Ростовская, Еврейская автономная, Кировская, Ивановская, Мурманская области, Республика Карелия, Костромская, Калужская области, Республика Коми, Хабаровский край. При этом в рейтинге ИЧР 9 регионов занимают места с 30 по 80. Только Республика Коми на фоне высоких расходов на алкогольную продукцию (2,17 %, 9 место) имеет относительно высокий ИЧР – 0,893 (10 место). Высокие расходы на алкоголь в Коми можно связать с холодным климатом, дефицитом солнечной энергии. Высокий ИЧР обусловлен тем, что показатель доходов значительно выше среднего в стране.

Установлено, что в 22 регионах (Тюменской, Белгородской, Магаданской, Томской, Сахалинской, Архангельской, Свердловской, Липецкой, Воронежской, Московской, Ярославской, Челябинской, Иркутской, Оренбургской, Калининградской, Нижегородской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Новгородской, Волгоградской областях и Республике Саха – Якутия) из 41 с самыми низкими расходами на алкогольную продукцию (42–77 места) наиболее высокий ИЧР (4–39 места).

В данный перечень не вошли 6 регионов Северо-Кавказского федерального округа с самыми низкими расходами на алкогольную продукцию среди всех субъектов Российской Федерации: республики Северная Осетия (79 место в рейтинге 2017 г.), Дагестан (80 место), Ингушетия (83 место), Кабардино-Балкария (78 место), Карачаево-Черкессия (81 место), Чечня (82 место). Неприятие религий потребления алкогольной продукции в данных регионах России является основой как низкого спроса со стороны самого населения, так и значительных государственных ограничений.

Необходимо отметить, что в данных субъектах относительно низкий уровень ИЧР: Северная Осетия занимает 62 место в рейтинге 2017 г., Дагестан – 65 место, Ингушетия – 71 место, Кабардино-Балкария – 77 место, Карачаево-Черкессия – 79 место, Чечня – 82 место. Однако во всех регионах на анализируемом периоде в динамике наблюдается устойчивое снижение доли расходов на алкогольную продукцию на фоне роста индекса человеческого развития. Связь между долей расходов на алкогольную продукцию и индексом человеческого развития обратная. В Чеченской Республике расходы на покупку алкогольной продукции фактически отсутствуют, поэтому связь между ИЧР и долей расходов слабая, а качество модели низкое.

Топ-10 регионов, после субъектов Северо-Кавказского федерального округа, с низкими расходами на алкогольную продукцию в 2017 г. включает

Тамбовскую (77 место), Новгородскую (76 место), Рязанскую области (75 место), Адыгею (74 место), Бурятию (73 место), Калмыкию (72 место), Алтай (71 место), Магаданскую (70 место), Иркутскую (69 место), Ульяновскую области (68 место). В 4 субъектах средний рейтинг ИЧР: в Иркутской (26 место), Рязанской (32 место), Новгородской (38 место), Тамбовской областях (39 место). В 5 субъектах рейтинг ИЧР ниже среднего: в Ульяновской области (51 место), Калмыкии (56 место), Адыгее (67 место), Бурятии (74 место), на Алтае (78 место). В Магаданской области на фоне низких расходов на алкогольную продукцию (1,06 %, 70 место) относительно высокий ИЧР – 0,897 (7 место). Данный опыт является показательным для Республики Коми.

Самый высокий ИЧР в г. Москве (1 место), г. Санкт-Петербурге (2 место), Республике Татарстан (3 место), Тюменской области (4 место), Белгородской области (5 место), Якутии (6 место), Магаданской (7 место), Томской (8 место), Сахалинской областях (9 место). Из данных регионов наибольший уровень расходов на алкогольную продукцию в г. Санкт-Петербурге – 1,96 % (16 место). Выше среднего уровня также расходы в Республике Татарстан – 1,72 % (34 место) и г. Москве – 1,64 % (39 место). В остальных регионах расходы на уровне ниже среднего, что заслуживает положительной оценки.

Самый низкий ИЧР в Тыве (83 место), Чечне (82 место), Еврейской автономной области (80 место), Карачаево-Черкессии (79 место), на Алтае (78 место), в Кабардино-Балкарии (77 место), Ивановской (76 место), Псковской областях (75 место), Бурятии (74 место), Крыму (73 место). Из данных регионов наибольший уровень расходов на алкогольную продукцию в Еврейской автономной – 2,66 % (2 место), Ивановской – 2,32 % (4 место) и Псковской областях – 1,95 % (17 место). В остальных регионах расходы на уровне ниже среднего.

Доля расходов на алкогольные напитки в расходах на конечное потребление домашних хозяйств с 2000 по 2017 г. сокращается при росте ИЧР. Связь между долей расходов на алкогольную продукцию и индексом человеческого развития тесная и обратная. Тенденция позитивная, однако она не учитывает возможные изменения в теневом секторе на рынке алкогольной и спиртосодержащей продукции, который оценивается до 70 % [33].

Обсуждение и заключение. Представленный теоретический анализ зарубежных работ свидетельствует, что мониторинг и исследование взаимосвязи показателей потребления аддитивных товаров и благосостояния является актуальной задачей, поскольку потребление, например, алкогольной продукции оказывает влияние на все составляющие ИЧР – здоровье и продолжительность жизни, учебу, трудоустройство и производительность труда. Однако, несмотря на чрезвычайную остроту проблемы аддитивного потребительского поведения в российских регионах, методы и инструментарий статистико-аналитического анализа для повышения эффективности государственного и общественного регулирования данной сферы недостаточно широко применяются как в теоретических, так и в практических аспектах.

Проведенный статистический эмпирический анализ в целом свидетельствует об устойчивой тенденции снижения расходов на покупку алкогольной продукции в 2000–2017 гг. на фоне постоянного роста индекса человеческого развития, что позитивно для рынка вредных аддитивных товаров. В подавляющем большинстве (79 из 82) регионов Российской Федерации установлена отрицательная связь между расходами на алкогольную продукцию и индексами человеческого развития. Однако детальный анализ показал, что ситуация в регионах довольно сильно различается. Так, в исторически благополучных с точки зрения потребления алкогольной продукции регионах Северо-Кавказского федерального округа, где сложилось неприятие потребления алкоголя на уровне религии и именуется самые низкие расходы на алкогольную продукцию, отмечаются и относительно низкие показатели индекса человеческого развития. Низкими расходами на алкогольную продукцию характеризуются также Тамбовская, Новгородская и Рязанская области, Республика Адыгея, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Алтай, Магаданская область, Иркутская область, Ульяновская область. Только в Магаданской, Иркутской, Рязанской, Новгородской и Тамбовской областях при этом высокий и средний рейтинг индекса человеческого развития, а в остальных регионах он ниже среднего.

В ряде субъектов Российской Федерации наблюдаются негативные тенденции (в первую очередь, в Ставропольском крае и Ивановской области), где расходы на алкогольную продукцию растут, а связь с индексом человеческого развития прямая. Лидерами по расходам на алкоголь являются Ростовская, Еврейская автономная, Кировская, Мурманская области, Республика Карелия, Костромская, Калужская области, Республика Коми, Хабаровский край, Псковская область. В этих регионах, кроме Коми, на фоне высоких расходов на алкогольную продукцию относительно невысокий индекс человеческого развития. В г. Санкт-Петербурге с высоким индексом развития относительно большие расходы на алкогольную продукцию.

Проведенное исследование подтверждает обоснованность и адекватность акцента на местную антиалкогольную политику в странах, схожих по стереотипу потребления с Россией. В российских регионах, наряду с реализуемой национальной политикой, также требуются дифференцированные региональные и местные (муниципальные) меры с учетом уровня потребления алкогольной продукции и благосостояния населения, которые во многом являются взаимозависимыми. Региональные и местные меры снижения потребления алкогольной продукции и связанного с этим бременем болезней необходимы особенно в регионах с низким и средним индексом человеческого развития. Для сокращения потребления алкогольной продукции, рисков неинфекционных заболеваний и смертности в российских регионах рекомендуется реализовывать региональные и местные (муниципальные) программы по сокращению социально-экономического неравенства

и повышению благосостояния населения в субъектах с низким и средним индексом человеческого развития.

Проведенный эмпирический анализ следует использовать для постоянного мониторинга и корректировки подходов государственной власти к направлениям сокращения деградации человеческого капитала от потребления аддитивных товаров в проблемных регионах. Научный вклад работы заключается в разработке и апробации методики оценки взаимосвязи потребления алкогольной продукции и ИЧР. В рамках продолжения исследований перспективно выявить аналогичные закономерности для регионов стран Европейского союза и сравнить с установленными в данной работе российскими показателями.

REFERENCES

1. Manthey J., Hassan S.A., Carr S., Kilian C., Kuitunen-Paul S., Rehm, J. What are the Economic Costs to Society Attributable to Alcohol Use? A Systematic Review and Modelling Study. *Pharmacoeconomics*. 2021;39:809–822. doi: <https://doi.org/10.1007/s40273-021-01031-8>
2. Ekpu V.U., Brown A.K. The Economic Impact of Smoking and of Reducing Smoking Prevalence: Review of Evidence. *Tob Use Insights*. 2015;8:1–35. doi: <https://doi.org/10.4137/TUI.S15628>
3. Barrio P., Reynolds J., García-Altés A., Gual A., Anderson P. Social Costs of Illegal Drugs, Alcohol and Tobacco in the European Union: A Systematic Review. *Drug and Alcohol Review*. 2017;36(5):578–588. doi: <https://doi.org/10.1111/dar.12504>
4. Carr S., Rehm J., Manthey J. Guidelines and Reality in Studies on the Economic Costs of Alcohol Use: A Systematic Review. *International Journal of Alcohol and Drug Research*. 2021;9(1). doi: <https://doi.org/10.7895/ijadr.283>
5. Salazar F., Velazquez V., Robles N., Hynes M., Demarco M. Relationship between Human Development and Drug Use. Human Development Index and Drug Use. *Salud Mental*. 2014;37(1):35–39. Available at: <http://www.scielo.org.mx/pdf/sm/v37n1/v37n1a5.pdf> (accessed 21.10.2021).
6. Soseco T., Aren F. The Impact of Tobacco to Human Development Index. In: International Seminar FEUM 2015 Reorienting Economics & Business in The Context of National and Global Development. 2015. p. 15–22. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321069532_The_Impact_of_Tobacco_to_Human_Development_Index (accessed 21.10.2021).
7. Riahi M., Mohammadi A.A., Rohani H., Bidkhori M. Dataset on the Prevalence of Tobacco Smoking in Men and Women of Selected Countries with Difference Human Development. *Data in Brief*. 2018;18:506–511. doi: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2018.03.043>
8. Fallahi M., Nor N.M., Thinnig W.B.K. The Impact of Human Development on Cigarettes Consumption in Malaysia. *International Journal of Economics and Management*. 2015;9(2):356–368. Available at: https://www.researchgate.net/publication/309571089_The_Impact_of_Human_Development_on_Cigarettes_Consumption_in_Malaysia (accessed 21.10.2021).

9. Degenhardt L., Charlson F., Ferrari A., et. al. The Global Burden of Disease Attributable to Alcohol and Drug Use in 195 Countries and Territories, 1990-2016: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *Lancet Psychiatry*. 2018;5(12):987–1012. doi: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(18\)30337-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(18)30337-7)
10. Gil A.I., Molina J.A. Human Development and Alcohol Abuse in Adolescence. *Applied Economics, Taylor & Francis Journals*. 2007;39(10):1315–1323. doi: <https://doi.org/10.1080/00036840701346238>
11. Shield K.D., Rehm J. Societal Development and the Alcohol-Attributable Burden of Disease. *Addiction*. 2021;116(9):2326–2338. doi: <https://doi.org/10.1111/add.15441>
12. Probst C., Rehm J. Alcohol Use, Opioid Overdose and Socioeconomic Status in Canada: A Threat to Life Expectancy? *Canadian Medical Association Journal*. 2018;190(44):1294–1295. doi: <https://doi.org/10.1503/cmaj.180806>
13. Shield K., Manthey J., Rylett M., Probst C., Wettlaufer A., Parry C.D.H., Rehm J. National, Regional, and Global Burdens of Disease from 2000 to 2016 Attributable to Alcohol Use: A Comparative Risk Assessment Study. *Lancet Public Health*. 2020;5(1):51–61. doi: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(19\)30231-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30231-2)
14. Manthey J., Shield K.D., Rylett M., Hasan O.S.M., Probst C., Rehm J. Global Alcohol Exposure Between 1990 and 2017 and Forecasts Until 2030: A Modeling Study. *Lancet*. 2019;393(10190):2493–2502. doi: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32744-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32744-2)
15. Vasenev S.L. Assessment of the Impact of Alcohol Consumption on the Change in Regional Human Potential. *Engineering Journal of Don*. 2015;(2-1). Available at: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_23_Vasenev.pdf_0a96e4facb.pdf (accessed 20.10.2021). (In Russ.)
16. Trinidad S.B., Shaw J.L., Dirks L.G., Ludman E.J., Burke W., Dillard D.A. Perceptions of Alcohol Misuse Among Alaska Native Health Care System Stakeholders: A Qualitative Exploration. *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*. 2019;19(4):635–658. doi: <https://doi.org/10.1080/15332640.2018.1556766>
17. Karlsson T., Mäkelä P., Tigerstedt Ch., Keskimäki I. The Road to the Alcohol Act 2018 in Finland: A Conflict between Public Health Objectives and Neoliberal Goals. *Health Policy*. 2020;124(1):1–6. doi: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.10.009>
18. Rasmus S.M., Trickett E., Charles B., John S., Allen J. The Qasgiq Model as an Indigenous Intervention: Using the Cultural Logic of Contexts to Build Protective Factors for Alaska Native Suicide and Alcohol Misuse Prevention. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2019;25(1):44–54. doi: <https://doi.org/10.1037/cdp0000243>
19. Freeman B.J., Bess G., Fleming C.M., Novins D.K. Transforming Through Leadership: A Qualitative Study of Successful American Indian Native Behavioral Health Leaders. *BMC Public Health*. 2019;19. doi: <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7600-9>
20. Kristen A., Ogilvie A. Unintended Consequences of Local Alcohol Restrictions in Rural Alaska. *Journal of Ethnicity in Substance Abuse*. 2018;17(1):16–31. doi: <https://doi.org/10.1080/15332640.2017.1362728>
21. Cunningham J.A., Koski-Jännes A. The Last 10 Years: Any Changes in Perceptions of the Seriousness of Alcohol, Cannabis, and Substance Use in Canada 2019. *Substance Abuse Treatment, Prevention and Policy*. 2019;14. doi: <https://doi.org/10.1186/s13011-019-0243-0>

22. Pauly B., Vallance K., Wettlaufer A., Chow C., Brown R., Evans J., et al. Community Managed Alcohol Programs in Canada: Overview of Key Dimensions and Implementation. *Drug and Alcohol Review*. 2018;37(1):132–139. doi: <https://doi.org/10.1111/dar.12681>

23. Pauly B., King V., Smith A., Tranquilli-Doherty S., Wishart M., Vallance K., Stockwell T., Sutherland C. Breaking the Cycle of Survival Drinking: Insights from a Non-Residential, Peer-Initiated and Peer-Run Managed Alcohol Program. *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 2021;28(2):172–180. doi: <https://doi.org/10.1080/09687637.2020.1764500>

24. Myran D.T., Chen J.T., Giesbrecht N., Rees V.W. The Association between Alcohol Access and Alcohol Attributable Emergency Department Visits in Ontario, Canada. *Addiction*. 2019;114(7):1183–1191. doi: <https://doi.org/10.1111/add.14597>

25. Holmila M., Warpenius K. Community-Based Prevention of Alcohol-Related Injuries: Possibilities and Experiences. *International Journal of Alcohol and Drug Research*. 2012;1(1):27–39. doi: <http://dx.doi.org/10.7895/ijadr.v1i1.43>

26. Vallance K., Stockwell T., Wettlaufer A., Giesbrecht N., Chow C., Card K.G., Farrell-Low A. Strategies for Engaging Policy Stakeholders to Translate Research Knowledge into Practice More Effectively: Lessons Learned from the Canadian Alcohol Policy Evaluation Project. *Drug and Alcohol Review*. 2021;41(1):246–255. doi: <https://doi.org/10.1111/dar.13313>

27. Unguryanu T.N., Grjibovski A.M., Trovik T.A., Ytterstad B., Kudryavtsev A.V. Injury Registration for Primary Prevention in a Provincial Russian Region: Setting up a New Trauma Registry. *Scandinavian Journal of Trauma, Resuscitation and Emergency Medicine*. 2019;47. doi: <https://doi.org/10.1186/s13049-019-0627-1>

28. Gaponova E.A., Petrachkov I.V., Ginoyan A.B., Ulumbekova G.E. Experience of Developed Countries in the Sphere of Antialcoholic Politics. *Healthcare Management: News. Views. Education. Bulletin of VSHOUZ*. 2020;6(1):44–57. Available at: https://orgzdrav.vshouz.ru/ru/jarticles_orgzdrav/161.html?SSr=5401348a0612ffffff-27c_07e604160c3605-71af (accessed 21.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

29. Foster S., Gmel G., Mohler-Kuo M. Light and Heavy Drinking in Jurisdictions with Different Alcohol Policy Environments. *International Journal of Drug Policy*. 2019;65:86–96. doi: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2019.01.014>

30. Lemoine M., Gmel G., Foster S., Marmet S., Studer J. Multiple Trajectories of Alcohol Use and the Development of Alcohol Use Disorder: Do Swiss Men Mature-Out of Problematic Alcohol Use During Emerging Adulthood? *PLoS One*. 2020;15(1). doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220232>

31. Studer J., Gmel G., Bertholet N., Marmet S., Daepfen J.B. Alcohol-Induced Blackouts at Age 20 Predict the Incidence, Maintenance, and Severity of Alcohol Dependence at Age 25: A Prospective Study in a Sample of Young Swiss Men. *Addiction*. 2019;114(9):1556–1566. doi: <https://doi.org/10.1111/add.14647>

32. Antamoshkina E.N., Rogachev A.F. The Model of Statistical Assessment of Food Security. In: Bogoviz A.V. (ed.) *Complex Systems: Innovation and Sustainability in the Digital Age*. Vol. 1. Studies in Systems, Decision and Control. Vol. 282. 2020. p. 471–481. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-44703-8>

33. Skokov R.Yu. State Regulation and Determinants of Demand and Supply of Addictive Goods. In: Ardashkin I.B., Bunkovsky V.I., Martyushev N.V. (eds.) *Research Paradigms*

Transformation in Social Sciences. Vol 50. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. p. 1106–1114. doi: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.135>

Поступила 28.06.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 17.11.2021.

Submitted 28.06.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 17.11.2021.

Об авторах:

Скоков Роман Юрьевич, профессор кафедры менеджмента и логистики в АПК Волгоградского государственного аграрного университета (400002, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 26), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1026-0538>, Scopus ID: 57216922992, rskokov@mail.ru

Рогачев Алексей Фруминович, профессор кафедры математического моделирования и информатики Волгоградского государственного аграрного университета (400002, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 26), доктор технических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3077-6622>, Scopus ID: 56684624200, rafr@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Р. Ю. Скоков – научное руководство; подготовка начального варианта статьи; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных; изучение концепции; обеспечение ресурсами.

А. Ф. Рогачев – визуализация данных в тексте; компьютерные работы; критический анализ и доработка статьи; развитие методологии; курирование данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Roman Yu. Skokov, Professor, Department of Management and Logistics in the AIC, Volgograd State Agricultural University (26 Universitetsky Ave., Volgograd 400002, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1026-0538>, Scopus ID: 57216922992, rskokov@mail.ru

Aleksey F. Rogachev, Professor, Department of Mathematical Modeling and Computer Science, Volgograd State Agricultural University (26 Universitetsky Ave., Volgograd 400002, Russian Federation), Dr. Sci. (Engineering), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3077-6622>, Scopus ID: 56684624200, rafr@mail.ru

Contribution of the authors:

R. Yu. Skokov – scientific management; preparation of the initial version of the article; collection of data and evidence; formalized data analysis; concept study; provision of resources.

A. F. Rogachev – visualization of data in the text; computer work; critical analysis and revision of the article; development of methodology; data supervision.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

Интеграция университета в процесс цифровой трансформации экономики и социальной сферы региона

А. В. Щипцова¹✉И. Е. Поверинов¹Е. А. Ильина²

¹ Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
(г. Чебоксары, Российская Федерация)

² Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева (г. Чебоксары, Российская Федерация)
✉ avs_ivt@list.ru

Аннотация

Введение. Ключевым барьером в период цифровизации экономики является нехватка квалифицированных кадров, обладающих необходимыми компетенциями для разработки, внедрения и использования цифровых технологий. Авторы анализируют современный этап цифровой трансформации экономики России и зарубежных стран, роль университетов в этом процессе, рассматривая в тесной связи понятия информационной политики и стратегии цифровой трансформации университета, предлагают подходы к формированию политики университета в области информационных технологий с целью развития цифровых навыков человеческих ресурсов. Цель статьи – по материалам проведенного исследования определить способы эффективной интеграции университетов в процесс цифровой трансформации экономики и социальной сферы региона.

Материалы и методы. Для изучения проблемы были отобраны исследования и результаты опросов по тематике исследования, а также ключевые правовые акты и документы, определяющие и регламентирующие процессы цифровой трансформации экономики в России. В ходе исследования использовался метод анализа для сравнения показателей цифровой грамотности граждан в период цифровой трансформации экономики, для определения и обобщения мер государственной и региональной политики в области образования, роли и опыта участия университетов в процессе преодоления барьеров на пути цифровой трансформации экономики и социальной сферы.

© Щипцова А. В., Поверинов И. Е., Ильина Е. А., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. Определены барьеры на пути цифровой трансформации экономики, среди которых лидирует проблема кадрового дефицита и, как следствие, подготовки кадров. Выявлено, что индикатором готовности университета к цифровой трансформации может стать эффективность политики университета в области информационных технологий.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты относятся к изменениям внутренней образовательной среды, а также содержания и формата образования и вносят вклад в развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики страны, стратегического планирования развития регионов, образовательного менеджмента. Материалы статьи могут быть полезны руководителям образовательных организаций высшего образования при формировании стратегии цифровой трансформации в аспекте трех миссий: образовательной, научной, воспитательной.

Ключевые слова: барьеры на пути цифровой трансформации, информационные технологии, политика в области информационных технологий, подготовка кадров, социальная сфера, стратегия в области цифровой трансформации, цифровая зрелость, цифровая трансформация, цифровые компетенции, человеческие ресурсы, экономика

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щипцова А. В., Поверинов И. Е., Ильина Е. А. Интеграция университета в процесс цифровой трансформации экономики и социальной сферы региона // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 359–382. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.359-382>

Original article

Integration of the University into the Process of Digital Transformation of the Regional Economy and Social Sphere

A. V. Shchiptsova^a✉, I. E. Poverinov^a, E. A. Ilyina^b

^a I. N. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

^b I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
(Cheboksary, Russian Federation)

✉ avs_ivt@list.ru

Abstract

Introduction. A key barrier in the period of economy digitalization is the lack of qualified personnel having necessary competencies for the development, implementation and the use of digital technologies. The authors analyze the current stage of digital transformation of the Russian economy and that of foreign countries, the role of universities in this process, considering in close connection the concepts of information policy and the strategy of digital transformation of the university; they propose approaches to form the university policy in the field of information technologies in order to develop digital skills of human resources. The purpose of the study is to identify the ways to effectively integrate universities into the process of digital transformation of the regional economy and social sphere.

Materials and Methods. To study the problem, research and survey results on the subject of the study were selected, as well as key legal acts and documents defining and regulating the processes of digital economy transformation in Russia. In the course of the research, the method of analysis was used: to compare the indicators of citizens' digital literacy during

the digital economy transformation; to determine and summarize measures of state and regional policy in the field of education, the role and experience of universities' participation in the process of overcoming the barriers to the digital transformation of the economy and the social sphere.

Results. As a result of the study, the barriers to the digital economy transformation were identified, among which the problem of personnel shortage and, as a result, personnel training is the leading one. The authors conclude that the effectiveness of the university's information technology policy can become an indicator of the university's readiness for digital transformation.

Discussion and Conclusion. The results obtained relate to changes in both the internal educational environment and changes in the content and format of education; they contribute to the development of the training system of highly qualified personnel for the national digital economy, strategic planning of regional development, educational management. The materials of the article can be useful to the heads of educational institutions of higher education when forming the digital transformation strategy in the aspect of three missions: educational, scientific, educative.

Keywords: barriers to digital transformation, information technologies, information technology policy, personnel training, social sphere, digital transformation strategy, digital maturity, digital transformation, digital competencies, human resources, economy

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Shchiptsova A.V., Poverinov I.E., Ilyina E.A. Integration of the University into the Process of Digital Transformation of the Regional Economy and Social Sphere. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):359–382. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.359-382>

Введение. Одной из национальных целей, поставленных Президентом России, является цифровая трансформация¹. В настоящее время в 13 ключевых отраслях экономики и социальной сферы идет процесс разработки стратегий и программ цифровой трансформации. Очевидно, что успешная реализация данных стратегий и программ возможна только при условии обеспечения кадрами, обладающими необходимыми компетенциями в области разработки и внедрения цифровых технологий. По данным опроса DT Global Business Consulting GmbH 118 российских фирм из разных отраслей бизнеса, «компания в России при проведении цифровой трансформации сталкиваются с целым рядом проблем. Две основные проблемы... это нехватка кадровых ресурсов и недостаток знаний и понимания того, что необходимо для цифровой трансформации»².

Внедрение цифровых технологий неизбежно повлияет на рынок труда: значительно сократится количество рабочих мест в реальном секторе экономики,

¹О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474.

²Цифровая трансформация в России: ваше конкурентное преимущество. Материалы исследования DT Global Business Consulting GmbH, март 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.citrix.com/content/dam/citrix/en_us/documents/white-paper/digital-transformation-in-russia-keeping-competitive-ru.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

исчезнет половина профессий, к 2025 г. высвободится 10–30 % рабочих мест, связанных с регламентированными процессами. В то же время появятся новые профессии, необходимые цифровой экономике. Наиболее востребованными станут нейротехнологии и искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, робототехника, квантовые технологии, блокчейн и т. д.³

Вузам страны определена важная роль в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации в рамках программы «Приоритет-2030»⁴, в том числе «укрепление кадрового и научно-технологического потенциала организаций реального сектора экономики и социальной сферы. В современных условиях социально-экономического развития высшая школа должна работать в опережающем режиме на основе тесной связи образования, науки и производства» [1].

Исследование направлено на решение проблемы подготовки и развития кадров в условиях цифровизации экономики страны. Актуальность работы обусловлена противоречием между поставленными национальными целями, задачами Российской Федерации и наличием барьеров, с которыми сталкиваются регионы в период цифровой трансформации. Чтобы готовить высококвалифицированные компетентные кадры под современные запросы рынка труда в условиях цифровой экономики, университет должен следовать современным трендам цифровой трансформации на основе четкой выработанной стратегии как в сфере цифровой трансформации собственных бизнес-процессов, так и в сфере формирования нового содержания образования. В связи с этим основой для эффективной реализации стратегии цифровой трансформации университета является его ИТ-политика как комплексная система целей, задач, мер и действий, направленных на эффективную интеграцию подготовки высококвалифицированных кадров, обладающих цифровыми компетенциями, и проведения междисциплинарных научных исследований и разработок в области цифровых технологий для развития цифровой экономики.

Существует множество определений «цифровой трансформации»; к тому же это понятие эволюционирует параллельно с развитием информационных технологий. Аналитические отчеты, посвященные цифровой трансформации, позволяют выделить основные направления цифровой трансформации, среди которых: работа с инновациями, управление на основе данных, цифровизация бизнес-процессов, управление клиентским опытом, цифровая инфраструктура (цифровые технологии), управление ценностью продуктов и услуг, цифровая культура и развитие компетенций⁵.

³ Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. URL: <https://new.atlas100.ru/> (дата обращения: 30.10.2021).

⁴ О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729.

⁵ Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. 2-е изд., испр. и дополн. М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. Аналитический отчет компании KMDA «Цифровая трансформация в России – 2020: обзор и рецепты успеха». М., 2020.

Таким образом, целью статьи является аналитическое обобщение мер государственной политики в образовании и в сфере информационных технологий (ИТ), роли и опыта участия университетов в процессе преодоления барьеров на пути цифровой трансформации и определение задач ИТ-политики университета, обеспечивающих решение проблемы подготовки кадров для цифровой экономики.

Обзор литературы. Процессы цифровой трансформации отраслей экономики рассматриваются в разных аспектах отечественными и зарубежными исследователями. Так, многие работы ученых посвящены проблемам и барьерам на пути цифровой трансформации экономики [2–11]. Многие авторы в своих исследованиях уделяют внимание роли и подходам университетов и высшего образования к реализации целей цифровой трансформации регионов⁶ [12–20].

Обзор материалов позволяет выделить характерные для экономики России и зарубежных стран проблемы цифровой трансформации: нехватка квалифицированных кадров, в том числе педагогических, обладающих необходимыми цифровыми компетенциями и цифровой культурой; отсутствие моделей комплексной цифровой трансформации высшей школы; негибкость нормативно-правовых инструментов, регламентирующих процессы подготовки и воспроизводства ИТ-кадров по отношению к непрерывному развитию цифровой технологической среды; неактуальность содержания образования в области формирования цифровых компетенций, методов и технологий обучения; неэффективные механизмы взаимодействия вузов и работодателей, а также низкая вовлеченность работодателей в регионах в процесс подготовки ИТ-кадров. Вышеназванные проблемы тесно взаимосвязаны, и решение каждой из них неизбежно влияет на решение остальных проблем.

Примечательно, что представители научного сообщества России и зарубежных стран сходятся в определении процесса цифровой трансформации вузов как целостного преобразования вуза в социальном, организационном и технологическом аспектах, отмечают и исследуют в своих работах принципы и задачи руководства в условиях цифровой трансформации: каталогизацию административных, образовательных и научных сервисов; управление инфраструктурой; глубокий реинжиниринг и автоматизацию всех основных и вспомогательных бизнес-процессов; создание центров цифровых

⁶Жук О. Л. Высшее образование в условиях цифровой трансформации: от Университета 3.0 к Университету 4.0 // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М. : РУДН, 2019. С. 12–17; Маковецкий И. И. Цифровая трансформация – необходимое условие эффективного развития университета // Банки и финансы в условиях цифровизации экономики : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. для студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры. Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2019. С. 4–5; Халин В. Г., Чернова Г. В. Количественные методы оценки качества управления в российской высшей школе // Актуальные проблемы менеджмента: новые методы и технологии управления в регионах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Скифия-принт, 2020. С. 46–48; Защитина Е. К., Павлов П. В. Экспорт высшего образования: прикладное исследование : моногр. Ростов н/Д – Таганрог : Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2019. 184 с.

компетенций; управление изменениями [10; 11; 13; 15; 18–20]. Особо подчеркивается и тот факт, что цифровая трансформация должна быть интегрирована в учебные программы и собственные научно-исследовательские проекты вузов в области цифровой трансформации экономики [18]. Как следствие, делаются выводы о том, что вузы, реализующие стратегии цифровой трансформации в тесной связи с другими функциональными стратегиями университета, имеют конкурентное преимущество в образовательной, научной и социокультурной сферах [20].

Цифровая трансформация как неизбежный этап развития мировой экономики требует соответствующих ее потребностям человеческих ресурсов [12]. Так, Ю. О. Климова и В. С. Усков пишут: «В России прослеживается растущий дефицит ИТ-специалистов, а страна значительно уступает по доле таких сотрудников в экономике США и странам Евросоюза. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования выступают главным инструментом подготовки кадров, однако в отношении воспроизводства ИТ-специалистов они недостаточно эффективны. На сегодняшний день это одна из важнейших проблем, решение которой позволит вести опережающую подготовку востребованных кадров в соответствии с потребностями экономики» [21, с. 229].

Анализируя политику Европейского союза и опираясь на результаты опросов специалистов вузов и работодателей, SWOT-анализа ситуации в вузах Европейского союза, ряд зарубежных исследователей делают выводы о том, что инициативы по цифровой трансформации находятся в центре внимания Европейского союза, и вузам необходимо обновить стратегические планы и определить конкретные действия по их реализации во взаимодействии с заинтересованными сторонами для успешной адаптации к динамичной технологической среде Индустрии 4.0 [11]. Авторы обозначили основные проблемы на пути подготовки квалифицированных кадров для цифровой экономики, среди которых культурное и поведенческое сопротивление (67,0 %), отсутствие ориентированного на изменения мышления и непонимание цифровых тенденций (54,1 %) [11].

В качестве наиболее значимого фактора роста цифровой экономики в России и за рубежом ученые, с одной стороны, определяют участие работодателей в подготовке ИТ-кадров высшей школой, а с другой – обосновывают концепцию корпоративного университета в составе корпоративной структуры компаний, чья основная деятельность не относится к сфере образования, для формирования актуальных цифровых компетенций у сотрудников в форме дополнительного профессионального образования [7]. Вызовы, стоящие перед предприятиями по цифровизации их деятельности, могут решаться и на этапе подготовки кадров высшей квалификации [22].

Цифровая трансформация является всепроникающим технологическим изменением, которое затрагивает и влечет за собой различные проблемы для региональной инновационной системы, в том числе необходимость развития

и обновления цифровых навыков внутри компаний и организаций в сфере образования, необходимость постоянной адаптации к новым цифровым технологиям с помощью современной инфраструктуры, необходимость синергии среднесрочных и инновационных технологических решений с участием различных заинтересованных сторон государственного и частного сектора [8; 9].

Особое место в материалах по проблематике исследования занимают вопросы широкого внедрения в педагогическую практику цифровых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и виртуальная реальность, которые обещают преобразовать традиционные учебно-методические материалы в наглядные и «осязаемые»⁷. Подчеркивается необходимость изменения методов подготовки учителей, способов обучения путем применения новых образовательных моделей, основанных на цифровых платформах, для успешного перехода из традиционной в цифровую образовательную среду и адаптации образовательной деятельности к общей тенденции цифровизации [17]. В ряде работ отмечается значительная недоиспользованность потенциального преимущества цифровой трансформации образования на основе открытых образовательных ресурсов (OER) и массовых открытых онлайн-курсов (МООС) [16; 17].

Результаты обзора указывают на ведущую роль высшего образования как важнейшего звена социально-экономической системы в решении кадрового обеспечения цифровой экономики. Можно наблюдать имеющуюся тенденцию интеграции отечественных и зарубежных вузов в процесс цифровизации своих экономик. Однако, не обнаружив в литературе практико-ориентированных механизмов интеграции вузов в процесс цифровой трансформации экономики, мы делаем вывод об актуальности исследования.

Материалы и методы. В качестве материалов использовались исследования и результаты опросов по выбранной тематике за период 2016–2021 гг., ключевые правовые акты и документы, определяющие и регламентирующие процессы цифровой трансформации экономики в России. Метод анализа был применен для определения и обобщения мер государственной политики в области образования, роли и опыта участия университетов в процессе преодоления барьеров на пути цифровой трансформации экономики.

Системный подход позволил рассмотреть процесс подготовки кадров для цифровой экономики как комплекс взаимосвязанных элементов, выявить каналы взаимодействия рынка, определяющего потребности в базовых и профессиональных digital-компетенциях, предприятий и университета по формированию цифровых компетенций у обучающихся.

На основе метода дедукции осуществлялся процесс определения основных задач направления развития университета в сфере ИТ и индикаторов их достижения.

⁷ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А. Ю. Уваров [и др.] ; под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.

Эмпирические методы создали основу для последующего разрешения проблемы развития системы подготовки ИТ-кадров путем разработки политики университета в области информационных технологий.

В статье рассмотрен проектный подход цифровой трансформации в Российской Федерации, изучены современные тенденции развития рынка труда, описаны ключевые компетенции цифровой экономики, раскрыты особенности подготовки кадров в период цифровой трансформации.

Результаты исследования. Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 определены пять национальных целей развития Российской Федерации, одной из которых является цифровая трансформация. К 2030 г. необходимо достичь «цифровой зрелости» в ключевых отраслях экономики и социальной сфере, 95 % массовых социально значимых услуг должны быть доступны в электронном виде, 97 % домохозяйств – обеспечены широкополосным доступом к интернету, увеличатся вложения в отечественные решения в сфере информационных технологий в 4 раза по сравнению с 2019 г.⁸.

Основная задача федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» – обеспечение экономики компетентными кадрами, совершенствование подготовки и переподготовки кадров для цифровой экономики⁹. Одной из ключевых вех проекта «Кадры для цифровой экономики» является количество абитуриентов в вузы на места, финансируемые из федерального бюджета, по направлениям подготовки в сфере ИТ (табл. 1).

Таблица 1. Планируемое количество человек, принимаемых на программы высшего образования в сфере ИТ¹⁰

Table 1. The planned number of people accepted for higher education programs in the IT field

Показатель / Indicator	Годы / Years				
	2020	2021	2022	2023	2024
Количество принятых абитуриентов в вузы по ИТ-направлениям подготовки / The number of enrolled applicants to universities in IT areas of training	60 000	80 000	90 000	100 000	120 000

Согласно задаче «Обеспечение цифровой экономики компетентными кадрами», за 5 лет рынок труда должен наполниться выпускниками для ИТ-сферы в 2 раза. Стратегией развития отрасли информационных технологий

⁸ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года.

⁹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7.

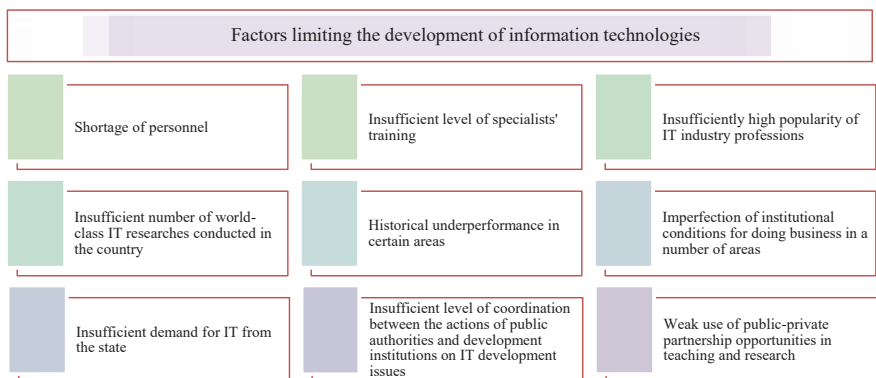
¹⁰ Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9.

в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. определены проблемы, препятствующие развитию информационных технологий в России (рис. 1)¹¹.

Р и с. 1. Факторы, ограничивающие развитие информационных технологий в России

F i g. 1. Factors limiting the development of information technologies in Russia

В период Индустрии 4.0 реальный сектор экономики испытывает острую нехватку высококвалифицированных кадров и прежде всего в сфере ИТ-технологий. Консалтинговая компания в области цифровой

¹¹ Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 нояб. 2013 г. № 2036-р (ред. от 18 окт. 2018 г.).

стратегии и трансформации бизнеса КМДА составила аналитический отчет по цифровой трансформации на базе опроса представителей российских компаний. Ключевыми препятствиями реализации стратегии цифровой трансформации респонденты отмечают нехватку компетенций и сопротивление изменениям. Основными факторами успеха реализации цифровой трансформации компании считают развитие компетенций сотрудников, поддержку руководства, четкую систему управления и стратегию¹².

По данным исследований индекса цифровизации бизнеса, отмечается его рост за 2019–2021 гг. с 32,2 до 50 п. п. по шкале от 0 до 100. Одной из главных точек роста в области цифровой трансформации для российских компаний остается повышение цифровой грамотности сотрудников. Аналитический центр НАФИ ежегодно рассчитывает индекс цифровой грамотности россиян по 5 основным параметрам: информационная грамотность, коммуникативная грамотность, создание цифрового контента, цифровая безопасность, навыки решения проблем в цифровой среде¹³. По результатам исследования уровня цифровой грамотности доля россиян, обладающих достаточным уровнем цифровой грамотности, практически не меняется за 2018–2021 гг. и не достигает целевых значений федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Показатели цифровой грамотности граждан Российской Федерации, %¹⁴

Table 2. Indicators of citizens' digital literacy in the Russian Federation, %

Показатель / Indicator	Годы / Years						
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6	7	8

Доля населения, обладающего цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики (целевые значения федерального проекта «Кадры для цифровой экономики») / The proportion of the population with digital literacy and key competencies of the digital economy (target values of the federal project "Personnel for the Digital Economy")

26 27 30 32 36 38 40

¹² Аналитический отчет компании КМДА «Цифровая трансформация в России – 2020: обзор и рецепты успеха». М., 2020.

¹³ Аналитический центр НАФИ [Электронный ресурс]. URL: <http://nafi.ru/> (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁴ Там же.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Доля населения, обладающего высокой цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики / The proportion of the population having high digital literacy and key competencies of the digital economy	26	26	27	27	–	–	–
Индекс цифровой грамотности НАФИ / NAFI Digital Literacy Index	52	52	58	64	–	–	–

За первое полугодие 2021 г. показатель доли населения, обладающего высокой цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики, отстает от целевого значения на 5 пунктов.

В 2020 г. Центр подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГС разработал свою модель компетенций команды цифровой трансформации, которую предлагается визуализировать в виде «лепестковой диаграммы». Модель компетенций команды цифровой трансформации включает в себя четыре связанных между собой блока: 1) базовые цифровые компетенции; 2) личностные компетенции; 3) профессиональные компетенции; 4) цифровая культура¹⁵.

В России созданы два центра на базе Университета Иннополис: опорный образовательный центр – для формирования цифровых компетенций у не ИТ-специалистов, и единый учебно-методологический Центр – для подготовки высококвалифицированных ИТ-кадров в рамках ИТ-образования, способствующего масштабному увеличению численности ИТ-кадров.

Работодатели сегодня предъявляют требования к соискателям как по базовым (знание основных офисных программ, умение работать с электронными документами), так и по профессиональным цифровым компетенциям (знание основ кибербезопасности, умение пользоваться таск-трекерами, владение BI-инструментами). Взаимодействие предприятий с вузом позволит добиться синергетического эффекта: сформировать на должном уровне профессиональные компетенции под конкретные запросы работодателя (рис. 2).

По дополнительному образованию следует добавить образовательные программы, реализуемые в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» до конца 2024 г.:

1. Дополнительные образовательные программы с использованием мер государственной поддержки.

2. Программа развития антикризисных лидеров и команд цифровой экономики КЛИК.

¹⁵ Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления [Электронный ресурс]. URL: https://hr.cdto.ranepa.ru/?fbclid=IwAR3CnlcbV5IAv2pog%2013UgEOGsWTTI6xM5BJSPV_g6TQ3vkT_V4aFzFr8PZM (дата обращения: 30.10.2021).

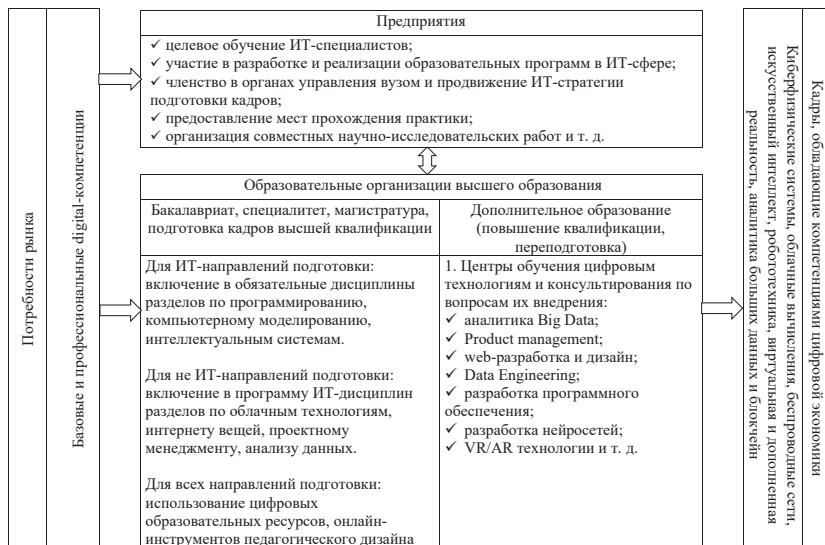

Рис. 2. Взаимодействие предприятий и вузов по формированию цифровых компетенций¹⁶

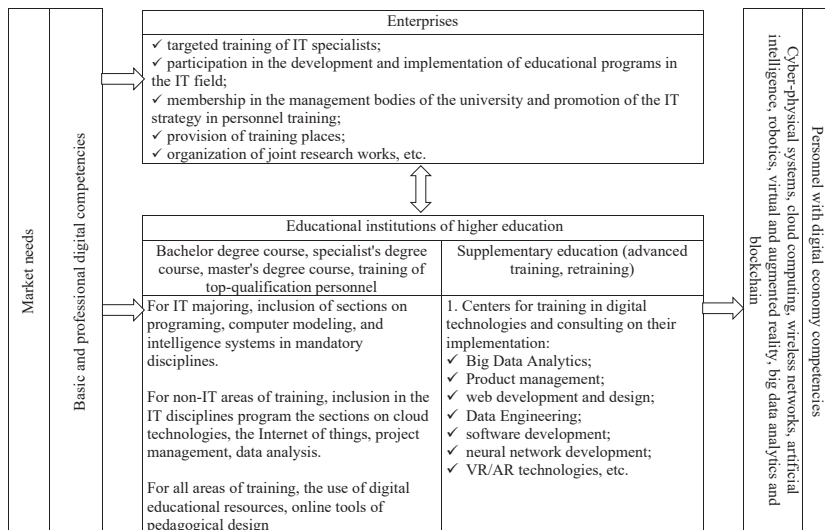

Fig. 2. Interaction of enterprises and universities to form digital competencies

¹⁶ Рисунок составлен авторами.

3. CDTO. Подготовка руководителей цифровой трансформации.

4. Платформа знаний для повышения цифровой грамотности.

Много усилий государство прикладывает для формирования профилей компетенций и персональных траекторий развития, создания единой системы независимой оценки компетенций, бесплатного обучения цифровым компетенциям и выдачи персональных цифровых сертификатов, привлечения работодателей в процесс разработки программ повышения квалификации и переподготовки с помощью сервиса «Конструктор программ дополнительного образования», привлечения зарубежных исполнителей в реальные проекты и интеграцию России в глобальный рынок труда¹⁷.

Таким образом, координация усилий государства, предприятий и университетов позволит добиться поставленных задач по подготовке высококвалифицированных кадров в ИТ-сфере и развитию цифровых компетенций населения страны.

Российские университеты разрабатывают программы своего развития, программы повышения конкурентоспособности как продолжение стратегии вуза, где в рамках модернизации материально-технической базы предусматривают развитие информационной инфраструктуры. Некоторые вузы уделяют особое внимание цифровой политике и разрабатывают отдельные программные документы с указанием целей, задач, мероприятий и ожидаемых результатов от реализации ИТ-программы. В Самарском национальном исследовательском университете имени академика С. П. Королева действует Политика в области цифровой трансформации в рамках стратегии развития вуза, где предусмотрена интеграция всех ресурсов вуза к 2030 г. в единую цифровую платформу, реализуя возможность удаленного доступа к ним всех пользователей и обеспечивая их информационные потребности и запросы в цифровом виде, переход университета на цифровой способ управления деловыми процессами и ключевыми задачами.

Анализ программ развития университетов свидетельствует, что популярными показателями развития цифровизации вузов являются количество единиц компьютерной техники, количество аудиторий, оборудованных средствами мультимедиа, количество онлайн-курсов, разработанных преподавателями университета, количество преподавателей и сотрудников университета, прошедших обучение в области ИТ-технологий.

Целевая программа цифровизации Пензенского государственного университета на 2020–2021 гг. предусматривает достижение, наряду с прочими, таких показателей, как закупка и продление лицензий программного обеспечения, доля занятий в дистанционном формате у обучающихся по заочной

¹⁷ Результаты проектно-аналитической сессии ЦК Университета 20.35 [Электронный ресурс]. URL: <https://ntinews.ru/news/unti/rezultaty-proektno-analiticheskoy-sessii-tsk-universiteta-20-35.html> (дата обращения: 30.10.2021).

форме обучения, количество реализуемых полностью дистанционных образовательных программ высшего образования¹⁸.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева в Программе информатизации университета на 2020–2024 гг. предлагает в качестве целевых индикаторов учитывать долю платежей за услуги, предоставляемые университетом, совершенных на вузовском портале, и показатели технического оснащения: общая пропускная способность подключения к интернету, загруженность внешнего канала, количество точек беспроводного доступа и процент охвата Wi-Fi учебных корпусов¹⁹.

Результаты исследования программных документов региональных вузов нашли отражение в предлагаемой ИТ-политике Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

В августе 2021 г. в Чувашской Республике утверждена Стратегия цифровой трансформации республики до 2024 г., которая предусматривает реализацию 128 проектов по внедрению цифровых технологий в 17 отраслях. По количеству отраслей, включенных в стратегию, республика вошла в топ-3 регионов страны. Комплексной программой социально-экономического развития Чувашской Республики обозначены три ключевые проблемы развития ИТ-отрасли: низкое проникновение высокоскоростного интернета в сельской местности, наличие слепых зон сотовой связи в городах Чувашии, отсутствие связи в малых населенных пунктах республики, недостаточный масштаб развития ИТ-сектора в экономике региона. Предлагается увеличить число квалифицированных специалистов, количество ИТ-предприятий, повысить качество и профессиональный уровень специалистов отрасли. На решение проблем в ИТ-сфере направлен инвестиционный проект «Создание центра кибербезопасности в энергетике и промышленности» со сроком реализации до 2035 г. и суммой 3 000 млн руб., что составляет 1,9 % от всех инвестиционных проектов Программы²⁰.

В целях реализации плана развития ИТ-отрасли региона планируется создание Центра инновационного, технологического и социального развития Чувашской Республики на базе Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Авторами статьи разработана ИТ-политика, которая учитывает и увязывает два аспекта: региональный запрос на подготовку кадров для цифровой экономики и повышение эффективности всех видов деятельности

¹⁸ Целевая программа цифровизации Пензенского государственного университета на 2020–2021 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://usk.pnzgu.ru/pguprograms> (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁹ Программа информатизации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» на 2020–2024 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://mrsu.ru/ru/university/programs/sec/informatizatsiya-v-universitete/> (дата обращения: 30.10.2021).

²⁰ О Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года : Закон Чувашской Республики от 26 нояб. 2020 г. № 102.

Чувашского университета за счет информатизации и автоматизации бизнес-процессов.

С учетом данных аспектов определены направления и задачи ИТ-политики вуза, основными из которых являются:

1. Определение и взаимодействие с ключевыми партнерами и работодателями университета, осуществляющими деятельность в соответствии с задачами цифровой экономики для целевой практико-ориентированной подготовки кадров, в том числе по востребованным цифровой экономикой образовательным программам, в том числе:

- разработка новых и обновление основных и дополнительных профессиональных образовательных программ с учетом запросов партнеров и работодателей университета для целевой практико-ориентированной подготовки кадров в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, программирования и информационной безопасности;

- разработка новых междисциплинарных учебных дисциплин (модулей) для формирования у обучающихся компетенций применения информационных и «сквозных» цифровых технологий при решении прикладных задач;

- популяризация сферы ИТ, профориентация выпускников средних образовательных учреждений к деятельности в сфере ИТ. Организация конкурсов и олимпиад в сфере ИТ и программирования для обучающихся вуза и средних образовательных учреждений с привлечением партнеров и работодателей университета.

2. Развитие и модернизация университетской информационной инфраструктуры, обеспечивающей образовательную, научную, инновационную и воспитательную деятельность на основе принципов эффективного управления, безопасности и сохранности данных, масштабируемости и возможности адаптации решений, в том числе:

- осуществление непрерывной модернизации и развитие материально-технического и программного обеспечения информационной инфраструктуры университета для поддержания ее эффективной и устойчивой работы на основе анализа потребностей подразделений вуза;

- расширение перечня и функционала информационных систем и сервисов информационной инфраструктуры университета для целей повышения эффективности принимаемых управленческих решений и с учетом требований бизнес-процессов всех видов деятельности университета;

- обеспечение поэтапного перехода всех подразделений вуза к использованию информационных систем, сервисов и данных, входящих в информационную инфраструктуру университета;

- обеспечение и поддержание комплексной защиты информационной инфраструктуры университета, проведение непрерывного мониторинга и анализа угроз, возникающих в связи с внедрением новых ИТ, для своевременного реагирования на них.

3. Повышение квалификации и переподготовка преподавателей и сотрудников университета в сфере информационных и коммуникационных технологий, включая дистанционные образовательные технологии и электронное обучение, для повышения качества выполнения трудовых обязанностей, в том числе:

- повышение квалификации и переподготовка преподавателей и сотрудников университета по разработанным вновь и (или) обновляемым дополнительным профессиональным образовательным программам в сфере информационных и телекоммуникационных технологий и информационной безопасности для обеспечения требований п. 4.2.2 федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования к квалификации работников, использующих и поддерживающих электронную информационно-образовательную среду университета. Обучение работников по этим программам не реже одного раза в три года.

4. Развитие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в условиях функционирования электронной информационно-образовательной среды, способствующих повышению качества образования, расширению спектра и доступности образовательных услуг университета, в том числе:

- укрепление и модернизация материально-технической базы, обеспечивающей применение дистанционных образовательных технологий, оснащение медиастудии для повышения эффективности и качества создания собственных онлайн-курсов и иного образовательного контента университета;

- развитие электронной информационно-образовательной среды как основной части информационной инфраструктуры университета, ее нормативно-правового, методического, содержательного и организационного обеспечения;

- доступ к внешним электронным библиотечным системам, увеличение наименований электронных изданий фонда библиотеки университета.

5. Определение и развитие новых направлений научных школ, проведение научных мероприятий и междисциплинарных исследований и разработок, связанных с развитием и применением ИТ и «сквозных» цифровых технологий, а именно:

- поддержка проведения фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере информационных и коммуникационных технологий;

- оказание правовой и материальной поддержки в части, касающейся оформления и регистрации права и защиты интеллектуальной собственности правообладателей из числа работников и обучающихся университета, разработчиков решений в сфере информационных и коммуникационных технологий;

- организация научных и научно-практических мероприятий, сессий и конференций, лекториев по тематикам сквозных цифровых технологий.

6. Качественно новое развитие сферы воспитательной деятельности с применением информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющей использовать весь потенциал обмена информацией в цифровой форме, на основе пропаганды и формирования у обучающихся высокого уровня информационной культуры и безопасного поведения в цифровом мире, в том числе:

- укрепление и модернизация материально-технической базы, обеспечивающей сферу воспитательной деятельности возможностью применения современных цифровых технологий и повышение качества создания информационного и развлекательного контента университета;

- эффективное использование и развитие информационных ресурсов на базе интернета (социальные сети, сайт и др.) для распространения актуальной, достоверной и качественной информации о деятельности вуза. Модернизация сайта университета с учетом актуализации требований Рособнадзора и Минобрнауки России;

- проведение образовательных и просветительских мероприятий, направленных на формирование информационной культуры и безопасного поведения в цифровом мире;

- участие в грантовых программах и творческих конкурсах в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе по созданию медиаконтента, организации и проведению культурно-массовых и просветительских мероприятий, организации клубного и кружкового движения и т. п.

7. Организационное развитие деятельности в области открытых данных, на основе решения задач:

- расширение сотрудничества с пользователями открытых наборов данных университета, привлечение новых групп пользователей для повышения эффективности использования ими открытых данных;

- расширение наборов открытых данных;

- непрерывное формирование и развитие компетенций в области открытых данных у должностных и ответственных лиц университета;

- разработка системы и методики мониторинга и оценки востребованности открытых данных университета.

Индикаторами достижения поставленных задач могут стать следующие показатели:

1. Доля образовательных программ, согласованных с ключевыми партнерами университета и работодателей региона и Российской Федерации, осуществляющих деятельность в соответствии с задачами цифровой экономики, в общем количестве образовательных программ, в том числе (%):

- основных образовательных программ;

- дополнительных образовательных программ.

2. Доля собственных средств в бюджете образовательной организации, направляемых на развитие информационной инфраструктуры университета, в том числе (тыс. руб.):

- на закупку материально-технического обеспечения и поддержания гарантийного обслуживания;
- на закупку лицензионного программного обеспечения и поддержание лицензионных соглашений;
- на фонд заработной платы разработчиков информационных систем и сервисов информационной инфраструктуры университета.

3. Доля слушателей, прошедших повышение квалификации и (или) профессиональную подготовку для решения задач цифровой экономики в текущем году, в общем количестве слушателей дополнительных профессиональных образовательных программ (%).

4. Доля образовательных программ, в реализации которых используются электронное обучение и дистанционные технологии, в том числе онлайн-курсы, в объеме не менее 10 % от общей трудоемкости образовательной программы, в общем количестве реализуемых образовательных программ, в том числе (%):

- основных образовательных программ;
- дополнительных образовательных программ.

5. Доля онлайн-курсов, разработанных организациями, в общем числе онлайн-курсов, использующихся в образовательном процессе и принимаемых к перезачету в общем числе используемых организацией онлайн-курсов (%).

6. Количество электронных учебников, учебных пособий, зарегистрированных в текущем году в Информрегистре (шт.).

7. Доля обучающихся университета, прошедших внутриуниверситетский контроль остаточных знаний студентов с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, в общем количестве участников процедуры контроля остаточных знаний (%).

8. Количество наименований электронных изданий фонда библиотеки университета (шт.).

9. Объем денежных средств внутренних грантов университета, распределяемых на развитие новых направлений научных школ, проведение научных мероприятий и междисциплинарных исследований и разработок, связанных с развитием и применением сквозных цифровых технологий (тыс. руб.).

10. Доля охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в сфере информационных и коммуникационных технологий в общем объеме результатов интеллектуальной деятельности (%).

11. Количество ежегодных образовательных и просветительских мероприятий, направленных на формирование у обучающихся университета информационной культуры и безопасного поведения в цифровом мире.

12. Доля обучающихся университета, прошедших внутриуниверситетские и внешние тестирования воспитательной и профилактической направленности с использованием дистанционных технологий, в общем количестве участников тестирований (%).

13. Количество скачиваний наборов открытых данных за определенный период.

14. Средняя оценка наборов открытых данных пользователями открытых данных.

Разработанная ИТ-политика взаимосвязана с другими функциональными программами университета, является частью стратегической программы развития вуза, в том числе стратегии цифровой трансформации и позволит, по нашему мнению, эффективно решать национальную задачу подготовки и развития кадров для цифровой экономики региона и страны в целом.

Обсуждение и заключение. Анализ ключевых барьеров при цифровой трансформации свидетельствует, что большую долю среди них занимают сложности в подготовке компетентных кадров в сфере цифровой экономики. Сегодня на рынке труда повышаются требования к гибкости и адаптивности персонала, к soft skills, наблюдается рост спроса на специалистов, обладающих «цифровой ловкостью».

С учетом кризиса на рынке труда и новых вызовов системе образования России мы рассматриваем стратегию цифровой трансформации университета как систему целей, задач, мероприятий, направленных на преобразование бизнес-модели, каналов коммуникаций с заинтересованными сторонами, результатов всех видов деятельности и корпоративной культуры университета на основе принципиально новых подходов к управлению данными с использованием цифровых технологий. Именно от последовательной ИТ-политики зависит достижение заданного уровня «цифровой зрелости» отдельно взятого университета как субъекта рынка образовательных услуг. Нами разработана политика университета в области ИТ, которая учитывает региональный запрос на подготовку кадров для цифровой экономики и призвана повысить эффективности всех видов деятельности вуза за счет информатизации и автоматизации бизнес-процессов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе разработки и реализации вузами собственной ИТ-политики как идеологической основы цифровой трансформации вуза, определяющей направления и конкретные задачи в области преодоления барьеров на пути развития человеческих ресурсов в период цифровой трансформации экономики регионов и страны в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поверинов И. Е., Ковалев В. Г., Щипцова А. В. Организация подготовки инженерных кадров для перспективных направлений развития экономики Чувашской Республики // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 106–112. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1124> (дата обращения: 30.10.2021).

2. Митяева Н. В., Заводилов О. В. Барьеры цифровой трансформации и пути их преодоления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3 (77). С. 20–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39247548> (дата обращения: 14.04.2021).
3. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
4. Козлов А. В., Аль-Хаир Л. Роль цифровых компетенций персонала в формировании человеческого капитала промышленного предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 129–140. doi: <https://doi.org/10.18721/JE.13310>
5. Ефремова С. М., Скоблякова И. В. Специфика формирования человеческого капитала в условиях перехода рынка труда на цифровую модель развития // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2020. № 4 (52). С. 117–125. doi: <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2020.4.117-125>
6. Человеческий капитал для цифровой модернизации экономики / В. Я. Афанасьев [и др.] // Управление. 2019. Т. 7, № 2. С. 104–115. doi: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-104-115>
7. Грибанов Ю. И., Аленина К. А. Концепция научно-образовательного дивизиона в составе корпоративной структуры в целях формирования исследовательских компетенций и технических заделов для поддержания системного развития, развития цифровой инфраструктуры и внедрения цифровых технологий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2 (43). С. 113–120. doi: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.43.213>
8. Digital Transformation Challenges: Strategies Emerging from a Multi-Stakeholder Approach / F. Brunetti [et al.] // The TQM Journal. 2020. Vol. 32, № 4. Pp. 697–724. doi: <https://doi.org/10.1108/TQM-12-2019-0309>
9. Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158. Pp. 662–671. doi: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.09.101>
10. Morze N. V., Strutynska O. V. Digital Transformation in Society: Key Aspects for Model Development // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1946. doi: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1946/1/012021>
11. Teixeira A. F., Gonçalves M. J. A., Taylor M. d. L. M. How Higher Education Institutions Are Driving to Digital Transformation: A Case Study // Education Sciences. 2021. Vol. 11, issue 10. doi: <https://doi.org/10.3390/educsci11100636>
12. Конкин А. А. Цифровизация образования: преодоление барьеров и рисков на пути к цифровому университету будущего // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 136–140. doi: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-136-140>
13. Вертакова Ю. В. Роль университетов в процессах цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 7 (153). С. 54–64. URL: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/436> (дата обращения: 30.10.2021).
14. Неделкин А. А. Российские университеты в условиях цифровой трансформации // Наука и практика. 2018. Т. 10, № 1. С. 73–77. URL: <https://www.rea.ru/ru/org/managements/izdcentr/Documents/Наука и практика Т.10 №29 2018.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

15. Павлов П. В., Защитина Е. К. Университет мирового уровня в эпоху цифровизации // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2020. Т. 28, № 4. С. 681–699. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699>

16. Türkeli S., Schopphuizen M. Decomposing the Complexity of Value: Integration of Digital Transformation of Education with Circular Economy Transition // Social Sciences. 2019. Vol. 8, issue 8. doi: <https://doi.org/10.3390/socsci8080243>

17. Dr. Nguyen Thi Hang. Digital Education to improve the Quality of Human Resources Implementing Digital Transformation in the Context of Industrial Revolution 4.0 // Revista Gestão Inovação e Tecnologias. 2021. Vol. 11, no. 3. Pp. 311–323. doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i3.1940>

18. Doering C., Reiche F., Timinger H. Digital Transformation of Transfer in Universities // Proceedings of the 18th International Conference on e-Business (ICE-B 2021). 2021. Pp. 109–115. doi: <https://doi.org/10.5220/0010571801090115>

19. Digital Transformation in Higher Education Institutions: A Systematic Literature Review / L. M. Castro Benavides [et al.] // Sensors. 2020; Vol. 20, no 11. doi: <https://doi.org/10.3390/s20113291>

20. Mohamed Hashim M. A., Tlemsani I., Matthews R. Higher Education Strategy in Digital Transformation // Education and Information Technologies. 2021. Vol. 27. Pp. 3171–3195. doi: <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10739-1>

21. Климова Ю. О., Усков В. С. К вопросу подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2020. № 2 (16). С. 222–231. doi: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231>

22. Канарейко Д. А. Vg-обучение в цифровой экономике // Общество, экономика, управление. 2020. Т. 5, № 1. С. 56–60. doi: <https://doi.org/10.24411/2618-9852-2020-15109>

23. Гончарук Н. П., Хромова Е. И. Интеллектуализация профессионально-педагогической деятельности на основе интеграции педагогических и цифровых технологий // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 83–92. doi: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-2-83-92>

Поступила 19.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

Об авторах:

Щипцова Анна Владимировна, декан факультета информатики и вычислительной техники Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (428015, Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 15), кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3449-7276>, Scopus ID: 57217882105, Researcher ID: ABE-3417-2021, avs_ivt@list.ru

Поверинов Игорь Егорович, проректор по учебной работе Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (428015, Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 15), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9077-0046>, igor.poverinov@mail.ru

Ильина Екатерина Анатольевна, декан факультета истории, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева

(428000, Российская Федерация, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-0500>, Scopus ID: 57192578239, Researcher ID: AAG-3066-2019, fiuip@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. В. Щипцова – постановка проблемы исследования; научное руководство; формулирование основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов; критический анализ и доработка текста.

И. Е. Поверинов – подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Е. А. Ильина – подготовка текста статьи, литературного обзора по исследуемой проблеме, графических результатов исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Poverinov I.E., Kovalev V.G., Shchiptsova A.V. Organization of Training Engineering Experts for Perspective Directions of the Chuvash Republic Economy Development. *Higher Education in Russia*. 2017;(7):106–112. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1124> (accessed 30.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Mityaeva N.V., Zavodilo O.V. Barriers to Digital Transformation and Ways to Break Them. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2019;(3):20–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39247548> (accessed 30.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspectives of the Russian Information Society: Digital Divide Levels. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(1):108–120. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
4. Kozlov A.V., Al-Khair L. The Role of Digital Competencies of Personnel in the Formation of Human Capital of an Industrial Enterprise. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal*. 2020;13(3):129–140. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18721/JE.13310>
5. Efremova S.M., Skoblyakova I.V. Specific Formation of Human Capital Under the Conditions of the Labor Market Transition to a Digital Model of Development. *Bulletin Tver State University. Series: Economics and Management*. 2020;(4):117–125. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2020.4.117-125>
6. Afanasyev V.Y., Grabchak E.P., Korytny M.A., Mishcheryakov S.V., Cherezov A.V. Human Capital for Digital Economy Modernization. *Upravlenie*. 2019;7(2):104–115. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-104-115>
7. Gribanov Yu.I., Alenina K.A. The Concept of the Scientific and Educational Division as a Part of the Corporate Structure for the Purpose of Research Competences and Technical Skills Development for System Development Support, Digital Infrastructure Development and Digital Technologies Implementation. *Business. Education. Law. Bulletin of*

Volgograd Business Institute. 2018;(2):113–120. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.43.213>

8. Brunetti F., Matt D.T., Bonfanti A., De Longhi A., Pedrini G., Orzes G. Digital Transformation Challenges: Strategies Emerging from a Multi-Stakeholder Approach. *The TQM Journal*. 2020;32(4):697–724. doi: <https://doi.org/10.1108/TQM-12-2019-0309>

9. Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs. *Procedia Computer Science*. 2019;158:662–671. doi: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.09.101>

10. Morze N.V., Strutynska O.V. Digital Transformation in Society: Key Aspects for Model Development. *Journal of Physics: Conference Series*. 2021;1946. doi: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1946/1/012021>

11. Teixeira A.F., Gonçalves M.J.A., Taylor M.d.L.M. How Higher Education Institutions Are Driving to Digital Transformation: A Case Study. *Education Sciences*. 2021;11(10). doi: <https://doi.org/10.3390/educsci11100636>

12. Konkin A.A. Digitalization of Education: Overcoming Barriers and Risks on the Way to the Digital University of the Future. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2020;(2):136–140. (In Russ., abstract in Eng.). doi: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-136-140>

13. Vertakova Yu.V. The Role of Universities in the Digital Transformation of the Economy. *Economics and Management*. 2018;(7):54–64. Available at: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/436> (accessed 30.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Nedelkin A.A. Russian Universities under the Conditions of Digital Transformation. *Science and Practice*. 2018;10(1):73–77. Available at: https://www.rea.ru/ru/org/managements/izdcentr/Documents/Hayka_i_praktika_T.10_No29_2018.pdf (accessed 30.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Pavlov P.V., Zashchitina E.K. A World-Class University in the Era of Digitalization. *RUDN Journal of Economics*. 2020;28(4):681–699. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699>

16. Türkeli S., Schophuizen M. Decomposing the Complexity of Value: Integration of Digital Transformation of Education with Circular Economy Transition. *Social Sciences*. 2019;8(8). doi: <https://doi.org/10.3390/socsci8080243>

17. Dr. Nguyen Thi Hang. Digital Education to improve the Quality of Human Resources Implementing Digital Transformation in the Context of Industrial Revolution 4.0. *Revista Gestão Inovação e Tecnologias*. 2021;11(3):311–323. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.47059/revistageintec.v11i3.1940>

18. Doering C., Reiche F., Timinger H. Digital Transformation of Transfer in Universities. In: Proceedings of the 18th International Conference on e-Business (ICE-B 2021). 2021. p. 109–115. doi: <https://doi.org/10.5220/0010571801090115>

19. Castro Benavides L.M., Tamayo Arias J.A., Arango Serna M.D., Branch Bedoya J.W., Burgos D. Digital Transformation in Higher Education Institutions: A Systematic Literature Review. *Sensors*. 2020;20(11). doi: <https://doi.org/10.3390/s20113291>

20. Mohamed Hashim M.A., Tlemsani I., Matthews R. Higher Education Strategy in Digital Transformation. *Education and Information Technologies*. 2021;27:3171–3195. doi: <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10739-1>

21. Klimova Yu.O., Uskov V.S. Training for the IT Industry in the Context of Digitalization. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic*

Sciences. 2020;(2):222–231. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231>

22. Kanareiko D.A. VR-Training in Digital Economy. *Society, Economy, Management*. 2020;5(1):56–60. (In Russ., abstract in Eng.). doi: <https://doi.org/10.24411/2618-9852-2020-15109>

23. Goncharuk N.P., Khromova E.I. Intellectualization of Professional and Pedagogical Activity Based on the Integration of Pedagogical and Digital Technologies. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2020;(2):83–92. (In Russ., abstract in Eng.). doi: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-2-83-92>

Submitted 19.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

About the authors:

Anna V. Shchiptsova, Dean of the Faculty of Informatics and Computer Engineering, I. N. Ulianov Chuvash State University (15 Moskovsky ave., Cheboksary 428015, Russian Federation), Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3449-7276>, Scopus ID: 57217882105, Researcher ID: ABE-3417-2021, avs_ivt@list.ru

Igor E. Poverinov, Vice-rector for Science and Research, I. N. Ulianov Chuvash State University (15 Moskovsky ave., Cheboksary 428015, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9077-0046>, igor.poverinov@mail.ru

Ekaterina A. Ilyina, Dean of the Faculty of History, Management and Law, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (38 K. Marx St., Cheboksary 428000, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-0500>, Scopus ID: 57192578239, Researcher ID: AAG-3066-2019, fiuip@mail.ru

Contribution of the authors:

A. V. Shchiptsova – statement of the research problem; academic supervision; formulation of the basic concept of the study; evaluation of the results and conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

I. E. Poverinov – preparation of the text of the article; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

E. A. Ilyina – preparation of the text of the article, literature review on the issue under study, graphical representation of the research results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Региональная специфика развития туристского потенциала: социологический анализ

О. В. Рогач

Е. В. Фролова ✉

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ efrolova06@mail.ru*

Аннотация

Введение. Развитие туристского потенциала российских территорий относится к числу приоритетных государственных задач в современных условиях. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать региональную специфику развития туристского потенциала в Российской Федерации, его ключевые элементы в оценках руководителей муниципалитетов.

Материалы и методы. Ключевым методом исследования выступил анкетный опрос руководителей органов местного самоуправления Российской Федерации (n = 306). На первом этапе осуществлена рассылка анкет по электронной почте с обеспечением представительства всех федеральных округов Российской Федерации. На втором этапе проведен анализ линейных распределений, корреляционный анализ эмпирически значимых переменных с использованием программного обеспечения SPSS (группировка ответов по регионам и федеральным округам). Применение комплекса аналитических процедур позволило выделить региональную специфику развития туристского потенциала территорий.

Результаты исследования. С помощью полученных данных определены проблемы в развитии туристского потенциала российских территорий как по базовым, так и по дополнительным ресурсам. Подтвердилась гипотеза о преобладании туристских ресурсов, направленных на удовлетворение «усредненных» потребительских запросов туриста. Результаты исследования показали снижение оценок по объектам общественного питания эконом класса (средняя оценка 3,02 из 5), наличию хостелов (1,87 из 5), а также отсутствие условий для удовлетворения интересов высокодоходных туристов (по показателю «рестораны класса люкс» средняя оценка составляет 2,21 из 5). В ходе

© Рогач О. В., Фролова Е. В., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

исследования выявлен недостаточный уровень развития дополнительных туристских ресурсов, обеспечивающих реализацию дифференцированных потребностей различных социальных групп.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод о целесообразности поддержки предпринимательских инициатив, направленных на создание туристских продуктов и услуг как в эконом-, так и в люкс сегментах, формирование узнаваемого имиджа территорий в рамках популяризации их социальных ресурсов. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности органов власти при разработке стратегий развития регионального туризма.

Ключевые слова: туристский потенциал, туристские ресурсы, туристическая привлекательность территории, региональное развитие, органы власти

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чьи комментарии и пожелания позволили улучшить качество текста.

Для цитирования: Рогач О. В., Фролова Е. В. Региональная специфика развития туристского потенциала: социологический анализ // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 383–404. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.383-404>

Original article

Regional Specificity of Tourism Potential Development: Sociological Analysis

O. V. Rogach, E. V. Frolova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)*

efrolova06@mail.ru

Abstract

Introduction. The development of the tourist potential of Russian territories is one of the priority state tasks in modern conditions. The purpose of the article is to study the regional specifics of the development of tourism potential in the Russian Federation, a sociological analysis of its key elements in the assessments of municipal leaders.

Materials and Methods. The key research method was a questionnaire survey of heads of local self-government bodies of the Russian Federation ($n = 306$). At the first stage, questionnaires were sent out by e-mail with representation from all federal districts of the Russian Federation. At the second stage, the analysis of linear distributions and correlation analysis of empirically significant variables (grouping of answers by regions and federal districts of the Russian Federation) were carried out. The use of a set of analytical procedures has made it possible to identify the regional specifics of the development of the tourism potential of the territories. The results were processed using SPSS.

Results. The results of the study have made it possible to identify problems in the development of the tourist potential of Russian territories, both in terms of basic and additional resources. The hypothesis about the predominance of tourist resources aimed at satisfying the “average” consumer demands of the tourist is confirmed. The results of the study have shown a decrease in ratings for economy class catering facilities (average rating 3.02 out of 5), the presence of hostels (1.87 out of 5), as well as the lack of conditions to meet

the interests of high-income tourists (in terms of “luxury class restaurants” the average score is 2.21 out of 5). The study revealed an insufficient level of development of additional tourist resources that ensure the realization of the differentiated needs of various social groups.

Discussion and Conclusion. It is concluded that it is expedient to support entrepreneurial initiatives aimed at creating tourism products and services, both in the “economy” and “luxury” segments, the formation of a recognizable image of the territories as part of the promotion of their social resources. The results obtained can be used in the activities of the authorities in the development of strategies for the development of regional tourism.

Keywords: tourist potential, tourist resources, tourist attractiveness of the territory, regional development, authorities

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewers, whose comments and suggestions have made it possible to improve the quality of the paper.

For citation: Rogach O.V., Frolova E.V. Regional Specificity of Tourism Potential Development: Sociological Analysis. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):383–404. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.383-404>

Введение. В современном российском обществе вопросы развития туристского потенциала регионов находятся в фокусе внимания как органов власти, так и ученых, осуществляющих научный поиск векторов и механизмов формирования туристической привлекательности территорий Российской Федерации. Развитие туризма имеет мультипликативный эффект, который способствует социальному и экономическому развитию территорий, что подтверждается не только российскими, но и зарубежными исследованиями [1; 2].

Несмотря на внимание органов власти к туристской сфере, реализацию региональных и федеральных программ по развитию внутреннего туризма, проблемы формирования туристского потенциала в условиях региональной дифференциации стоят как никогда остро.

По данным Ростуризма, объем платных туристских услуг, оказанных населению в 2020 г., составил 91,9 млрд руб., что ниже показателей 2019 г. почти в 2 раза (179,8 млрд руб. в 2019 г.). На 65,7 млрд руб. в 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократился объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения. Если до 2019 г. в Российской Федерации наблюдался устойчивый рост числа гостиниц и подобных средств размещения, то в 2020 г. впервые зафиксирована отрицательная динамика (сокращение на 902 единицы). Аналогично отмечается снижение количества туроператоров, зарегистрированных в Едином федеральном реестре, на 315 ед.¹

¹ Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики (декабрь 2020): Динамика спроса на туристические услуги в России на фоне пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/BRE_68.pdf (дата обращения: 30.12.2021).

Несмотря на достаточно большое количество материалов по вопросам формирования туристского потенциал регионов, основной вектор исследования направлен на идентификацию туристских ресурсов, механизмов повышения конкурентоспособности туристских направлений и продуктов. Вместе с тем региональная специфика развития туристского потенциала с позиции социологического подхода недостаточно раскрыта. В том числе мало представлены эмпирические данные, полученные в ходе анализа региональных/муниципальных практик управления процессами формирования и развития туристского потенциала территорий. Также в современной научной литературе чувствуется недостаток материалов компаративного анализа детализированных показателей туристского потенциала в региональном разрезе, их оценки с позиции властных структур.

Цель статьи – по материалам проведенного социологического исследования проанализировать региональную специфику развития туристского потенциала. Использование социологического инструментария позволит выявить приоритетные проблемы формирования туристского потенциала с позиции органов власти как ключевых субъектов управления территориального развития. Задачами исследования выступили: оценка ресурсов развития туристической привлекательности российских регионов, оценка уровня развития туристского потенциала, сравнительный анализ оценок в региональном разрезе.

Обзор литературы. Современные руководители территорий высказывают высокий уровень заинтересованности в развитии туризма, который становится дополнительным источником налоговых поступлений, что особенно важно в условиях дефицита региональных бюджетов [3; 4]. Эпидемиологический кризис и связанные с ним ограничения поставили перед регионами задачи реанимации туристской отрасли и поиска новых стратегических ориентиров [5]. Принимая во внимание сложное для туристской отрасли время, все же можно констатировать пути роста потока туристов в российские регионы [6]. В частности, исследователями отмечается возможность активизации туристского потенциала регионов [7; 8].

Туристский потенциал представляет собой совокупность расположенных на конкретной территории природных и рукотворных объектов, а также условий и средств, пригодных для формирования туристского продукта. В современной литературе, посвященной вопросам туризма, принято разграничивать понятия потенциала и туристских ресурсов. Под туристскими ресурсами принято понимать измеряемые источники удовлетворения потребностей туристов (например, объекты размещения). Туристский потенциал как более широкое понятие включает в себя совокупность всех возможностей для привлечения туристов.

В современных научных исследованиях в качестве ядра формирования туристского потенциала рассматриваются такие преимущества территории, как климатические особенности, транспортная доступность и развитая

инфраструктура [9; 10], природный ландшафт [11], благоприятная экологическая ситуация [12] или религиозный фактор [13]. Туристский потенциал региона может включать в себя культурно-историческое наследие, национальные традиции и аутентичный колорит [14; 15].

Для нашего исследования интерес представляют выводы, сделанные М. А. Морозовым и Н. С. Морозовой, которые выделяют проблему региональной неравномерности в развитии туристской инфраструктуры. По мнению авторов, снижение негативных последствий региональной дифференциации возможно за счет реализации стратегии продвижения территориальных туристских ресурсов с опорой на потребности нового поколения туристов, ориентированных на современные цифровые технологии и каналы информации [16]. Данный вывод коррелирует с зарубежными исследованиями, где фактор цифровизации становится одним из ключевых драйверов развития и продвижения туристских услуг [17; 18].

Дж.-А. Весселс и А. Дуглас считают, что развитие креативных, творческих пространств индустрии туризма, актуализация культурно-исторического наследия территории играют наиболее значимую роль в практике формирования уникального туристского предложения, способного вызвать эмоциональный отклик туриста [19]. Кроме того, в современных условиях ключевыми факторами привлечения туриста могут стать такие элементы «мягкой инфраструктуры туризма», как искренность, зрелищность, погружение и участие, подлинность, аутентичность, контакты [20], а также развитие событийного туризма [21].

Дополняет данную идею исследование Э. Х. Хайбенс и Г. Т. Йоханнесон, которые обосновывают принципы этики безопасного туризма с точки зрения местных жителей, их обязательств и интересов, а также окружающей среды. Ученые утверждают, что анализ факторов развития туристского потенциала в «парадигме экономического роста» формирует взгляд на культурное наследие и природный потенциал как на товары, которые должны принести туристскую выгоду. Такой подход ограничивает возможности развития туристских дестинаций, в то время как обращение к внутренним ресурсам, социальному капиталу, творческому потенциалу местных сообществ создает новые перспективные концепции модернизации туристской индустрии [22]. Дополняя данную точку зрения, П. Киим подчеркивает значимость вовлечения местных общин в процессы формирования территориального туристского продукта, их активного участия в вопросах контроля и оценки перспектив развития сферы туристских услуг [23].

Сделанные выводы фокусируют внимание на внутренних территориальных источниках развития туристского потенциала регионов, необходимость интеграции усилий органов власти, бизнес-структур, творческих инициативных сообществ [24; 25]. В русле данной парадигмы интеграционный механизм может быть рассмотрен как инструмент развития туристского потенциала

региона. Вместе с тем сущность и сопутствующие механизмы развития туристского потенциал требуют более углубленного изучения в рамках иных исследований.

В данной статье нами также рассмотрена проблематика развития туристского потенциала регионов в контексте возможностей и ограничений российских территорий. Отличительной особенностью представленных материалов является выбор методологического подхода к исследованию: во-первых, используются детализированные показатели туристского потенциала как комплекса социальных и экономических параметров оценки (гостеприимство, дружелюбие, безопасность, состояние дорог и пр.); во-вторых, выбор информантов продиктован потребностью в получении оценок не столько от потребителей туристского продукта, сколько от субъектов, оказывающих влияние на формирование и развитие туристского потенциала российских территорий.

Материалы и методы. В исследовании нами выдвигается гипотеза: несмотря на наличие региональной дифференциации в развитии туристского потенциала, российским территориям свойственны общие закономерности данного процесса. Ограничением развития внутреннего туризма выступает фокусировка на усредненное туристское предложение, при этом потребности высоко- и низкодходных социальных групп практически не обеспечены туристским рынком. Проявлением усредненного туристического предложения является не только ориентация на среднюю цену продукта, но и отсутствие дифференцированного подхода к развитию туристского потенциала территорий.

В ходе исследования авторами использовались общенаучные методы исследования и комплекс аналитических процедур, в том числе сравнительный анализ, статистический и корреляционный анализ данных. Одним из ключевых методов исследования выступил анкетный опрос руководителей муниципальных образований ($n = 306$), который был проведен в 2019 г. На первоначальном этапе была осуществлена рассылка анкет по электронной почте. Для повышения возврата заполненных анкет респондентам были направлены два напоминания с интервалом в одну неделю. К сожалению, часть анкет не была заполнена и возвращена, однако итоговая выборка муниципальных образований обеспечивает представительство всех федеральных округов Российской Федерации. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Вторым этапом исследования стала обработка его материалов, что включало в себя несколько шагов: анализ линейных распределений по всем вопросам анкеты, корреляционный анализ эмпирически значимых переменных. В ходе корреляционного анализа была проведена группировка ответов респондентов по регионам и федеральным округам Российской Федерации. Такой подход к обработке эмпирических данных обеспечил возможность анализа региональной специфики развития туристского потенциала территорий.

Стоит отметить, что в нескольких регионах России охват респондентов был представлен рамками одного муниципального образования, поэтому авторы приняли решение исключить часть регионов из исследования, что позволило соблюсти репрезентативность данных в региональном разрезе. Итоговые эмпирические данные представлены результатами опроса по следующим регионам: Архангельская (n = 12), Белгородская (n = 25) и Брянская области (n = 10), Кабардино-Балкарская Республика (n = 14), Кировская область (n = 67), Краснодарский край (n = 53), Курганская (n = 31), Московская (n = 12) и Псковская области (n = 44), Ставропольский край (n = 6), Томская область (n = 8), Ханты-Мансийский автономный округ (n = 7). Неравномерность охвата респондентов может быть рассмотрена как некоторое ограничение данного исследования, что в целом не снижает эмпирическую значимость представленных выводов.

Обработка результатов исследования проведена с использованием программного обеспечения SPSS. В ходе подготовки рукописи также применялся сравнительный анализ по федеральным округам Российской Федерации.

Результаты исследования. Первый блок вопросов был посвящен общей оценке туристского потенциала российских территорий. Так, респондентам было предложено ответить на вопрос о наличии в их муниципальных образованиях необходимых ресурсов для развития туристической привлекательности. В региональном разрезе полученные оценки отражены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос о наличии необходимых ресурсов для развития туристической привлекательности территории (доля выбравших вариант ответа «обладает»), %²

Table 1. Distribution of answers to the question about the availability of the necessary resources for the development of the tourist attractiveness of the territory (the share of those who chose the answer option "has"), %

Регион / Region	Процент от суммарного количества ответов / Percent of the total number of answers
1	2
Ставропольский край / Stavropol Territory	100,0
Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mansi Autonomous Area	100,0
Брянская область / Bryansk Region	90,0
Краснодарский край / Krasnoyarsk Territory	84,6
Архангельская область / Arkhangelsk Region	83,3
Московская область / Moscow Region	83,3
Белгородская область / Belgorod Region	80,0

² Здесь и далее в статье все таблицы и рисунки составлены авторами по данным исследования.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2
Томская область / Tomsk Region	75,0
Псковская область / Pskov Region	61,4
Кировская область / Kirov Region	49,3
Курганская область / Kurgan Region	45,2
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	42,9

Сравнение полученных результатов с рейтингом регионов – субъектов Российской Федерации по развитию туризма³ показывает частичное совпадение. Например, Курганская область обладает «начальным уровнем» развития туристского потенциала, что ставит ее на нижние строчки рейтинга (73-е место из 85). Невысокий уровень развития туризма характерен для Кировской области и Кабардино-Балкарской Республики. В рамках авторского исследования неожиданно тройку лидеров возглавили Ставропольский край, Ханты-Мансийский автономный округ и Ярославская область. Учитывая расхождение с официальным рейтингом, интерес представляет оценка детализированных показателей туристского потенциала регионов (табл. 2).

Как показало исследование, необходимость оценки детализированных показателей туристского потенциала заставила респондентов более осознанно подойти к анализу внутренних ресурсов территории. В частности, весьма пессимистично оценены такие показатели, как «санаторно-курортные услуги», «содержание турпакета экскурсионно-познавательных программ», «наличие хостелов», «частные музеи», «рестораны класса люкс». Вызывает тревогу тот факт, что каждый третий опрошенный руководитель муниципалитета (35,9 %), оценивая наличие гостиничных комплексов, выбрал варианты ответов «плохо» или «данная позиция отсутствует». При этом в Курганской области (67,7 %) и Кабардино-Балкарской Республике (64,3 %) данный показатель превышает средние значения более чем в 1,5 раза.

Интересно, что в Ханты-Мансийском автономном округе отмечается существенная нехватка средств размещения (42,9 % респондентов обращают внимание на недостаток гостиничных комплексов, 71,4 % – на нехватку хостелов) при высоких оценках ресурсов формирования туристической привлекательности территории.

Краснодарский край, являясь признанной туристской дестинацией, тем не менее, по мнению экспертов, характеризуется рядом проблем в туристской сфере. Возможно, это связано с нехваткой ряда ресурсов. Например, низкие оценки муниципальных образований Краснодарского края отмечены по таким показателям туристского потенциала, как «разнообразие анимационных

³ Национальный туристический рейтинг – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-rating.ru/info/18797.html> (дата обращения: 30.12.2021).

Т а б л и ц а 2. Региональное распределение низких оценок туристского потенциала территорий (доля респондентов, выбравших оценки 2 – «плохо», 1 – «данная позиция отсутствует»), % от общего числа опрошенных

T a b l e 2. Regional distribution of low assessments of the tourist potential of territories (the share of respondents who chose ratings 2 – “bad”, 1 – “this position is absent”), of the total number of respondents, %

Показатель / Indicator	Всего / Total	Краснодарский край / Krasnodar Territory	Архангельская область / Arkhangelsk Region	Псковская область / Pskov Region	Томская область / Tomsk Region	Кабардино-Балкария / Kabardino-Balkarian	Ставропольский край / Stavropol Territory	Курганская область / Kurganskaya oblast	Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mansi Autonomous Area	Белгородская область / Belgorod Region	Брянская область / Bryansk Region	Московская область / Moscow Region	Кировская область / Kirov Region
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Гостеприимство/дружелюбие / Hospitality/friendliness	4,3	0	8,3	6,8	12,5	0	0	9,7	0	0	0	0	7,5
Шоппинг / Shopping	31,7	23,1	58,3	40,9	50,0	42,9	16,7	41,9	42,9	20,0	0	16,7	35,8
Безопасность / Safety	7,2	3,8	16,7	6,8	12,5	7,1	0	12,9	0	0	0	0	13,4
Состояние объектов культурно-исторического наследия / Condition of objects of cultural and historical heritage	18,3	3,8	16,7	20,5	12,5	28,6	0	32,3	14,3	4,0	0	25,0	31,3
Музейные экспозиции / Museum expositions	21,6	21,2	16,7	20,5	25,0	35,7	0	48,4	14,3	4,0	10,0	8,3	25,4
Частные музеи / Private museums	59,2	51,9	33,3	75,0	37,5	64,3	66,7	74,2	28,6	56,0	50,0	50,0	70,1
Транспортная доступность / Transport accessibility	16,0	3,8	25,0	11,4	0	21,4	0	25,8	0	0	0	8,3	40,3

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Состояние дорог / Road conditions	23,2	0	41,7	38,6	25,0	21,4	0	22,6	0	4,0	10,0	0	49,3
Наличие гостиничных комплексов / Availability of hotel complexes	35,9	21,2	33,3	36,4	0	64,3	16,7	67,7	42,9	12,0	10,0	25,0	50,7
Наличие хостелов / Availability of hostels	63,4	53,8	50,0	72,7	25,0	64,3	50,0	74,2	71,4	56,0	60,0	33,3	82,1
Качество номерного фонда / The quality of the rooms	30,4	26,9	8,3	34,1	0	50,0	16,7	48,4	14,3	12,0	0	16,7	47,8
Разнообразие анимационных программ в местах отдыха / Variety of animation programs in recreation areas	41,5	46,2	50,0	38,6	12,5	57,1	16,7	64,5	28,6	20,0	20,0	33,3	53,7
Проведение конференций, научных выставок / Organization of conferences, scientific exhibitions	32,4	34,6	58,3	27,3	25,0	35,7	16,7	41,9	0	12,0	10,0	16,7	47,8
Проведение массовых праздников, народных гуляний и массово-зрелищных мероприятий / Organization of public holidays, people's festivals and public entertainment events	13,7	11,5	16,7	9,1	0	21,4	0	29,0	0	0	20,0	0	22,4
Наличие ресторанов класса люкс / Availability of luxury restaurants	51,9	44,2	50,0	9,1	25,0	50,0	16,7	67,7	71,4	32,0	20,0	41,7	64,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Наличие кафе, баров, закусочных средней ценовой категории / Availability of cafes, bars, snack bars of the middle price category	26,5	17,3	41,7	22,7	0	50,0	0	54,8	14,3	0	20,0	0	43,3
Наличие столовых, точек питания эконом класса / Availability of canteens, economy class food outlets	31,1	23,1	58,3	38,6	0	42,9	0	51,6	0	12,0	10,0	16,7	40,3
Санаторно-курортные услуги / Sanatorium and resort services	59,8	48,1	58,3	79,5	37,5	42,9	33,3	61,3	57,1	40,0	20,0	33,3	79,1
Медицинские услуги / Medical services	28,1	13,5	50,0	47,7	0	28,6	0	29,0	42,9	20,0	0	16,7	34,3

программ» (46,2 % суммарно выбрали варианты ответов «плохо» или «данная позиция отсутствует»), «содержание турпакета экскурсионно-познавательных программ» (48,1 %, что выше средних значений на 5,6 п. п.). Развитие указанных ресурсов может стать основой для диверсификации региональной экономики, роста предпринимательской активности местного населения.

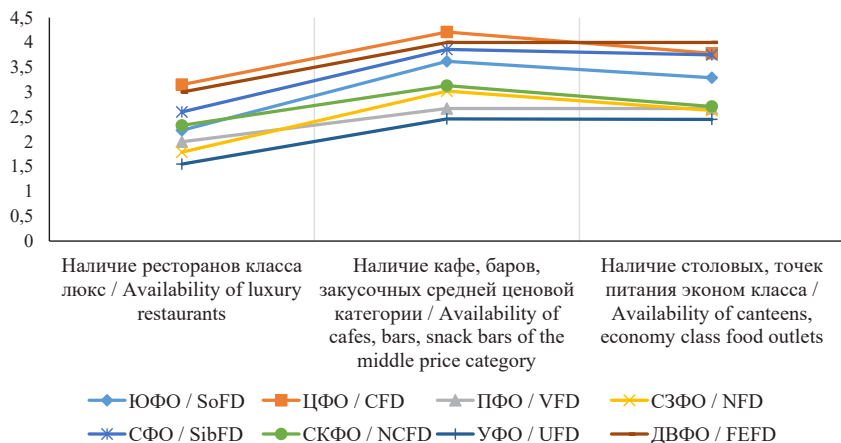
Зарубежные эксперты подчеркивают, что емкость туристского рынка в условиях кризиса будет поддерживаться туристами с высоким и низким уровнем дохода, тогда как представители среднего класса будут воздерживаться от совершения туристических поездок в условиях неопределенности и падения уровня дохода [26]. Поэтому развитие туристского потенциала территории требует создания не усредненных туристских продуктов, а чуткого реагирования на специфику спроса, диктуемого уровнем и качеством жизни населения. Соотношение цены и качества выходит сегодня на первый план ввиду ограниченного платежеспособного спроса на ряд турпродуктов и услуг. Ориентируясь на данный подход, авторы в своем исследовании дифференцировали параметры туристского потенциала, выделяя, например, такие диаметрально противоположные позиции, как «рестораны класса люкс» и «точки питания эконом класса», «гостиничные комплексы» и «хостелы».

Яркой иллюстрацией проблемы «усредненных» туристских услуг является оценка руководителей муниципалитетов уровня развития объектов общественного питания, где в наилучшей ситуации оказались сегмент средней ценовой категории (рис. 1). В дополнение к результатам данного исследования отметим, что массовые опросы показывают низкий уровень удовлетворенности туристов объектами общественного питания в местах отдыха; несмотря на высокие цены, качество и сервис не соответствуют запросам высокодоходных туристов [27].

Материалы исследования показали, что такой показатель туристского потенциала, как «наличие ресторанов класса люкс», демонстрирует существенный провал в большинстве федеральных округов Российской Федерации – средняя оценка составляет 2,21 из 5 возможных (табл. 3). Более благоприятно ситуация обстоит в Центральном федеральном округе (3,15 балла), на другом полюсе – Уральский (1,55) и Северо-Западный федеральные округа (1,79).

Аналогичные диспропорции видны в оценках наличия средств размещения для низкодоходных туристов. Средний балл по параметру «наличие хостелов» составляет 1,87 из 5 возможных.

Самые высокие оценки свойственны параметру «гостеприимство/дружелюбие» (4,53 из 5 возможных). Лидирующие позиции занимает Северо-Кавказский федеральный округ, в частности Ставропольский край и Кабардино-Балкарская Республика демонстрируют самые высокие оценки данного показателя. Как показывают результаты исследований российских ученых, гостеприимство местных жителей, их вовлеченность в туристские практики могут стать основой стратегии маркетинга территории, формирования позитивного туристского имиджа [28].

Р и с. 1. Оценка наличия объектов питания в разрезе федеральных округов Российской Федерации (баллы от 1 до 5, абсолютные числа)⁴

Fig. 1. Assessment of the availability of food facilities in the context of federal districts of the Russian Federation (points from 1 to 5, absolute numbers)

В верхнем оценочном диапазоне, по результатам исследования, расположены также показатели «безопасность» (4,10 балла) и «проведение массовых праздников, народных гуляний» (3,85 балла). Остальные показатели в целом не превышают средних оценок.

Рассмотрим показатели, характеризующие наличие дифференцированного подхода к развитию туристского потенциала территорий (табл. 3). В частности, материалы исследования показали наличие проблем в следующих областях: 59,2 % опрошенных выделили недостаточный уровень развития частных музеев (суммарная доля оценок 1 и 2 из 5 возможных). Отмечаются низкие оценки содержания турпакета экскурсионно-познавательных программ, количество и качество экскурсионных туров. Почти каждый третий руководитель муниципалитета (31,7 %) считает, что на их территории практически отсутствуют возможности для организации шоппинга туристов.

Таким образом, первоначальное утверждение руководителей муниципалитетов о наличии на их территории необходимых ресурсов развития туристского потенциала, возможно, является ошибкой искажения.

⁴ В рисунке применяется следующее обозначение федеральных округов России: ЦФО – Центральный (CFD – Central Federal District), СЗФО – Северо-Западный (NFD – Northwestern Federal District), ЮФО – Южный (SoFD – Southern Federal District), СКФО – Северо-Кавказский (NCFD – North Caucasian Federal District), ПФО – Приволжский (VFD – Volga Federal District), УФО – Уральский (UFD – Ural Federal District), СФО – Сибирский (SibFD – Siberian Federal District), ДВФО – Дальневосточный (FEFD – Far Eastern Federal District).

Т а б л и ц а 3. Среднее распределение оценок уровня развития туристского потенциала по федеральным округам, балл

Table 3. Average distribution of assessments of the level of development of tourist potential by federal districts, points

Показатель / Indicator	Среднее значение / Average value	ЮФО / SoFD	ЦФО / CFD	ПФО / VFD	СЗФО / NFD	СФО / SibFD	СКФО / NCFD	УФО / UFD	ДВФО / FEFD
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Гостеприимство/дружелюбие / Hospitality/friendliness	4,53	4,55	4,76	4,38	4,46	4,25	5,00	4,38	4,00
Шоппинг / Shopping	2,92	3,26	3,61	2,76	2,55	2,56	2,50	2,32	5,00
Безопасность / Safety	4,10	4,02	4,56	3,91	3,85	3,78	4,67	3,98	0
Состояние объектов культурно-исторического наследия / Condition of objects of cultural and historical heritage	3,39	4,04	3,84	2,98	3,02	3,43	3,35	3,00	3,00
Музейные экспозиции / Museum expositions	3,55	3,59	4,29	3,37	3,42	3,78	3,19	2,86	3,00
Частные музеи / Private museums	2,11	2,32	2,93	1,76	1,63	2,17	1,63	1,89	2,00
Народные промыслы / Folk crafts	3,24	3,20	3,90	3,28	2,96	3,50	3,06	2,56	2,00
Популяризация национальных традиций в рамках оказания туристических услуг / Promotion of national traditions in the framework of the provision of tourism services	3,32	3,44	4,09	3,12	2,84	3,63	3,07	2,94	3,00
Транспортная доступность / Transport accessibility	3,70	4,00	4,33	3,04	3,49	3,88	3,82	3,65	3,00
Состояние дорог / Road conditions	3,30	3,94	3,80	2,71	2,79	3,44	3,41	3,28	4,00
Наличие гостиничных комплексов / Availability of hotel complexes	2,93	3,52	3,66	2,52	2,71	3,86	2,38	2,00	3,00
Наличие хостелов / Availability of hostels	1,87	1,95	2,58	1,33	1,65	2,67	1,80	1,56	3,00
Качество номерного фонда / The quality of the rooms	2,90	3,08	3,82	2,28	2,80	3,43	2,21	2,36	3,00
Содержание турпакета экскурсионно-познавательных программ / The content of the tour package of excursion and educational programs	2,52	2,35	3,63	1,85	2,56	2,80	2,20	2,09	3,00

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Количество экскурсионных туров / The number of excursion tours	2,52	2,36	3,56	1,87	2,56	2,60	2,27	2,15	5,00
Качество экскурсионных туров / The quality of excursion tours	2,75	2,50	3,80	2,05	3,04	3,20	2,29	2,24	4,00
Разнообразие анимационных программ в местах отдыха / Variety of animation programs in recreation areas	2,50	2,22	3,41	2,11	2,51	3,71	2,07	1,88	3,00
Проведение конференций, научных выставок / Organization of conferences, scientific exhibitions	2,89	2,58	3,67	2,34	2,88	2,83	3,00	2,82	4,00
Проведение массовых праздников, народных гуляний и массово-зрелищных мероприятий / Organization of public holidays, people's festivals and public entertainment events	3,85	3,90	4,44	3,35	3,86	4,63	3,57	3,47	4,00
Наличие ресторанов класса люкс / Availability of luxury restaurants	2,21	2,23	3,15	2,00	1,79	2,60	2,33	1,55	3,00
Наличие кафе, баров, закусочных средней ценовой категории / Availability of cafes, bars, snack bars of the middle price category	3,26	3,62	4,21	2,67	3,02	3,86	3,13	2,46	4,00
Наличие столовых, точек питания эконом класса / Availability of canteens, economy class food outlets	3,02	3,29	3,78	2,67	2,63	3,75	2,71	2,45	4,00
Наличие сувенирных магазинов (ассортимент, качество) / Availability of souvenir shops (range, quality)	2,49	2,73	3,32	2,03	2,25	2,40	2,33	1,91	3,00
Санаторно-курортные услуги / Sanatorium and resort services	2,01	2,40	2,67	1,55	1,51	2,00	2,33	1,77	3,00
Медицинские услуги / Medical services	3,01	3,40	3,55	2,78	2,32	4,00	2,47	2,57	3,01

Примечание / Note. Оценка проводилась по 5-балльной шкале, где 5 – отлично, 4 – хорошо, 3 – удовлетворительно, 2 – плохо, 1 – данная позиция отсутствует / The assessment was carried out on a 5-point scale, where 5 – excellent, 4 – good, 3 – satisfactory, 2 – bad, 1 – this position is absent.

Можно предположить, что, такие утверждения муниципальных властей базируются на стереотипных представлениях о достаточности «красивых видов» и уникального ландшафта для привлечения туристов. Фундаментом позитивных надежд выступает природное и культурно-историческое богатство российских территорий. Данные выводы, следует отметить, не лишены оснований. По оценкам экспертов Всемирного экономического форума в Давосе, природные ресурсы и культурные ценности составляют наиболее значимый туристский потенциал России, формируют ее конкурентное преимущество в международных рейтингах⁵.

Обсуждение и заключение. Большинство руководителей муниципальных образований Российской Федерации отмечают наличие необходимых ресурсов для развития туристической привлекательности территории. Однако оценка ключевых показателей развития туристского потенциала выявила существенные проблемы как по базовым (средства размещения, объекты культурно-исторического наследия, состояние дорог), так и по дополнительным элементам (питание, шопинг, анимационные программы, экскурсионные туры). В средневысоком оценочном диапазоне (выше, чем 4,0 из 5) оказались только такие показатели, как «безопасность» и «социальный ресурс» (гостеприимство/дружелюбие).

Развитие туристского потенциала характеризуется неравномерным распределением по регионам. Более благоприятная ситуация складывается в Московской области, Ставропольском крае, Белгородской области. На другом полюсе с низкими оценками по детализированным показателям туристского потенциала расположились Кабардино-Балкарская Республика, Курганская и Архангельская области.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о преобладании территориальных туристских ресурсов, направленных на удовлетворение «усредненных» потребительских запросов. Под «усреднением» мы понимаем как отсутствие фокусировки на потребности высокодоходных и низкодоходных социальных групп, так и недостаточность предоставления дополнительных туристских услуг (частные музеи, разнообразие анимационных программ, санаторно-курортные услуги и др.). Для всех федеральных округов характерно снижение оценок по объектам общественного питания экономкласса (средняя оценка 3,02 из 5), наличию хостелов (1,87 из 5). Еще более резкое падение оценок характерно для объектов ценового сегмента в категории люкс (2,21 из 5). Выделенные тенденции развития туристского потенциала регионов Российской Федерации, на наш взгляд, являются существенными ограничениями для формирования туристической привлекательности российских территорий.

⁵ РФ поднялась на 39-е место в мировом рейтинге конкурентоспособности в сфере туризма [Электронный ресурс] // Интерфакс туризм : сайт. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/analytics/market_overview/62288/ (дата обращения: 30.12.2021).

Выявленные проблемы подтверждают целесообразность поддержки предпринимательских инициатив, направленных на оказание туристских услуг низкого и высокого ценового сегмента. Также видится важным формирование узнаваемого имиджа территорий через популяризацию социального ресурса (гостеприимства местных жителей, национальных традиций, аутентичности народных промыслов и пр.). Данная рекомендация базируется на высоких оценках респондентов указанного параметра туристского потенциала. Повышение уровня конкурентоспособности региональных туристских услуг может быть достигнуто за счет расширения их разнообразия (развитие частных музеев, санаторно-курортных услуг и пр.).

Полученные данные могут быть использованы в практической деятельности органов региональной и муниципальной власти при разработке стратегий развития туризма, механизмов повышения уровня конкурентоспособности территориальных туристских продуктов и услуг. Научная значимость статьи характеризуется приращением эмпирических данных по проблематике развития туристского потенциала российских территорий. Научный вопрос, поставленный в статье, раскрывается с позиции властных субъектов, что обеспечивает формирование задела для интерпретации успешных региональных практик по развитию туристского потенциала территорий. Материалы статьи могут быть полезны ученым, интересующимся вопросами регионального развития в фокусе идентификации тенденций и факторов формирования туристского спроса, механизмов развития туристической привлекательности регионов в новых условиях. Дальнейшими направлениями исследований по указанной тематике могут стать следующие: разработка технологий развития социальных ресурсов туристского потенциала территории; анализ потребностей и интересов различных социальных групп при выборе туристских направлений. Отдельного внимания требует изучение перспектив и условий формирования практик социального партнерства власти, бизнеса и местного населения в целях развития туристской инфраструктуры, предложения дифференцированных туристских продуктов и услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ibrahim A. O., Baqawy G. A., Mohamed M. A. S. Tourism Attraction Sites: Boasting the Booming Tourism of Saudi Arabia // *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021. Vol. 8, issue 4. Pp. 1–11. doi: <https://doi.org/10.21833/ijaas.2021.04.001>
2. Нюрнбергер Л. Б., Петренко Н. Е. Городской туризм: сущность, взаимосвязи, мультипликативный региональный эффект // *Человек. Спорт. Медицина*. 2021. Т. 21, № S1. С. 153–158. doi: <https://doi.org/10.14529/hsm21s123>
3. Designing the Tourist and Recreational Image of the Territory. The Example of the Zaryadye Park / T. A. Evstratova [et al.] // *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2019. Vol. X, issue 7 (39). Pp. 1609–1616. doi: [https://doi.org/10.14505/jemt.v10.7\(39\).18](https://doi.org/10.14505/jemt.v10.7(39).18)

4. Ismail H. H. The Contribution of Tourism Revenues to Economic Development During the Terrorism Crisis // *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021. Vol. 8, issue 2. Pp. 35–43. doi: <https://doi.org/10.21833/ijaas.2021.02.005>
5. Everingham P., Chassagne N. Post COVID-19 Ecological and Social Reset: Moving Away from Capitalist Growth Models Towards Tourism as Buen Vivir // *Tourism Geographies*. 2020. Vol. 22, issue 6. Pp. 1–12. doi: <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1762119>
6. Петренко Н. Е. Туристско-рекреационные ресурсы: теоретические основы, региональный аспект // *Вестник Российского университета кооперации*. 2021. № 4 (46). С. 76–81. URL: [http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4\(46\)2021.pdf](http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4(46)2021.pdf) (дата обращения: 30.12.2021).
7. Тамов А. А., Хатукай С. А., Тамов К. А. Региональные особенности туристической отрасли как фактор ее развития на юге России // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 5: Экономика. 2019. № 4 (250). С. 185–190. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44051450> (дата обращения: 30.12.2021).
8. Федорова А. В., Дмитриева Т. С., Косовский А. В. Использование природного потенциала для развития туризма // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. Т. 9, № 1. С. 187–190. doi: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11009>
9. Influence of Some Climatic Factors on Tourism Activities on Co To Island, Vietnam / T. N. Nguyen [et al.] // *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021. Vol. 8, issue 9. Pp. 50–57. doi: <https://doi.org/10.21833/ijaas.2021.09.007>
10. Морощкина М. В., Кондратьева С. В. Региональная доступность как фактор развития туристского направления // *Регионология*. 2021. Т. 29, № 1. С. 60–81. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081>
11. Сарян А. А. Природные ресурсы как фактор производства регионального туристского продукта и формирования туристских направлений // *Регионология*. 2021. Т. 29, № 3, С. 562–587. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.562-587>
12. Ushakov D., Vinichenko M., Frolova E. Environmental Capital in National Economy Stimulation: Limitations of Rationality // *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*. 2018. Vol. 24, no. 9. Pp. 6290–6292. doi: <https://doi.org/10.1166/asl.2018.13032>
13. The Social Environment Change Under the Influence of Artificial Intelligence the Views of Orthodox Clergy and Parishioners / M. V. Vinichenko [et al.] // *European Journal of Science and Theology*. 2020. Vol. 16, no. 5. Pp. 57–68. URL: http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/84/5_Vinichenko%20et%20al.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
14. Юдина Т. А., Григорян Ц. А. Туристический потенциал региона: оценка и эффективное управление // *Теоретическая экономика*. 2019. № 1 (49). С. 78–83. URL: <https://www.ystu.ru/Homep-1-2019.pdf> (дата обращения: 30.12.2021).
15. Рузиев Ш. Р. Оценка туристического потенциала историко-культурного туризма Республики Узбекистан // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2018. № 4 (90). С. 76–83. URL: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2019/09/РППЭ-№4-2018.pdf> (дата обращения: 30.12.2021).
16. Морозов М. А., Морозова Н. С. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм // *Регионология*. 2021. Т. 29, № 3. С. 588–610. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610>
17. Jansson A. The Transmedia Tourist: A Theory of How Digitalization Reinforces the De-Differentiation of Tourism and Social Life // *Tourist Studies*. 2020. Vol. 20, issue 4. doi: <https://doi.org/10.1177/1468797620937905>

18. Tuen-Man Ng., Chung-Shing Chan. Investigating Film-Induced Tourism Potential: The Influence of Korean TV Dramas on Hong Kong Young Adults // *Asian Geographer*. 2020. Vol. 37, issue 1. Pp. 53–73. doi: <https://doi.org/10.1080/10225706.2019.1701506>

19. Wessels J.-A., Douglas A. Exploring Creative Tourism Potential in Protected Areas: The Kruger National Park Case // *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1177/1096348020983532>

20. Pearce P. L., Wu M.-Y. Soft Infrastructure at Tourism Sites: Identifying Key Issues for Asian Tourism from Case Studies // *Tourism Recreation Research*. 2015. Vol. 40, issue 1. Pp. 120–132. doi: <https://doi.org/10.1080/02508281.2015.1010361>

21. Мельникова Т. Б., Шевчук И. А. Туризм в регионе: новые возможности развития // *Социум и власть*. 2020. № 5 (85). С. 65–77. URL: http://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2020/2020_5.pdf (дата обращения: 30.12.2021).

22. Huijbens E. H., Jóhannesson G. T. Tending to Destinations: Conceptualising Tourism's Transformative Capacities // *Tourist Studies*. 2019. Vol. 19, issue 3. doi: <https://doi.org/10.1177/1468797619832307>

23. Keyim P. Tourism Collaborative Governance and Rural Community Development in Finland: The Case of Vuonislahti // *Journal of Travel Research*. 2018. Vol. 57, issue 4. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287517701858>

24. Фролова Е. В., Рогач О. В., Рябова Т. М. Деятельность муниципальных органов власти по развитию культурно-познавательного туризма: проблемы, ресурсы и новые возможности // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 3. С. 210–228. URL: <https://vgmu.hse.ru/2020--3/403252941.html> (дата обращения 30.12.2021).

25. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 72–82. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5>

26. Waqas-Awan A., Rossello-Nadal J., Santana-Gallego M. New Insights into the Role of Personal Income on International Tourism // *Journal of Travel Research*. 2020. Vol. 60, issue 4. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287520907702>

27. Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M. Towards Development of Tourism Industry: Insights Into Tourist Nutrition Via Food and Impressions // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2020. Vol. 8, issue 2. Pp. 840–857. doi: [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2\(51\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2(51))

28. Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А., Заворуева А. С. Использование зарубежных практик маркетинга территории в управлении российскими регионами // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20, № 1 (138). С. 99–106. doi: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-1-99-106>

Поступила 02.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 08.02.2022.

Об авторах:

Рогач Ольга Владимировна, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>, Researcher ID: W-4432-2017, Scopus ID: 57191411110, rogach16@mail.ru

Фролова Елена Викторовна, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, Researcher ID: C-8429-2016, Scopus ID: 55511159600, efrolova06@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. В. Рогач – сбор аналитической информации; формулирование результатов исследования и выводов; доработка текста.

Е. В. Фролова – постановка научной проблемы исследования; критический анализ и определение методологии исследования; структурирование аналитической информации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ibrahim A.O., Baqawy G.A., Mohamed M.A.S. Tourism Attraction Sites: Boasting the Booming Tourism of Saudi Arabia. *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021;8(4):1–11. doi: <https://doi.org/10.21833/ijaas.2021.04.001>
2. Nyurenberger L.B., Petrenko N.E. Urban Tourism: Nature, Relations, Regional Multiplier Effect. *Human. Sport. Medicine*. 2021;21(S1):153–158. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14529/hsm21s123>
3. Evstratova T.A., Kabanova E.E., Vetrova E.A., Kataeva V.I. Designing the Tourist and Recreational Image of the Territory. The Example of the Zaryadye Park. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2019;X(7):1609–1616. doi: [https://doi.org/10.14505/jemt.v10.7\(39\).18](https://doi.org/10.14505/jemt.v10.7(39).18)
4. Ismail H.H. The Contribution of Tourism Revenues to Economic Development During the Terrorism Crisis. *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021;8(2):35–43. doi: <https://doi.org/10.21833/ijaas.2021.02.005>
5. Everingham P., Chassagne N. Post COVID-19 Ecological and Social Reset: Moving Away from Capitalist Growth Models Towards Tourism as Buen Vivir. *Tourism geographies*. 2020;22(6):1–12. doi: <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1762119>
6. Petrenko N.E. Tourist and Recreational Resources: Theoretical Foundations, Regional Aspect. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2021;(4):76–81. Available at: [http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4\(46\)2021.pdf](http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4(46)2021.pdf) (accessed 30.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Tamov A.A., Khatukai S.A., Tamov K.A. Regional Features of the Tourism Industry as a Factor of its Development in the South of Russia. *The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal*. 2019;(4):185–190. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44051450> (accessed 30.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Fedorova A.V., Dmitrieva T.S., Kosovskiy A.V. Use of Natural Potential for Tourism Development. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;9(1):187–190. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11009>

9. Nguyen T.N., Nguyen H.X., Pham H.H., et al. Influence of Some Climatic Factors on Tourism Activities on Co To Island, Vietnam. *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021;8(9). doi: <https://doi.org/10.21833/ijaas.2021.09.007>

10. Moroshkina M.V., Kondratyeva S.V. Regional Accessibility as a Factor in the Development of a Tourist Destination. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(1):60–81. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081>

11. Saryan A.A. Natural Resources as a Factor in Production of a Regional Tourist Product and in Creation of Tourist Destinations. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(3):562–587. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.562-587>

12. Ushakov D., Vinichenko M., Frolova E. Environmental Capital in National Economy Stimulation: Limitations of Rationality. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*. 2018;24(9):6290–6292. doi: <https://doi.org/10.1166/asl.2018.13032>

13. Vinichenko M.V., Rybakova M.V., Chulanova O.L., Makushkin S.A. The Social Environment Change Under the Influence of Artificial Intelligence the Views of Orthodox Clergy and Parishioners. *European Journal of Science and Theology*. 2020;16(5):57–68. Available at: http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/84/5_Vinichenko%20et%20al.pdf (accessed 30.12.2021).

14. Yudina T.A., Grigoryan Ts.A. Tourism Potential of the Region: Assessment and Effective Management. *Teoreticheskaya ekonomika*. 2019;(1):78–83. Available at: https://www.ystu.ru/Homep_1-2019.pdf (accessed 30.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Ruziev Sh.R. Evaluation of the Tourist Potential of the Historical-Cultural Tourism of the Republic of Uzbekistan. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2018;(4):76–83. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2019/09/PIIIЭ-№4-2018.pdf> (accessed 30.12.2021).

16. Morozov M.A., Morozova N.S. Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(3):588–610. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610>

17. Jansson A. The Transmedia Tourist: A Theory of How Digitalization Reinforces the De-Differentiation of Tourism and Social Life. *Tourist Studies*. 2020;20(4). <https://doi.org/10.1177/1468797620937905>

18. Tuen-Man Ng., Chung-Shing Chan. Investigating Film-Induced Tourism Potential: The Influence of Korean TV Dramas on Hong Kong Young Adults. *Asian Geographer*. 2020;37(1):53–73. doi: <https://doi.org/10.1080/10225706.2019.1701506>

19. Wessels J.-A., Douglas A. Exploring Creative Tourism Potential in Protected Areas: The Kruger National Park Case. *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1177/1096348020983532>

20. Pearce P.L., Wu M.-Y. Soft Infrastructure at Tourism Sites: Identifying Key Issues for Asian Tourism from Case Studies. *Tourism Recreation Research*. 2015;40(1):120–132. doi: <https://doi.org/10.1080/02508281.2015.1010361>

21. Melnikova T.B., Shevchuk I.A. Tourism in a Region: New Development Opportunities. *Socium and Power*. 2020;(5):65–77. Available at: http://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2020/2020_5.pdf (accessed 30.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Huijbens E.H., Jóhannesson G.T. Tending to Destinations: Conceptualising Tourism's Transformative Capacities. *Tourist Studies*. 2019;19(3). doi: <https://doi.org/10.1177/1468797619832307>
23. Keyim P. Tourism Collaborative Governance and Rural Community Development in Finland: The Case of Vuonionslahti. *Journal of Travel Research*. 2018;57(4). doi: <https://doi.org/10.1177/0047287517701858>
24. Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M. Activities of Municipal Authorities in the Development of Cultural and Educational Tourism: Problems, Resources and New Opportunities. *Public Administration Issues*. 2020;(3):210–228. Available at: <https://vgmu.hse.ru/2020--3/403252941.html> (accessed 12.30.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Medvedeva N.V., Frolova E.V., Rogach O.V. Territorial Public Self-Government and Local Government: Problems of Interaction and Prospects for Constructive Partnership. *Sociological Studies*. 2021;(10):72–82. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5>
26. Waqas-Awan A., Rossello-Nadal J., Santana-Gallego M. New Insights into the Role of Personal Income on International Tourism. *Journal of Travel Research*. 2020;60(4). doi: <https://doi.org/10.1177/0047287520907702>
27. Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M. Towards Development of Tourism Industry: Insights Into Tourist Nutrition Via Food and Impressions. *Entrepreneurship and Sustainability*. 2020;8(2):840–857. doi: [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2\(51\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2(51))
28. Kabanova E.E., Vetrova E.A., Zavorueva A.S. The Use of Foreign Practices of Territory Marketing in the Management of Russian Regions. *Social Policy and Sociology*. 2021;20(1):99-106. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-1-99-106>

Submitted 02.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 08.02.2022.

About the authors:

Olga V. Rogach, Associate Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>, Researcher ID: [W-4432-2017](https://orcid.org/0000-0002-3031-4575), Scopus ID: [57191411110](https://orcid.org/0000-0002-3031-4575), rogach16@mail.ru

Elena V. Frolova, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, Researcher ID: [C-8429-2016](https://orcid.org/0000-0002-8958-4561), Scopus ID: [55511159600](https://orcid.org/0000-0002-8958-4561), efrolova06@mail.ru

Contribution of the authors:

O. V. Rogach – collection of analytical information; formulation of research results and conclusions; revision of the text.

E. V. Frolova – formulation of a scientific research problem; critical analysis and definition of research methodology; structuring of analytical information.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.356.2

DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423

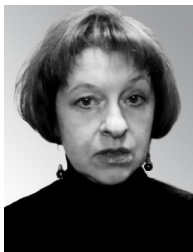
Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Cross-Cultural Marriages in the Context of the Transformation of the Family Model: Russia and Iran

T. K. Rostovskaya^{a✉} O. V. Kuchmaeva^aM. Afzali^aE. A. Irsetskeya^b

^a Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

^b Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

✉ rostovskaya.tamara@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study of cross-cultural marriages in Russia and Iran is due to the fact that Russia and Iran are characterized by both attention to the observance of cultural needs and the desire for innovative development. These contradictory manifestations are also manifested in family and marriage relations. There is a shortage of empirical studies that reflect the range of opinions of various social strata in Russia and Iran, allowing a comparative analysis of attitudes towards cross-cultural marriages to determine the prospects for state policy to support the institution of marriage in a cross-cultural environment. The purpose of the public research is to analyze the relationship with cross-cultural marriages in Russia and Iran against the background of the proposed family model. **Materials and Methods.** Sociological research is carried out by the method of a quantitative survey. 153 people were interviewed in total, urban residents of Russia and Iran aged 18 to 60 who are in cross-cultural marriages or an interethnic, interfaith environment. To analyze the results, descriptive statistics methods, frequency distributions, and a tabular data visualization method were used.

© Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Afzali M., Irsetskeya E. A., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Results. The survey results have revealed the presence of different ideas about the desired model of family and marriage both in Iran and Russia (both traditional and modern). The study has revealed a friendly attitude towards interethnic marriages in both countries (primarily for urban residents). In many ways, the success of cross-cultural marriages is determined by the attitude of relatives and the local community towards them.

Discussion and Conclusion. The results obtained can be used to develop strategies for the development of socio-cultural interaction between Russia and Iran. It is essential to consider the study's conclusions when supporting cross-cultural families in the process of adaptation and acquaintance with the norms, traditions, and customs of a new culture spouse. It is necessary to conduct a study on a more representative sample to assess the differentiation and determinants of people's opinions in interethnic marriages living in Iran and Russia.

Keywords: cross-cultural marriages, the institution of the family, interethnic and international relations, the institution of marriage in Russia and Iran, intercultural interactions

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Afzali M., Irsetskaya E.A. Cross-Cultural Marriages in the Context of the Transformation of the Family Model: Russia and Iran. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):405–423. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423>

Научная статья

Межкультурные браки в условиях трансформации модели семьи: на примере России и Ирана

Т. К. Ростовская¹✉, О. В. Кучмаева¹, М. Афзали¹, Е. А. Ирсетская²

¹ Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)

✉ rostovskaya.tamara@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования кросскультурных браков в России и Иране обусловлена тем, что для этих двух стран характерно как внимание к традиционным культурным ценностям, так и стремление к инновационному развитию. Эти противоречивые тенденции проявляются и в семейно-брачных отношениях. Существует недостаток эмпирических исследований, отражающих спектр мнений представителей различных социальных страт России и Ирана, позволяющих провести сравнительный анализ отношений к кросскультурным бракам, определить перспективы государственной политики по поддержке института брака в кросскультурной среде. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать отношения к кросскультурным бракам в России и Иране на фоне представлений о желаемой модели семьи.

Материалы и методы. Проведен опрос 153 чел. – городских жителей России и Ирана в возрасте от 18 до 60 лет, состоящих в кросскультурных браках либо находящихся в межэтнической, межконфессиональной среде. Для анализа результатов использовались методы дескриптивной статистики, частотные распределения, а также табличный метод визуализации данных.

Результаты исследования. Выявлены традиционные и современные представления о желаемой модели семьи и брака для России и для Ирана. Исследование показало довольно доброжелательное отношение к межэтническим бракам в обеих странах (прежде всего для городских жителей). Во многом успешность кросскультурных браков определяется отношением к ним родных и местного сообщества.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий развития социокультурного взаимодействия России и Ирана. Выводы исследования важно учитывать при оказании поддержки кросскультурным семьям в процессе адаптации и знакомства с нормами, традициями, обычаями новой для супруга/супруги культуры. Необходимо проведение исследования на более представительной выборке для оценки дифференциации и детерминант мнений людей, состоящих в межнациональных браках, проживающих в Иране и России.

Ключевые слова: кросскультурный брак, институт семьи, межэтнические и межнациональные отношения, институт брака в России и Иране, межкультурные взаимодействия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Межкультурные браки в условиях трансформации модели семьи: на примере России и Ирана / Т. К. Ростовская [и др.] // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 405–423. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.405-423>

Introduction. The necessity to identify the main trends and specifics of the formation of the institution of cross-cultural marriages is justified by the awareness of the importance of the family as the most stable social institution. Family is a complex, multidimensional social formation and, in fact, concentrates the entire set of social relations, which is reflected in consolidation, coherence, and possible conflicts similar to the phenomena and processes occurring in the development of any society. Currently, cross-cultural marriages are studied based on separate theories of certain scientific disciplines, such as sociology, religious studies, ethnology, anthropology, demography, and cultural studies.

However, in our opinion, since there are no official statistics on cross-cultural marriages in the public organizations, it is impossible to characterize this object of research fully and reliably. In this regard, it becomes necessary to conduct a sociological survey (based on the method of selective statistical observation) to identify the factors of the formation of the institution of cross-cultural marriages in Russia and Iran which have not been previously developed or conducted, that determines the novelty of this study. The data obtained make it possible to analyze cross-cultural marriage as a family union of people who are carriers of various socio-cultural traditions, characteristics, and values.

Specialized sociological surveys to identify factors in the formation of cross-cultural marriages in Russia and Iran (with a single methodology, tasks, tools that allow comparison and comparison of data in countries) have not been previously conducted, which determines the study's novelty. The study aims to analyze attitudes towards cross-cultural marriages in Russia and Iran against the background of ideas about the desired family model.

Literature Review. The unique identity of cross-cultural marriages is associated with the creation of a family between representatives of different cultures. C. Sullivan, R. Cottone define “mixed marriage” as a type of marriage in which partners are of different nationalities, cultural origins, or religions [1, p. 221–225]. In interaction of ethnic cultures, and development of marriage migration, studying the problems of the formation and development of the institution of cross-cultural marriages is essential. The works of Romano, Bhugra and De Silva, Root and others show such problems of cross-cultural marriages as language barriers, cultural conflicts, parenting, differences in beliefs, traditions, customs, and values [2; 3]. Many Russian scientists in their works consider interethnic families as a factor in the transformation of ethnic identity, which is reflected in the typology of the settlement of people and the intensity of migration processes [4]. An analysis of the statistics of cross-cultural marriages also makes it possible to conclude the prospects for the development of the entire Russian society [5].

Acceptance of intercultural marriage by society depends on many factors, such as age, gender, economic status, education, social values, etc. Research in this area also relates to various aspects of the study of models that interpret people’s motives when deciding to create an intercultural marriage [6; 7]. Studies in USA show that the young population has a more positive attitude to interracial and intercultural relations than the older population [8], and it is more common among the younger generation. Moreover, although some studies show that there is no relationship between gender and attitudes towards intercultural marriage [9], many studies show that men are more inclined to intercultural relations, this is confirmed by the research of S. O. Törngren, in which men are more positive about intercultural marriage [10]. Women take the marriage decision-making process more seriously than men [11]. Women in the process of choosing a husband consider the profitability of their husband, race, and intelligence, while men mainly focus on physical attractiveness [12]. This means that women choose to marry someone with perceived socioeconomic status. Religious differences and stereotypes strongly influence women's attitudes towards intercultural marriage. For example, in Sweden, the image of a Muslim male often perceived as a threat to women, values, and norms [13]. In addition, the level of education has a positive relationship with attitudes towards interracial marriage (Beta = 0.28, $p < 0.001$, Odds Ratio = 1.32), each one-year increase in education increases the odds of approval by 30 % [9].

The process of moving people across the border to marry a foreign citizen is analyzed as a process of erosion and loss of the demographic potential of the state [14] that has been explained by many Russian scientists. In the context of the study of female marriage emigration from Russia, the work of P. I. Babochkin’s “Cross-cultural marriages in a multi-ethnic environment” shows that “success or failure of cross-cultural marriage depends on the orientation and views of the people getting married” [15]. In research by T. K. Rostovskaya in 2015, the key

motive for creating cross-cultural marriages was identified: “more than 90 % of all respondents – 153 people answered that the dominant factor in premarital relationships is love – the deepest emotional attraction, a strong heart feeling. For many, an important reason is also family traditions and the need for marriage”¹.

Another significant aspect of the study of the problems of cross-cultural marriages is the analysis of attitudes towards marriage among young people. Young people who are representatives of different sociocultural strata when forming a family also face some difficulties caused by differences in the value system of spouses [16; 17]. It is also interesting to analyze the trend that the number of young people who do not want to register their marriage is growing [18]. There is a transformation of attitudes towards the family and family life, new value orientations that young people rely on when deciding to create a family [19].

The problem of self-determination of a child in a cross-cultural family with an Orthodox-Muslim cultural and religious model of marriage and family relations was also developed in the works of T. K. Rostovskaya and A. D. Suleimanov. The authors note that “it is not acute in the Russian-Turkish family, since the relationship between the child and the parents is built on an equal footing based on cross-cultural interaction and communication. The basis of this relationship between the child and the parents is a trusting relationship between spouses, where there is love, mutual understanding and mutual respect of all family members” [20]. Thus, the viability of the Orthodox-Muslim cultural and religious model of marriage and family relations depends directly on the motive for creating such a cross-cultural family. Considering the viability of cross-cultural marriages in Japan, which make up about 3 % of the total number of registered marriages, the authors note the positive role of marriage and family relations between Japanese men and Russian girls, “which are able to ensure not only close interaction between representatives of different cultures, ethnic groups, and religions, but also to form managerial and organizational processes aimed at improving relations between countries and ethnic groups” [21].

Research shows that Iranians are also flexible in terms of accepting the culture of the countries in which they live. Iranians retain and represent their Persian values and behavior, and they also deeply embrace the Western culture of the countries in which they live [22]. Iranians living in the United States of America have shown that they are raising their children based on Iranian traditions and cultures, but at the same time they believe in the importance of integrating their children into the US society, moreover, they are open to the marriage of their children to people of other nationalities [23]. Intercultural marriages between Iranian American women who are married to European-American men show that successful adjustment to their marriage is the result of similar values and beliefs, respect and understanding, which are consistent with individual characteristics in

¹ Rostovskaya T.K., Egorychev A.M. Modern Russian Realities and Youth: Problems and Prospects of Development. In: Rostovskaya T.K. (ed.) Cultural Space of Youth: Meanings and Practices: Materials of the All-Russian. Moscow: Perspektiva; 2019. p. 19–23.

beliefs, values, communication, open thinking, and acceptance of differences that reinforce intercultural understanding [24].

Problems of cross-cultural marriages occupy a significant place in the problematic field of research of modern family and marriage. The degree of differences in culture and traditions often acts as a risk factor for the well-being of such a family, provoking intra- and extra-family conflicts. However, there is a lack of empirical studies reflecting the opinions of representatives of various countries, particularly, Russia and Iran.

Materials and Methods. When considering the peculiarities of ideas about the family and cross-cultural marriages in Russia and Iran, the authors relied on the provisions of the concept of the second demographic transition, which considers the change in reproductive and matrimonial values in modern society when “human thoughts are focused on self-realization... and this is reflected in the formation of the family, attitudes in regarding the regulation of births and the motives of parenthood” [25]. A model of demographic behavior is being formed that also concerns the choice of a family career, characterized by a flexible approach to choosing a life path, many possible lifestyles, including in the family sphere². As the study showed, this is also characteristic of today’s Russian and Iranian youth.

The objects of the study were representatives of different age groups, urban residents of Russia and Iran aged 18 to 60 years old (marriageable age), being in cross-cultural marriages, or who are in cross-cultural marriages; having in their environment families based on a cross-cultural marriage (due to educational or professional activities). The research project is based on quantitative research using the pilot method. In this study, 153 people, including 105 Iranians and 48 Russians participated.

The implementation of the research project is based on conducting a quantitative (selective sociological) study in the regions of Russia and Iran using the questionnaire method. The field study was conducted in the spring-summer of 2021. All respondents were informed of the purpose of the study and expressed their willingness to cooperate. The survey is pilot in nature – its tasks were to test the tools and research program, determination of optimal ways of forming a sample population, the need to identify typological groups of respondents. Collecting information for an objective assessment of the characteristics of marriages between Iranians and Russians is very difficult due to the ambiguity of the scale and localization of the general population itself. The latency of many problems in interethnic and interfaith marriages and the inconsistency of views and assessments determined the difficulties in forming survey instruments. Nevertheless, a study on a local population allowed us to draw certain conclusions.

The study results were processed using the IBM SPSS STATISTICS sociological research data analysis program, version 26. Considering the sample size and the

² Lesthaeghe R. Second Demographic Transition. In: The Blackwell Encyclopedia of Sociology. 2015. doi: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeoss059.pub2>

stage of the pilot study, descriptive statistics methods, frequency distributions, and tabular data visualization methods were used to analyze the results.

An insignificant number of respondents on the territory of Russia does not allow correct use, including for comparative analysis, of frequency distributions. However, in several cases, the authors found it possible to provide data on the number of people who chose this or that answer option. 61.0 % the Iranian respondents are women and 39.0 % are men, 44 out of 48 Russian respondents were women. The average age of the respondents in Iran was 23.9 years, in Russia – 34.1 years. 91.4 % the Iranian respondents and 39 Russians have higher education. 42.9 % of Iranian respondents continue their studies or works in the field of education. 19 Russian respondents also work in the field of education and 10 respondents work in public administration.

94.2 % Iranian respondents have never been married and only 4.8 % are married. 95 % of Iranians live in complete families. Among Russians, 20 are married, 14 have never been married; there are also respondents who are in unregistered marriage (4) and divorced (5). Nine Russian respondents live in single-parent families. Among Iranian respondents, 23.8 % consider themselves to be believers (adherents of Islam), 30.5 % – do not consider themselves to be believers and the rest found it difficult to answer. Among Russians: 30 people consider themselves believers, including 23 – supporters of Orthodoxy.

Results. Family and marriage model. Psychological motives such as love and spiritual closeness, the desire to be married, and live a quiet family life are very important motives in cross-cultural marriage. Marriage is not a criterion of social maturity for most of our respondents. Sexual attraction plays an important role for Russian respondents. And for a significant part of the respondents, marriage is not associated with the birth of children (which is a global demographic trend). The motive “the desire to move to another country” takes the last place among the motives (table 1).

Table 1. Mean points of motivations for concluding a marriage on a 5-point scale

Motives	Iran	Russia
Love	4,67	4,66
Psychological and mental closeness	5,00	4,67
Desire to be married, live a calm family life	5,00	4,50
Desire to achieve independence	3,00	2,57
Sexual attraction	2,67	3,50
Material well-being	2,33	2,33
Desire to have children	2,00	2,67
Desire to move to another country	1,67	2,17

Formalization of family relations is very important in Iranian society, where, culturally and religiously, marriage without registration and the birth of a child out of marriage are not acceptable. Among the Iranian respondents there are those

who believe that “in our time, divorce is normal, it’s okay”, “keeping a family with an unloved person is not worth it, even for the sake of children”, “A man should deal with household issues and raising children on an equal basis with a woman”, “to have and raise a child, it is not necessary to marry”. In general, the official consolidation of family relations is losing its significance for some of the respondents in both countries, and individualization of one’s own desires come to the fore.

Most of the Iranian respondents believe that marriage should be entered into at the age of 25–30 (61.5 %), 32.7 % believe that marriage should be postponed until the age of over 30. There are few supporters (4.8 %) of both early marriage (before 25 years), and those who believe that the age of marriage does not play a role (1.0 %). The desirability of getting married at the age of 25–30 (16 people) is also in the lead among Russian respondents. However, the opinion “the age of marriage does not matter” is in second place (11 people). And there are enough supporters of early marriage (8 people).

To answer the question: “What do you think are the most durable marriages?” Respondents quite often noted the option “marriages based on love” (31.4 % of Iranians and 15 Russians). Russians (16 people) more often than Iranians believe that the most lasting marriages are “concluded at an older age (after 25 years old)”. The second most popular answer among Iranian respondents is “on the basis of strong good friendship between a boy and a girl” (22.9 %).

However, answering the question: “What is an indicator of a successful marriage for you?”, 42 Russian respondents answered that it is primarily “warm mutual relations between spouses”. The answers of Iranian respondents were distributed as follows: “warm mutual relations between spouses” (46.7 %), “material security of the family” (30.5 %), “marriage that meets the norms and traditions accepted in society” (18.1 %), “the presence of children in the family” (2.9 %) and 1.9 % chose “good relations of all generations, brothers and sisters”.

To characterize the family model, an assessment of generational relations plays a very important role. Parents usually provide material assistance to young Iranian families. The most popular answers characterizing the importance and role of parents in a new family were: “buying goods” (67.4 %), “provide financial assistance” (58.4 %), “help in raising children” (47.2 %), “Take care during illness” (34.8 %), “pay for housing” (29.2 %), “help in providing food” (5.6 %), “we ourselves provide them with material assistance” (4.5 %), “we do not receive any help from parents” (3.4 %) “help with the housework” (2.2 %) and “Give wise advice” (2.2 %). Parents usually provide non-material assistance to children in Russia. Most often, parents: “give wise advice” (21 people), “help in raising children” (13 people), “take care of during illness” (8 people), “help with housework” (6 people). The number of families with material assistance from their parents is extremely small: “provide financial assistance” (2 %), “buy goods” (11 %), “pay for housing” (4 %). Some Russians themselves provide material support to their parents (13 people).

Family financial and living conditions. In our study, although the Iranian respondents come mostly from wealthy families, have a good financial situation and live-in harmony in the family, in comparison with the Russian respondents, they are required to reduce their free time to a greater extent to be able to receive sufficient funds for everyday life. The assessments of the Russians are as high, but lower than those of the respondents from Iran and they have worse housing conditions and the provision of clothing and footwear. The level of organization of recreation and spending of free time by family members in Iranian families is estimated half a point lower than by Russians. This speaks of the need to develop leisure infrastructure for families, and families with children.

To assess functioning the modern Iranian and Russian families, we need an overview of the main problems that families face in their family life. For Iranian families, “lack of money, constant material problems” (58 %); fear of losing their job (41 %); conflict relationships with parents (38 %); hopelessness, lack of prospects in life (35 %); and difficulties in organizing everyday life, housekeeping (34 %) are the main answers (table 2).

Table 2. Distribution of respondents from Iran regarding their opinion about the problems that the family faces first of all, %

Problems	Share
Lack of money, constant material problems	58
Fear of losing job	41
Conflicting relationships with parents	38
Hopelessness, lack of prospects in life	35
Difficulties in organizing everyday life, housekeeping	34
Lack of free time	26
Poor living conditions	25
Tiredness, overwork	21
Problems with the organization of recreation	19
Poor health and medical difficulties for family members	15
Conflicting relationship, misunderstanding with a spouse	5
The need to care for sick relatives (disabled people, old people, etc.)	4
Conflicting relationships with children	3
Poor area of living (lack of shops, consumer services, etc.)	3
Poor environment at the place of residence	2

Young people who want to form a family face financial barrier leading to a feeling of hopelessness in life. The main problems of Russian families are “fatigue, overwork” (20 people), “lack of free time” (16 people), and “lack of money, constant material problems” (9 people). It can be concluded that, even

though people are married, they lack communication. This means that families can face relationship problems that affect their well-being and can lead to family breakdown.

About 50 % of the respondents rarely face constant criticism from their spouses. In Iranian societies rarely happens that husbands can restrict the freedom of their spouses, for example, they can restrict the spouses' travel abroad. The opinion of the "other half" imposed on spouses, never, or rarely (67 %) happens in Iranian families. Almost 70 % of respondents noted that they have never or rarely faced inattention and indifference to them, more than 50 % of respondents have never encountered rude attitude and insults, aggressive behavior and physical violence from their families or spouses (table 3).

Table 3. Frequency of manifestation of various negative phenomena in the married life of Iranian respondents, % of the number of married

Problems	Never	Sometimes	Rarely	Often	Difficult to answer	Total
Ongoing criticism from a spouse	12,6	30,1	51,5	1,9	3,9	100,0
Limitation of personal freedom	17,5	39,8	38,8	1,9	1,9	100,0
Pressure and imposition of opinions of the "second half"	21,4	28,2	46,6	1,9	1,9	100,0
Inattention and indifference to me	40,2	28,4	28,4	1,0	2,0	100,0
Rude attitude and insults	54,9	16,7	25,5	1,0	2,0	100,0
Aggressive behavior	56,9	17,6	22,5	1,0	2,0	100,0
Physical violence	58,8	16,7	21,6	1,0	2,0	100,0

It can be concluded that, although in Iranian families there are problems in terms of interpersonal interaction, culturally, and religiously, inattention and indifference to a family member, rudeness and insults, violent behavior and physical violence towards a family member, parents and especially women are considered very immoral and impolite.

Attitude towards cross-cultural marriage. Discussing people of other nationalities, ethnic groups, and cultures, almost 22 % of Iranian respondents mentioned that they communicate with such people with sympathy and joy, 53 % showed a generally positive attitude, 13 % "neutral, do not dislike", 10 % "negatively, but calmly – I don't want to notice them" and 2 % chose "strongly negative against them". There were no Russian respondents who would declare negative attitude towards other ethnic groups. 28 people answered with sympathy and joy, they communicate with them.

Only 4 Russians out of 48 and 27.4 % of Iranians answered that there were no acquaintances in their environment who were in interethnic marriages.

Approximately 60 % of respondents from Iran and 31 respondents from Russia noted that among their acquaintances, there are people in interethnic marriages, 5.3 % themselves are (were) in an interethnic marriage. The survey results show that 40 % of Iranian respondents generally approve this experience of organizing family life, 29 % fully support this practice, almost 24 % note that their attitude towards interethnic marriages “depends on what nationalities the future spouses are”. Around 3 % are strongly against such an experience and almost 4 % generally do not approve this practice. Most of the Russians surveyed (29 respondents), gave the answers “I generally approve this experience” and “I fully support this practice of organizing family life” and 8 Russians, deviated from the answer to this question.

Answering the question whether the financial situation of spouses and their families, affects the formation of an interethnic family, almost 32 % of respondents from Iran and 16 Russians agree that this is a very “important factor”, 50 % of Iranians and 18 Russians admit that is relatively an important factor, and the rest found it difficult to answer or they believe that financial situation is not an important factor.

Almost 32 % of the respondents from Iran answered that families, friends, and relatives influence on cross-cultural marriage, 35.6 % answered that they are “relatively influencing”. 26 % of the respondents noted that they had no influence at all, and 6.7 % found it difficult to answer. 25, Russian respondents answered “influences”, 19 people, answered, “relatively influences”. It can be concluded that while respondents need support from family and friends to enter interethnic marriage, there are people who act more independently of the opinions of families and friends.

When assessing the problems and advantages of interethnic marriages, a quarter of Iranians (24.8 %) and 15 Russians, do not see any distinctive problems in intercultural marriage compared to ordinary marriage. Approximately one in five respondents from Iran note the role of misunderstanding from society, loved ones, and the spouses themselves as one of the problems. Almost 18 % believe that it is difficult to build relationships for spouses of representatives of different cultures. From the responses of the Russians, can be assumed that they are less likely to pay attention to the role of misunderstanding of interethnic marriages from the society and the loved ones (only 5 people,) as a problem of such family formation. The opinion that interethnic marriages do not have any special differences from others, 41.9 % of Iranians and 15 Russians, believe “the positive side of all marriages is the same – the birth of a new family”. Almost 25 % of Iranians and 15 Russians, believe that interethnic marriages are characterized by “traditional richness of family life”, 22 % of Iranians and 8 Russians believe that it is in interethnic marriages that “the most gifted and beautiful children” are born.

Features of interethnic marriages. Among the Iranian interviewees who were in cross-cultural marriages, more often at the beginning of the relationship they felt dislike or rejection towards themselves in the family of their spouse, but then the

dislike passed (3 people, out of 4 who answered this question). 3 Russians answered that they felt dislike only at the beginning of the relationship, 1 respondent, believes that the dislike has remained until now, and five respondents gave a categorical answer “there were no rejection at all”.

To answer the question “Have you encountered misunderstanding or not sharing your choice in your family when choosing your partner in an interethnic marriage?”, Out of 14 people, only 2 answered that “there is still a lack of understanding”. The rest, covering the history of their marriage, argue that there was no misunderstanding or conflicts over the choice of a spouse, or they quickly passed. The data obtained show that interethnic marriage is perceived positively in most cases by both the husband’s and wife’s families.

Formation of a strategy for raising children, considering the belonging of their parents to different ethnic groups is an important aspect in interethnic families. In this context out of 4 Iranian respondents, 3 answered “religion does not play a significant role in raising children in our family”. This opinion is shared by 4 out of 9 Russian respondents. Six respondents from Russia noted that their children learn the languages of both parents, one answered that “children learn only the language of the countries where they live” and one chose the answer “plan to teach children a second language in the future”. Three Iranian respondents also chose the answer “we plan to teach children a second language in the future”. It can be assumed that most of the parents in interethnic families respect the language of the spouse(s) as an element of culture and prefer that the children in their families grow up bilingual which gives certain advantages in society, education, and future profession.

Reproductive orientations. In conditions of low fertility and global trends of its decline, the assessment of the reproductive potential of families is very relevant. Answering the question about the desired number of children, most of the respondents noted 2 children (57 %), 3 children (20 %) one child (13 %), no child (6 %), 4 children (2 %), 5 children and more (1 %) and hard to say (1 %). The average number of children for respondents from Iran was 2.03 children, for Russians 2.29 children. Most of the Russian respondents would like to have 2–3 children (33 people). The respondents were also asked the question: “If you would like to have more than 3 children, then why?”. The answer: “I love it when there are many children in the house” (19 Iranians and 12 Russians) was chosen the most, following by the answer “many children will support us in old age” (6 and 4 people, respectively). Almost no one points out the importance of the traditions “to have many children is a tradition in our society” or “to have many children is prescribed by religion”, “advice from a spouse and relatives”. It can be reasonably assumed that the indicator of the desired number of children is influenced by the number of children in the families of the respondents. The study showed that most of the Iranian respondents (82 %) grew up in families with 2 or more children. The families of the Russian respondents were smaller, one-child families are more common (13 people out of 48 gave this answer).

Discussion and Conclusion. To conclude, Iranian and Russian respondents indicated different strategies and answers in the field of family formation. We can find both supporters of the traditional model of family relations and the modern model of the family. On the one hand, they deny the material motive for marriage, but they believe that the financial situation of the parties affects the creation of an interethnic marriage. Perhaps, in the latter case, we are talking about the perception of the homogeneity of spouses in terms of material well-being as a condition for a successful marriage.

The study revealed a rather friendly attitude towards interethnic marriages in both countries. Perhaps the results were influenced by the fact that the survey was conducted among urban residents with a predominantly higher education. Intercultural marriages are quite common, especially in Russian society. A significant part of the respondents answered that around them, there are persons who are in interethnic marriages. And most of the respondents themselves could marry a representative of another ethnic group professing a different religion. The respondents believe that the people around them have a positive attitude towards interethnic marriages, and, when it comes to their personal experience, the attitude of relatives and friends was mostly benevolent from the very beginning or changed to benevolent rather quickly. However, some of the respondents note the problems arising in interethnic marriages associated with misunderstanding and rejection.

It is worth noting there are significant differences in the age structure of respondents from Iran and Russia: the average age of respondents in Iran was 23.9 years, in Russia – 34.1 years, sample structure by age varies considerably across countries. This affected, to a certain extent, the differences in the answers, specially, on the characteristics of the flows of mutual assistance with the parental family.

Among the respondents from the two countries one can find both supporters of the traditional model of family relations and the modern model of the family.

There is some contradiction in the answers of the respondents: on the one hand, they deny the material motive for marriage, but they believe that the financial situation of the parties affects the creation of an interethnic marriage. Perhaps, in the latter case, we are talking about the perception of the homogeneity of spouses in terms of the level of material well-being as a condition for a successful marriage.

The study revealed a rather friendly attitude towards inter-ethnic marriages in both countries. Perhaps the results were influenced by the fact that the survey was conducted among urban residents with a predominantly higher education.

Intercultural marriages are quite common, especially in Russian society. A significant part of the respondents answered that there are persons in inter-ethnic marriages among their entourage. And most of the respondents themselves could marry a representative of another ethnic group professing a different religion. The respondents believe that their environment also has a positive attitude towards interethnic marriages, and, when it comes to their personal experience, the attitude of relatives and friends was mostly benevolent from the very beginning or changed

to benevolent rather quickly. However, some of the respondents note the problems arising in interethnic marriages associated with misunderstanding and rejection.

The study's findings make it possible to eliminate specific information gaps in the context of attitudes towards cross-cultural marriages and ideas about the desired family models. The results obtained will help form a family policy strategy and support cross-cultural marriages in Russia and Iran, and other countries distinguished by cultural diversity. Among the subjects of such a policy, vocational education institutions are the most important. The study made it possible to outline other ways of collecting empirical data to obtain more representative and detailed estimates. It is necessary to conduct a study covering more people in inter-ethnic marriage living in Iran and Russia. It is also advisable to conduct a study in the control group among persons, not in interethnic marriages, which allows us to reveal the specifics of the interethnic marriages more correctly. It is worth paying attention to the possibilities of ethnic communities to form the sample population. The study showed a significant differentiation in the answers of both Iranian and Russian respondents, indicating a variety of strategies in the field of family formation.

REFERENCES

1. Sullivan C., Cottone R. Culturally Based Couple Therapy and Intercultural Relationships: A Review of the Literature. *The Family Journal*. 2006;14(3):221–225. doi: <https://doi.org/10.1177/1066480706287278>
2. Bhugra D., De Silva P. Couple Therapy Across Cultures. *Sexual and Relationship Therapy*. 2000;15(2):183–192. doi: <https://doi.org/10.1080/14681990050010763>
3. Root M.P. Love's Revolution: Interracial Marriage. Philadelphia: Temple University Press.; 2001. Available at: https://www.researchgate.net/publication/37707627_Love's_Revolution_Interracial_Marriage accessed 15.12.2021).
4. Topilin A.V. Interethnic Families and Migration: Issues of Interactions. *Sociological Studies*. 1995;(7):76–82. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42638931&> (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
5. Lurie S.V. Interethnic Marriages in the Contemporary Russian National Script. *St. Petersburg Sociology Today*. 2018;(10):122–148. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>
6. Alaguev M.V. Entry into Intercultural Marriage: Factors of Spouse Choice. *National Psychological Journal*. 2021;(1):63–75. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0106>
7. Sikevich Z.V., Possel Y.A. The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Interethnic and Mono-Ethnic Families (A Comparative Analysis). *Sociological Journal*. 2019;25(1):121–136. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/soc-jour.2018.25.1.6282>
8. Joyner K., Kao G. Interracial Relationships, and the Transition to Adulthood. *American Sociological Review*. 2005;70(4):563–581. doi: <https://doi.org/10.1177/000312240507000402>

9. Johnson B., Jacobson C. Contact in Context: An Examination of Social Settings on Whites' Attitudes Toward Interracial Marriage. *Social Psychology Quarterly*. 2005;68(4):387–399. doi: <https://doi.org/10.1177/019027250506800406>

10. Törnngren S.O. Attitudes Toward Interracial Marriages and the Role of Interracial Contacts in Sweden. *Ethnicities*. 2016;16(4):568–588. doi: <https://doi.org/10.1177/1468796816638400>

11. Hirschl T.A., Altobelli J., Rank M.R. Does Marriage Increase the Odds of Affluence? Exploring the Life Course Probabilities. *Journal of Marriage and the Family*. 2006;65(4):927–938. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x>

12. Fisman R.J., Iyengar S.S., Kamenica E. Gender Differences in Mate Selection: Evidence from a Speed Dating Experiment. *Quarterly Journal of Economics*. 2006;121(2):673–697. doi: <https://doi.org/10.7916/D8FB585Z>

13. Khosravi S. Displaced Masculinity: Gender and Ethnicity among Iranian Men in Sweden. *Iranian Studies*. 2009;42(4):591–609. doi: <https://doi.org/10.1080/00210860903106311>

14. Ryazantsev S.V., Sivoplyasova S.Yu., Rostovskaya T.K., Bushkova L.A. Marriage Emigration of Women from Russia: Scale, Reasons, Features. *Woman in Russian Society*. 2018;(4):85–99. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>

15. Babochkin P.I. Cross-Cultural Marriages in a Multi-Ethnic Environment. *Upravlenie megapolisom*. 2008;(3):54–58. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13005014> (accessed 15.01.2022). (In Russ.)

16. Rostovskaya T.K., Kuchmayeva O.V. Imagery of the Young Russian People about Family Life: Sociological Aspect. *Management Issues*. 2015;(3):85–91. Available at: <https://editorial.journal-management.com/file/47AC199C-5FEA-4979-9BCE-A1D3783AE717> (accessed 18.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Rostovskaya T.K., Rostovskaya N.A. Cross-Cultural Marriages in Youth Milieu: Issues, Trends. *Cultural Heritage of Russia*. 2016;(2):78–83. Available at: <http://i.kultnasledie.ru/ru/73/5fe576c47811e7951bcd9038568ca2/-/KHP13.pdf> (accessed 12.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Eksakusto T.V., Amanova S.R., Schock I. Cognitive and Value Aspects of Young People Attitude to Marriage: Cross-Cultural Analysis. *Modern Scientific Researches and Innovations*. 2016;(10). Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72051> (accessed 29.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Voroncova J., Ermolaev V. Generation Z' Gender-Based Representations of Family: Cross-Cultural Analysis. *Psychologist*. 2016;(3):79–95. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.3.19518>

20. Rostovskaya T.K., Suleimanov A.D. Viability of Cross-Cultural Marriages in Russia and Azerbaijan. *Vestnik VEGU*. 2017;(2):110–117. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29004373> (accessed 19.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Rostovskaya T.K., Lukyanets A.S., Ryazantsev N.S. Features and trends of cross-cultural marriages in Japan. *Alma mater (Higher School Herald)*. 2020;(11):78–83. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.20339/AM.11-20.078>

22. Jalali B. Iranian Families. In: McGoldrick M., Giordano J., Garcia-Preto N., eds. *Ethnicity and Family Therapy*. New York: Guilford Press; 2005. p. 451–467. Available at: <https://unh.instructure.com/courses/27085/files/919139/download?verifier=degyCpvCOK-W2hZj9U4qKc98xV66Detszi37meT6w&wrap=1> (accessed 13.01.2022).

23. Chaichian M. A. First Generation Iranian Immigrants and the Question of Cultural Identity: The Case of Iowa. *International Migration Review*. 1997;31(3):612–627. doi: <https://doi.org/10.1177/019791839703100304>
24. Ruebelt S., Singaravelu H., Daneshpour M., Brown C. Exploration of Cross-Cultural Couples' Marital Adjustment: Iranian American Women Married to European American Men. *Current Psychology*. 2015;35:437–449. doi: <https://doi.org/10.1007/S12144-015-9312-3>
25. Zakharov S. Prospects for Fertility in Russia. Second Demographic Transition. *Obshchestvennye zapiski*. 2005;(3). Available at: <https://strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> (accessed 13.01.2022).

Submitted 11.11.2021; approved after reviewing 29.12.2021; accepted for publication 12.01.2022.

About the authors:

Tamara K. Rostovskaya, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6 building 1 Fotievoy St., Moscow 119333, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, Scopus ID: 57192987864, rostovskaya.tamara@mail.ru

Oksana V. Kuchmaeva, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6 building 1 Fotievoy St., Moscow 119333, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0386-857X>, Scopus ID: 35183367300, kuchmaeva@yandex.ru

Mehdi Afzali, Senior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6 building 1 Fotievoy St., Moscow 119333, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-5639>, Scopus ID: 57212506339, mehdiafzali1991@gmail.com

Elena A. Irsetskaya, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>, Scopus ID: 57195632910, airsetskaya@fa.ru

Contribution of the authors:

T. K. Rostovskaya – scientific supervision; research concept and methodology; critical analysis and revision of the text; project administrator.

O. V. Kuchmaeva – research concept and methodology; scientific supervision; formalized data analysis; preparation of the original text of the article; critical analysis and revision of the text.

M. Afzali – review of international experience; data collection and evidence; visualization/presentation of data in the text; revision of the text.

E. A. Irsetskaya – review of international experience; formalized data analysis.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sullivan C., Cottone R. Culturally Based Couple Therapy and Intercultural Relationships: A Review of the Literature // *The Family Journal*. 2006. Vol. 14, issue 3. Pp. 221–225. doi: <https://doi.org/10.1177/1066480706287278>
2. Bhugra D., De Silva P. Couple Therapy across Cultures // *Sexual and Relationship Therapy*. 2000. Vol. 15, issue 2. Pp. 183–192. doi: <https://doi.org/10.1080/14681990050010763>
3. Root M. P. *Love's Revolution: Interracial Marriage*. Philadelphia : Temple University Press., 2001. 240 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/37707627_Love's_Revolution_Interracial_Marriage (дата обращения: 15.12.2021).
4. Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // *Социологические исследования*. 1995. № 7. С. 76–82. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42638931&> (дата обращения: 15.12.2021).
5. Лурье С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // *Петербургская социология сегодня*. 2018. № 10. С. 122–148. doi: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>
6. Алагуев М. В. Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера // *Национальный психологический журнал*. 2021. № 1 (41). С. 63–75. doi: <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0106>
7. Сикевич З. В., Поссель Ю. А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25, № 1. С. 121–136. doi: <https://doi.org/10.19181/soc-jour.2018.25.1.6282>.
8. Joyner K., Kao G. Interracial Relationships, and the Transition to Adulthood // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70, issue 4. Pp. 563–581. doi: <https://doi.org/10.1177/000312240507000402>
9. Johnson B., Jacobson C. Contact in Context: An Examination of Social Settings on Whites' Attitudes Toward Interracial Marriage // *Social Psychology Quarterly*. 2005. Vol. 68, issue 4. Pp. 387–399. doi: <https://doi.org/10.1177/019027250506800406>
10. Törnngren S. O. Attitudes Toward Interracial Marriages and the Role of Interracial Contacts in Sweden // *Ethnicities*. 2016. Vol. 16, issue 4. Pp. 568–588. doi: <https://doi.org/10.1177/1468796816638400>
11. Hirschl T. A., Altobelli J., Rank M. R. Does Marriage Increase the Odds of Affluence? Exploring the Life Course Probabilities // *Journal of Marriage and the Family*. 2006. Vol. 65, issue 4. Pp. 927–938. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x>
12. Fisman R. J., Iyengar S. S., Kamenica E. Gender Differences in Mate Selection: Evidence from a Speed Dating Experiment // *Quarterly Journal of Economics*. 2006. Vol. 121, issue 2. Pp. 673–697. doi: <https://doi.org/10.7916/D8FB585Z>
13. Khosravi S. Displaced Masculinity: Gender and Ethnicity among Iranian Men in Sweden // *Iranian Studies*. 2009. Vol. 42, issue 2. Pp. 591–609. doi: <https://doi.org/10.1080/00210860903106311>
14. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности / С. В. Рязанцев [и др.] // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 85–99. doi: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8>

15. Бабочкин П. И. Кросскультурные браки в полиэтнической среде // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С. 54–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13005014> (дата обращения: 15.01.2022).
16. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 3 (34). С. 85–91. URL: <https://editorial.journal-management.com/file/47AC199C-5FEA-4979-9BCE-A1D3783AE717> (дата обращения: 18.12.2021).
17. Ростовская Т. К., Ростовская Н. А. Кросскультурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции // Культурное наследие России. 2016. № 2. С. 78–83. URL: <http://i.kultnasledie.ru/u/73/5fe576c47811e7951bcd9038568ca2/-/KHP13.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
18. Эксакусто Т. В., Аманова С. Р., Шок И. Когнитивно-смысловой аспект отношения к браку молодых людей: кросскультурный анализ // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 10. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72051> (дата обращения: 29.12.2021).
19. Воронцова Ю., Ермолаев В. В. Гендерные представления о семье у поколения Z: кросс-культурный анализ // Психолог. 2016. № 3. С. 79–95. doi: <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.3.19518>
20. Ростовская Т. К., Сулейманов А. Д. Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане // Вестник ВЭГУ. 2017. № 2 (88). С. 110–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29004373> (дата обращения: 19.12.2021).
21. Ростовская Т. К., Лукьянец А. С., Рязанцев Н. С. Особенности и тенденции кросскультурных браков в Японии // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 78–83. doi: <https://doi.org/10.20339/AM.11-20.078>
22. Jalali B. Iranian Families // Ethnicity and Family Therapy / ed. By M. McGoldrick, J. Giordano, N. Garcia-Preto. New York : Guilford Press, 2005. Pp. 451–467. URL: <https://unh.instructure.com/courses/27085/files/919139/download?verifier=degyCpvCOKW2hZ-j9U4qKc98xV66Detszi37meT6w&wrap=1> (дата обращения: 13.01.2022).
23. Chaichian M. A. First Generation Iranian Immigrants and the Question of Cultural Identity: The Case of Iowa // International Migration Review. 1997. Vol. 31, issue 3. Pp. 612–627. doi: <https://doi.org/10.1177/019791839703100304>
24. Exploration of Cross-Cultural Couples' Marital Adjustment: Iranian American Women Married to European American Men / S. Ruebelt [et al.] // Current Psychology. 2015. Vol. 35. Pp. 437–449. doi: <https://doi.org/10.1007/S12144-015-9312-3>
25. Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <https://strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> (дата обращения: 13.01.2022).

Поступила 11.11.2021; одобрена после рецензирования 29.12.2021; принята к публикации 12.01.2022.

Об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

(119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, Scopus ID: 57192987864, rostovskaya.tamara@mail.ru

Кучмаева Оксана Викторовна, главный научный сотрудник Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0386-857X>, Scopus ID: 35183367300, kuchmaeva@yandex.ru

Афзали Мехди, старший научный сотрудник Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-5639>, Scopus ID: 57212506339, mehdiafzali1991@gmail.com

Ирсетская Елена Александровна, доцент Финансового университета при правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>, Scopus ID: 57195632910, cairsetskaya@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Т. К. Ростовская – научное руководство; концепция и методология исследования; критический анализ и доработка текста; администратор проекта.

О. В. Кучмаева – концепция и методология исследования; научное руководство; формализованный анализ данных; подготовка первоначального текста статьи; критический анализ и доработка текста.

М. Афзали – обзор международного опыта; сбор данных и доказательств; визуализация/представление данных в тексте; доработка текста.

Е. А. Ирсетская – обзор международного опыта; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Влияние религиозной идентичности мужчин на формирование института отцовства

Ч. И. Ильдарханова¹ ✉ В. А. Гневашева¹ А. Р. Абдульязов¹ О. Р. Пятинина²

¹ Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация)

² Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация)

✉ chulpanildusovna@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность научного изучения религиозного аспекта отцовства обусловлена значимостью роли мужчины в устойчивости родительских и семейных отношений в период демографического кризиса. Цель статьи – на основе авторского эмпирического исследования осуществить анализ ряда аспектов репродуктивного, генеративного и брачного поведения мужчин с учетом их религиозной принадлежности как фактора, определяющего формирование образа семьи, предполагаемого традиционными религиями.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужили данные социологического исследования, проведенного авторами в двух субъектах Российской Федерации – Республике Татарстан и Вологодской области. Объектом исследования выступили мужчины от 18 до 49 лет. Выборка составила 1 353 чел. Применение компаративного, экономико-статистического, факторного методов анализа позволило определить степень влияния религиозной принадлежности мужчин на их генеративное поведение.

Результаты исследования. Расчет средних значений определил сравнительное превосходство ценности семьи относительно ценности работы у всех подгрупп опрошенных мужчин вне зависимости от включенности в религиозный контекст, однако у религиозных мужчин семья в структуре жизненных ценностей выражена заметнее. Выявлены некоторые особенности ролевого распределения в семьях, ожидания количества детей, ориентации на воспитание и соучастие взрослению детей в семье, детерминации образа отца и поведения самих респондентов. Религиозная принадлежность

© Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Абдульязов А. Р., Пятинина О. Р., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

мужчин влияет на их желание иметь большее количество детей: христиане склоняются к двухдетности, мусульмане – к двух- и многодетности. Среди неверующих меньше процент желающих стать многодетными отцами.

Обсуждение и заключение. Исследование влияния религиозной идентичности мужчин на генеративное поведение позволило определить факторы, обуславливающие формирование репродуктивного поведения, информация о которых поможет в дальнейшем разработать меры повышения рождаемости с учетом роли института отцовства и конфессиональной принадлежности мужчин. Результаты исследования могут быть использованы при разработке мероприятий по реализации демографической и семейной политики.

Ключевые слова: отцовство, поведенческие конструкты, генеративное поведение, брачное и репродуктивное поведение, конфессиональная и религиозная идентификация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)» № 19-011-00644.

Для цитирования: Влияние религиозной идентичности мужчин на формирование института отцовства / Ч. И. Ильдарханова [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 424–446. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.424-446>

Original article

The Influence of Men's Religious Identity on Fatherhood Institute Formation

Ch. I. Ildarkhanova^a✉, V. A. Gnevasheva^a, A. R. Abdulzyanov^a, O. R. Pyatinina^b

^a Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russian Federation)

^b Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)
✉ chulpanildusovna@gmail.com

Abstract

Introduction. Scientific study of religious aspect of fatherhood is actual due to the significance of the man's role in sustainability of parental and family relations in conditions of a demographic crisis. The aim of the article is to analyze a range of reproductive, generative and marital behavior of men defined by their religious identification as a factor that influences the formation of a family image that is shared in traditional religions.

Materials and Methods. Empirical basis of the study includes data of social survey held by authors in two subjects of Russian Federation – in the Republic of Tatarstan and Vologda Region. The object of the study – men at the age of 18–49, the sample – 1 353 men. Use of comparative, economic-statistical and factor methods of analysis allowed to define the level of the influence of men's religious identity on their generative behavior.

Results. The calculation of average values has defined comparative superiority of the value of the family in comparison with the value of work in all subgroups of the surveyed men, regardless of their involvement in the religious context, however, among religious men the family in the structure of life values is more vivid. Some peculiarities of the role distribution in families, expectations towards the number of children in the family, orientation towards

upbringing and complicity in the growing up of children in the family, determination of the image of a father and correspondingly behavior of the respondents were determined. Men's religious identity influences their desire to have bigger number of children: Christians tend to have two children while Muslims want to have more than two children. The percentage of men who desire to become a father of many children is less among those who don't believe in God. **Discussion and Conclusion.** The study of the influence of men's religious identity on generative behavior allowed to reveal factors causing formation of reproductive behavior. This data will help to work out measures to increase the birth rate into account the role of fatherhood institute and confessional identity of a man. Results of the research can be used in the process of developing measures for the implementation of demographic and family policy.

Keywords: fatherhood, behavioral constructs, generative behavior, marital and reproductive behavior, confessional and religious identification

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project 19-011-00644 "Generative behavior of Russian men in conditions of demographic crisis: comparative analysis in Volga and Northern-Western districts of Russian Federation".

For citation: Ildarkhanova Ch.I., Gnevasheva V.A., Abdulzyanov A.R., Pyatinina O.R. The Influence of Men's Religious Identity on Fatherhood Institute Formation. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):424–446. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.424-446>

Введение. Демографическая ситуация в России в 2020–2021 гг. характеризуется естественной убылью населения, которая определяется увеличением смертности и снижением рождаемости. Общий коэффициент рождаемости по стране за данный период снизился на 3 % (даже такой небольшой процент в условиях длительного снижения уровня рождаемости все равно является весьма значимым). В данном аспекте большая роль принадлежит не только женскому, но и мужскому населению. Высокая сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста, особенно в эпидемиологический период распространения COVID-19, вносит свои коррективы в процесс естественного воспроизводства населения. Российский показатель коэффициента смертности трудоспособного населения в период с 2017 по 2019 г. был практически на одном уровне (4,7–4,8 ‰), но в 2020 г. вырос на 11 % (5,2 ‰), при этом смертность в трудоспособном возрасте существенно выше у мужчин (больше чем в 3 раза). В 2020 г. коэффициент смертности мужчин трудоспособного возраста был равен 8,2 ‰, женщин – 2,5 ‰.

Изучение генеративного поведения мужчин, включающего установки на создание семьи, рождение детей и участие в их воспитании, обусловлено, с одной стороны, проблемой воспроизводства населения, с другой – традиционным переключением ответственности за сохранение института семьи только на женщину [1]. В современных условиях формирования нового гендерного порядка на основе принципа гендерного равноправия происходит переосмысление

роли мужчин и женщин в семейной сфере. В рамках нового гендерного порядка институт отцовства требует особого внимания и является равноправным субъектом действий, равновесным институту материнства. Значимость роли отца в создании крепкой семьи и воспитании детей, как и матери, в Российской Федерации впервые на государственном уровне закреплена указом Президента В. В. Путина № 573 от 4 октября 2021 г. об учреждении Дня отца.

Несмотря на то, что в соответствии с Конституцией Российская Федерация – светское государство, духовенство активно включено в процесс укрепления института семьи и брака, популяризацию традиционных семейных ценностей. В современных российских семьях, где вероисповедание имеет большое значение, одним из важных факторов формирования семейно-родительского образа жизни мужчин выступает религия. Необходимо учитывать, что идентификация себя с религией у опрошенных мужчин носит скорее формальный характер, в этой связи не стоит соотносить полученные выводы с группой мужчин, практикующих все нормы христианства или ислама. Однако нами четко выявлен положительный вектор влияния религии на семейно-центристские стратегии современных мужчин. Результаты исследования были апробированы на научных конференциях, а также на заседаниях Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, Общественной Палаты Республики Татарстан, Кабинета Министров Республики Татарстан.

Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать аспекты репродуктивного, генеративного и брачного поведения мужчин с учетом их религиозной принадлежности как фактора, определяющего формирование образа семьи, предполагаемого традиционными религиями.

Обзор литературы. В XXI в. произошли существенные изменения в структуре семьи. Положение классической нуклеарной семьи изменилось с нормы на один вариант из многих, а понимание семьи диверсифицировалось. Таким образом, биологически детерминированные представления о родительстве начали разрушаться. Хотя стоит отметить, что до сих пор не изучен в полной мере вопрос о восприятии биологического отца в качестве социального [2].

Современное общество характеризуется отличной от прежних исторических периодов структурой распределения супружеских обязанностей – женщины стали уделять домашнему хозяйству меньше времени и осуществлять свою трудовую деятельность наравне с мужчинами, а мужчины стали активно включаться в домашнюю деятельность; при этом по-прежнему большая доля домашних обязанностей и заботы о членах семьи ложится на плечи женщин. Как пишут отечественные ученые, «в тот период, когда формировались представления об образе идеального работника, интенсивно вовлеченного в работу, складывались и представления об образе интенсивного материнства»¹.

¹ Родительский труд: возможности государственного регулирования : моногр. / А. П. Багирова [и др.] ; под общ. ред. А. И. Ворошиловой, проф. А. П. Багировой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 196 с.

Промышленная революция установила систему «добытчик – домохозяйка». С тех пор роль отца как заботливого воспитателя и образца для подражания была обесценена. В системе «добытчик – домохозяйка» мужчины были единственными кормильцами в семье, а женщины были домохозяйками полный рабочий день, не имея посторонней или оплачиваемой работы. Таким образом, дети и дом возлагались на женщин, и мужчины не несли за них никакой ответственности. Сегодня мало обществ, в которых все еще преобладает данная модель, однако роль отца еще не восстановлена во всей своей сущности. На практике отцовство получает мало признания. Общество, институциональные учреждения и организации не способствуют полноценному развитию мужчин в роли отцов².

В научной литературе большое внимание уделяется изучению вопросов материнства, при этом к исследованию института отцовства интерес появился только в последние годы. Подходы к отцовству широко варьируются от тех, в которых главный фокус направлен на основную заботу о том, чтобы быть дисциплинарным и кормильцем, до иных, в которых авторы сосредоточены на воспитании и уходе за детьми со многими возможными типами и комбинациями между ними. Происходит трансформация модели отцовства от «отсутствующего отца» к «вовлеченному отцу» [3]. Культуры с более вовлеченными отцами, как правило, более мирные и имеют больше гендерного равенства [4].

При анализе института отцовства и отдельных критериев классификации типов отцовства важно опираться на базовые, фундаментальные труды теоретиков и практиков: теоретико-методологические подходы к феномену отцовства [5–14], поведенческим и ценностным ориентациям молодых людей в вопросах брака и семьи [15; 16], общественным образам отцовства [17; 18] и т. д. Зарубежные исследователи определили корреляцию между суммарным коэффициентом рождаемости и Индексом человеческого развития [19; 20], выявили взаимосвязь между активной включенностью отца в уход за детьми и устойчивостью супружеских отношений [21], определили индикаторы, позволяющие замерить объем и качество отцовской активности [22; 23]. Л. Сейер, С. М. Бианчи, Дж. П. Робинсон проанализировали изменения в характере отцовской заботы на протяжении времени [24]. Другими учеными изучен социально-стратификационный контекст отцовства³ [25–30].

Духовные аспекты отцовства сегодня раскрываются во многих исследованиях, в которых ставится задача изучить влияние духовного развития

² Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives / ed. by M. Grau-Grau [et al.]. Springer, 2022. 325 p.

³ Sunstein C. Social Norms and Social Roles // Columbia Law Review. 1996. Vol. 96, issue 4. Pp. 903–968; Pagel M. Wired for Culture: Origins of the Human Social Mind. New York : Norton, 2012. 416 p.; Patten T., Parker K. A Gender Reversal on Career Aspiration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2012/04/19/a-gender-reversal-on-career-aspirations/> (дата обращения: 28.11.2021); Lamb M. E. A Biosocial Perspective on Paternal Behavior and Involvement // Parenting Across the Lifespan: Biosocial Dimensions / M. E. Lamb [et al.]. Hawthorne, New York : Aldine de Gruyter, 1987. Pp. 111–142. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315126005-7>

общества на формирование ответственного института отцовства⁴. Отцовство является конструкцией, которая встроена в социальный контекст, а не только основана на генетических факторах. Соответственно, отцовство принципиально отличается от материнства [2]. Отцовство как социально сконструированная сущность может быть изменено посредством повседневного взаимодействия культурных ожиданий и/или религиозных влияний⁵. Зарубежные ученые осуществляют попытку изучить процессы, посредством которых религия информирует о значении отцовства и участии отцов в определенном социальном контексте [31]. При изучении темы новых практик и идеалов отцовства необходимо сделать акцент на практике ухода и концепции заботы, поскольку забота о близких людях в виде детей и более широкой семьи формирует не только идеи вовлеченного отцовства, но и стремление быть хорошим представителем своей религии [32].

Несмотря на большой пласт работ по становлению и трансформации института отцовства, возникает необходимость более детального исследования ряда аспектов формирования института семьи, в том числе с учетом религиозной идентичности мужчин. То, как социальные, культурные и исторические контексты формируют процесс того, как мужчины становятся отцами детей, и какие специфические для культуры процессы позволяют мужчинам стать вовлеченными отцами, редко рассматривается.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили данные прикладного социологического исследования «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса», выполненного в рамках реализации гранта РФФИ. В исследовании применялся метод анкетирования, инструментарий включал в себя 68 вопросов. В опросе, проведенном авторами статьи⁶, приняли участие 1 353 респондента (мужчины) двух субъектов – Республики Татарстан и Вологодской области, репрезентирующие модели генеративного поведения, характерные для Приволжского и Северо-Западного федеральных округов Российской Федерации. Выборка сплошная, на последнем этапе гнездовая. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Обработка данных исследования осуществлялась с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS Statistics.

⁴ Шиманский Г. И. Христианская добродетель целомудрия и чистоты: По учению святых отцов и подвижников православной церкви. М.: Данилов. благовестник, 1997. 477 с.; Арсеньев Н. С. Духовные традиции русской семьи // Православие в жизни: сб. ст. / под ред. С. С. Верховского. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953 (New York: Rausen Bros.). С. 213–239.

⁵ Lorber J. Paradoxes of Gender. Yale University Press, 2008. 546 p.

⁶ Федеральная служба по интеллектуальной собственности выдала Центру семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621560 «Социологическое исследование “Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса”» на платформе IBM SPSS STATISTICS. Правообладатель: Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан». Автор: Ильдарханова Чулпан Ильдусовна.

Для проведения сравнительного анализа были сделаны двумерные и многомерные таблицы корреляции по различным факторам: регион проживания, религиозная принадлежность, наличие детей, желание респондентов иметь (еще одного) ребенка, желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка, желание респондентов походить на своего отца, желание респондентов воспитывать собственных детей так же, как их воспитывали их родители, готовность респондентов воспитывать приемных детей.

Для описания полученных данных использован тезаурусный анализ, метод параллельных данных, факторный анализ, применены экономико-статистические и социологические методы обработки результатов исследования. В том числе был проведен компаративный анализ ответов респондентов по критерию «вера» с уточнением ряда позиций по дополнительному критерию «конфессия». На основании полученных методов выявлены ценностные ориентации мужчин (отцов) с учетом влияния их религиозной принадлежности на генеративное поведение.

Результаты исследования. Анализ полученных эмпирических данных выявил, что аспекты самоидентификации верующего (или неверующего) человека выражают его разное внутреннее состояние, определяют его ценностные ориентации, в том числе в рамках брачного и репродуктивного поведения. Идентификация с определенной конфессией влияет на оценочные суждения опрошенных мужчин в рассматриваемых вопросах. Вместе с тем позиционирование себя как верующего либо как последователя конкретного религиозного направления далеко не в полной мере определяет ретрансляцию полученных в рамках исследования ответов на все сообщество верующих (или неверующих) мужчин либо представителей той или иной конфессии. Выбранные и оцениваемые маркеры «вера», «христианство», «ислам», «иная конфессия», скорее, выступают некоторыми общественными ориентирами для респондентов, нежели критериями их внутреннего, личного выбора. Даже в этом приближенном представлении позиционирования идентичности в контексте того или иного маркера можно отметить предпосылки трансформации социального и отчасти личного поведения опрошенных мужчин.

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в среднем по выборке отмечается утверждением позиции у каждого второго респондента. Среди доминантных национальностей, представленных в исследовании, утвердительная позиция выбрана в сопоставлении в 60,1 % случаев русскими и в 36,9 % – татарами, а отрицательная – в 75,7 % случаев русскими и в 23,4 % – татарами. Среди всех опрошенных русских 45,5 % ответили утвердительно, 38,4 % – отрицательно, среди всех опрошенных татар 60,6 % выбрали утвердительный ответ и 25,5 % – отрицательный.

Интересно отметить, что среди тех, кто относит себя к христианам, одновременно верующими определяют себя 73,7 % респондентов, но 22,9 % при этом затрудняются ответить на вопрос «Вы считаете себя верующим

человеком?». Среди тех, кто относит себя к исламу, 81,0 % самоидентифицируются как верующие, 15,4 % – затруднились ответить. Также в обеих группах есть те, кто отрицательно ответил на вопрос об определении себя верующими, но они представлены в небольшом количестве. Подобное распределение подтверждает факт преемственности религиозной принадлежности, которая условно передается в рамках семьи.

Из тех, кто определяет себя верующим, 25,8 % – причисляют себя к выбранной конфессии в силу того, что вся их семья относится к данной религии; еще 26,9 % – верят и совершают обряды, оставшиеся 50,0 % – верят, но обряды не совершают. Таким образом, принадлежность к вере носит условный характер, равно как и принадлежность конфессии не несет внутренней готовности следовать основным догматическим постулатам выбранной религии.

В контексте темы статьи важно отметить особенности формирования религиозного аспекта отцовства в сопоставлении с территорией проживания, в частности в распределении по представленным выбранным подгруппам двух субъектов Российской Федерации.

В целом, отвечая на вопрос, считают ли респонденты себя верующими, отмечается чуть большая доля положительных ответов среди респондентов Республики Татарстан (59,9 % против 39,9 % в Вологодской области).

При этом для представителей Вологодской области очевидна доминанта выбора в качестве религиозной принадлежности «христианство», так ответили 95,5 % респондентов из Вологодской области. В то время как для представителей Республики Татарстан отмечается дифференциация религиозного выбора: 39,7 % респондентов причисляют себя к «христианам», 56,5 % – идентифицируют себя с исламом. Выбор иных конфессий крайне мал среди респондентов обоих регионов – менее 3 %.

Традиционно верует, т. е. причисляет себя к той или иной религии по причине того, что вся семья относит себя к соответствующей конфессии, примерно в равной степени каждый третий из отвечавших в обоих рассматриваемых регионах (27,9 % респондентов Республики Татарстан и 33,2 % представителей Вологодской области). При этом «верить по привычке» в большей степени склонны все же респонденты Вологодской области – наследуя традиционно (в рамках малой социальной группы – семьи) конфессию (в подавляющем большинстве это христианство), респонденты данной подвыборки в большей степени реализуют свою веру пассивным участием в соответствующих религиозных действиях, обрядах (определяя степень своей причастности к вере и характер ее позиционирования, выбрали позицию «посещаю церковь, участвую в обрядах» 72,6 % отвечавших представителей Республики Татарстан и 27,4 % представителей Вологодской области). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для респондентов Вологодской области религия представляется значимым и неотъемлемым компонентом тезауруса, который влияет на формирование поведенческих ориентаций, в том числе и в рамках

семейно-брачных отношений. Однако данный аспект укореняется в своем традиционализме, наследуясь преемственно, в рамках малого социального окружения, без активного участия непосредственно в соответствующих религиозных общинах. Он трансформируется в некоторый социально-ценностный атрибут (рудимент), во многом уже далекий от реальной ценностной концепции соответствующей религиозной конфессии. В то время как представители Республики Татарстан хоть и более осторожно утверждают свою причастность к некоторой конфессии, все же в случае своей идентификации занимают активную позицию участия в жизни религиозной общины, ретранслируя те нормы и ценности, в том числе и в рамках семейно-брачных отношений, которые формирует соответствующая конфессия. При этом важно подчеркнуть, что среди отвечавших респондентов Республики Татарстан практически 40 % – это представители христианства.

В демонстрации ряда позиций брачного и репродуктивного поведения также можно отметить некоторые отличия в дифференциации распределения по группам и соотношения с позицией веры и конфессии.

Вовлеченность мужчин в отцовство и реальная социальная ответственность за воспитание детей проявляются при структурировании отношений отцов и детей после расторжения брака, в котором был рожден ребенок. В частности, это можно проследить по тому, с кем проживают дети после развода. С учетом сложившейся традиции, обусловленной социальным предназначением женщины быть матерью, а также предпочтением решений суда в пользу матери при рассмотрении дел об опекунов, половина опрошенных мужчин вне зависимости от их религиозной идентичности или ее отсутствия указали, что при наличии детей от первого брака дети проживают с матерью. В то же время велика доля мужчин, отметивших, что дети от предыдущего брака проживают с ними и с их новыми супругами – среди верующих доля таковых 29,3 %, неверующих – 21,1 %. Позицию «с другими родственниками» выбирали чуть чаще те, кто определяют себя как неверующие (15,8 % против 9,8 %).

В распределении конфессиональной принадлежности чуть меньше представителей ислама ответили отрицательно на вопрос о готовности воспитывать приемных детей, представители христианства и иных конфессий примерно в половине ответов выбрали позиции, характеризующие в целом неготовность воспитывать приемных детей. Тех, кто ответил утвердительно на данный вопрос, мало среди всех вариантов конфессий, но достаточно много тех, кто затруднился с ответом, здесь больше ответов среди представителей ислама. Перспективный потенциал по воспитанию приемных детей в собственной семье в целом зафиксирован в группе мужчин, исповедующих ислам.

Желание иметь (еще одного) ребенка у жен респондентов той или иной конфессии больше среди тех, кто позиционирует себя как приверженца иных конфессий (50,0 %), в меньшей степени данное желание у жен респондентов

возникает среди тех, кто не верует (45,2 %) либо позиционирует себя как христианин (46,9 %).

Сами же опрошенные мужчины выражают желание иметь (еще одного) ребенка в примерной согласованности со своими супругами (в оценках респондентов), преимущественно отрицая подобное желание в группах неверующих (47,7 %) и христиан (45,7 %) и, наоборот, утверждая данное желание в группах приверженцев иных конфессий (45,5 %) и в группе последователей ислама (41,5 %). При этом христиане ориентируются в собственном репродуктивном поведении на 2 детей, представители ислама – на 2–3 детей, представители иных конфессий (в выборке их доля невелика) – на 3 детей.

По итогам рассмотренных вопросов можно сделать вывод относительно большей активности в репродуктивном поведении и больших ожиданий у представителей группы «иное» в отношении конфессий. Противоположной яркой группой, нивелирующей значимость репродуктивного поведения, выступает группа «неверующих». «Христиане» несколько сдержаны в своих желаниях, придерживаются традиционной семьи, определяемой по характеру простого воспроизводства (2 родителя + 2 ребенка). Опрошенные мусульмане ориентируются на расширенное воспроизводство, но вместе с тем доля таковых не является доминантной среди прочих ответов последователей данной конфессии.

Особенности формирования репродуктивного поведения также обуславливаются имеющейся ценностной и поведенческой моделью, сформированной в представлениях респондентов в рамках их малых групп – семей. В этой связи показательными являются ответы на вопросы о характере воспитания собственных детей в корреляционной зависимости от воспитания самих респондентов и вопросы о значимости отца как главы семьи и определяющего авторитета формирования и развития малой социальной группы.

Одной из гипотез исследования являлось влияние модели воспитания родителей опрошенных мужчин на готовность воспроизводить ее в собственном отцовском опыте. Примерно половина представителей подгрупп «христианство», «ислам», «не верю» выбрали утвердительный ответ «да, также». Для представителей «иных» конфессий определяющей в ответах стала позиция «не совсем так, как они» (43,5 %). Позиция «вообще иначе» является значимой для группы «иных» конфессий в преобладающем количестве выбора данного ответа в сравнении с прочими группами.

Фигура родного отца выступает идентификационным ориентиром для четверти респондентов – практически в равной степени по всем рассматриваемым группам опрошенные мужчины вне зависимости от их религиозной принадлежности хотели бы походить на своего отца во всем. Основной по значимости позицией выбора в данном вопросе выступает «в чем-то хотел бы, в чем-то нет» – примерно половина респондентов в каждой группе выбрали эту позицию. Ответ «нет, не хотел бы» преобладает в качестве выбора у группы «не верю» (35,1 %).

В отношении рассмотренных факторов репродуктивного поведения опрошенных мужчин можно привести уточняющие оценки в части определения корреляционных связей между позициями (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Корреляционные оценки ряда факторов репродуктивного поведения респондентов

Table 1. Correlation estimates of a number of reproductive behavior factors of respondents

Показатель / Indicator	Столбец 1 / Column 1	Столбец 2 / Column 2	Столбец 3 / Column 3	Столбец 4 / Column 4	Столбец 5 / Column 5
Столбец 1 / Column 1	1				
Столбец 2 / Column 2	0,88	1			
Столбец 3 / Column 3	-0,31	-0,71	1		
Столбец 4 / Column 4	-0,67	-0,94	0,85	1	
Столбец 5 / Column 5	0,17	0,61	-0,92	-0,84	1

Примечание / Note. В качестве факторов для корреляционных оценок были выбраны следующие: «желание респондентов иметь (еще одного) ребенка» (столбец 1), «желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка» (столбец 2), «желание респондентов походить на своего отца» (столбец 3), «желание респондентов воспитывать собственных детей также, как их воспитывали их родители» (столбец 4), «готовность респондентов воспитывать приемных детей» (столбец 5) / The following factors were selected as factors for correlation estimates: “respondents’ desire to have (one more) child” (column 1), “the spouse’s desire in the respondent’s estimates to have (one more) child” (column 2), “respondents’ desire to resemble their father” (column 3), “respondents’ desire to raise their own children as well as their parents raised them” (column 4), “respondents’ willingness to raise foster children” (column 5).

Наибольшая степень положительной корреляции характерна для факторов «желание респондентов иметь (еще одного) ребенка» (столбец 1), «желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка» (столбец 2) (0,88), что может быть объяснимо субъективностью позиции самого респондента.

Наибольшая степень отрицательной корреляции характерна для факторов «желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка» (столбец 2), «желание респондентов воспитывать собственных детей также, как их воспитывали их родители» (столбец 4) (-0,94), «желание респондентов походить на своего отца» (столбец 3), «готовность респондентов воспитывать приемных детей» (столбец 5) (-0,92), что может свидетельствовать об отсутствии устойчивой ценностной установки респондентов

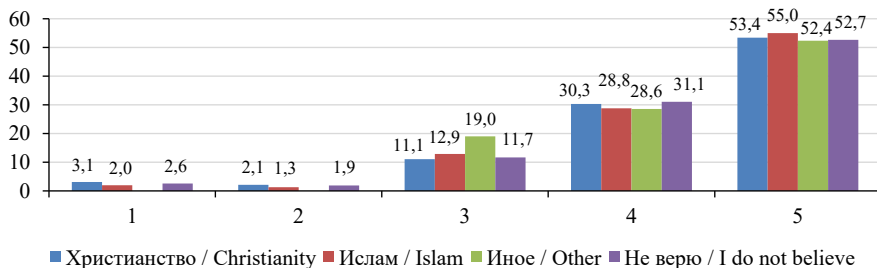
в отношении репродуктивного поведения, о наличии социального одиночества в семье, которое формируется преемственно от собственной семьи к создаваемой.

Отвечая на вопрос «Какие у Вас отношения со своими родителями?», респонденты в доминанте отмечают позицию «отличные, всем такие пожелаю» («христианство» – 53,5 %, «ислам» – 71,8, «иное» – 40,0, «не верю» – 48,4 %). В этой связи, несомненно, значимой данная позиция является для представителей ислама. В целом фактор отношений с родителями имеет большее значение для представителей традиционных религий (в рамках данного исследования – «христианство» и «ислам»). В некоторой девиации к прочим ответам выступает выбор позиции «обычные, иногда созваниваемся» представителями группы «иное» в определении конфессии (32,0 %).

Респонденты не в полной мере согласны с тем, что главной ролью мужчины является зарабатывание денег, а женщины – выполнение работы по домашнему хозяйству. Вместе с тем есть ряд позиций, отличных от общего распределения: позицию «абсолютно согласен» выбрали 30,5 % представителей «ислама», что на 4–10 п. п. больше, чем ответов представителей иных групп; в этом вопросе последователи ислама в большей степени солидарны с представителями группы неверующих. С другой стороны, несогласных с данным утверждением больше среди представителей группы «иное» (20,8 %, что на 8,5 п. п. больше, чем ответов у христиан, и на 15 п. п. – чем у представителей ислама).

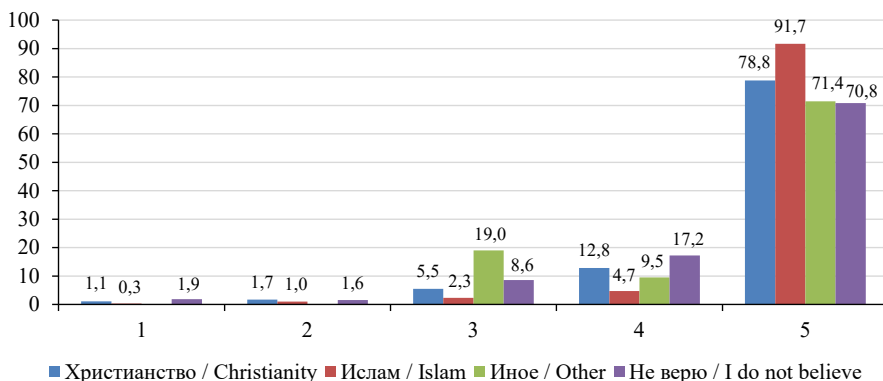
Опрошенные мужчины в целом по выборке оценивают работу в своей жизни как значимую составляющую; наиболее популярными ответами были «4 балла» и «5 баллов» по 5-балльной шкале оценок, где 5 отражает наибольшую значимость рассматриваемого фактора (рис. 1). При этом важно отметить примерную равномерность в определении степени ценности работы между представителями разных конфессий, а также тех, кто отнес себя к категории «не верю». С очень незначительными различиями представители группы «иное» являются доминирующими в выборе позиций «3 балла» и «5 баллов», чуть в большей степени можно отметить выраженную тенденцию для «христиан» тяготеть в ответах к позиции «4 балла» и далее снижать свои предпочтения в отношении работы.

Сопоставляя ответы, определяющие ценность работы с аналогичным вопросом о значимости семьи (рис. 2), важно подчеркнуть очевидную доминанту выбора позиции «5 баллов» для представителей всех подгрупп выборки. Расчет среднего арифметического значения по вопросам, касающимся ценности семьи и работы, выявил, что для всех изучаемых категорий респондентов характерна важность семьи относительно работы: средний балл у представителей христианства 4,29 (работа) против 4,66 (семья), у представителей мусульманской религии – 4,33 и 4,86, у представителей иных конфессий – 4,33 и 4,42 и у неверующих – 4,30 и 4,53 соответственно.

Р и с. 1. Распределение оценок респондентов о значимости работы (по 5-балльной шкале, где 5 – балл максимальной значимости), %

F i g. 1. Distribution of respondents' assessments of the significance of the work (on a five-point scale, where 5 is the maximum significance score), %

Р и с. 2. Распределение оценок респондентов о значимости семьи (по 5-балльной шкале, где 5 – балл максимальной значимости), %

F i g. 2. Distribution of respondents' assessments of the importance of the family (on a five-point scale, where 5 is the maximum significance score), %

Причем интересно также распределение мест в детерминации семьи как значимой категории в жизни респондентов: на первом месте – опрошенные мусульмане, затем – христиане, далее – представители иных конфессий, и завершают список представители группы неверующих. Возможно ли в данном случае определить детерминирование религиозным воспитанием формирования ценности «семьи» в мировоззрении респондентов? Однако подобная корреляция очевидно прослеживается в результатах опроса.

Некоторые дополнительные корреляционные связи между поведенческими установками респондентов в отношении семьи и работы отметим в рамках корреляционной матрицы (табл. 2).

Таблица 2. Корреляционные оценки значимости факторов «работа» и «семья» для респондентов

Table 2. Correlation estimates of the significance of the factors “work” and “family” for respondents

Показатель / Indicator	1 балл (работа) / 1ball (work)	2 балла (работа) / 2 balls (work)	3 балла- работа / 3 balls (work)	4 балла (работа) / 4 balls (work)	5 баллов (работа) / 5 balls (work)	1 балл (семья) / 1 ball (family)	2 балла (семья) / 2 balls (family)	3 балла (семья) / 3 balls (family)	4 балла (семья) / 4 balls (family)	5 баллов (семья) / 5 balls (family)
1 балл (работа) / 1ball (work)	1									
2 балла (работа) / 2 balls (work)	0,98	1								
3 балла-работа / 3 balls (work)	-0,99	-0,98	1							
4 балла (работа) / 4 balls (work)	0,92	0,96	-0,93	1						
5 баллов (работа) / 5 balls (work)	-0,85	-0,93	0,86	-0,97	1					
1 балл (семья) / 1 ball (family)	0,70	0,81	-0,70	0,89	-0,96	1				
2 балла (семья) / 2 balls (family)	0,96	0,99	-0,96	0,98	-0,96	0,87	1			
3 балла (семья) / 3 balls (family)	-0,81	-0,74	0,84	-0,68	0,52	-0,29	-0,68	1		
4 балла (семья) / 4 balls (family)	0,44	0,56	-0,42	0,63	-0,77	0,89	0,64	0,11	1	
5 баллов (семья) / 5 balls (family)	0,14	0,02	-0,18	-0,06	0,26	-0,49	-0,07	-0,67	-0,81	1

По результатам представленного корреляционного анализа выполнена типологизация на группы.

Первая группа – «*нигилисты*» – с оценками устойчивой положительной корреляции между позициями «1–2 балла в выборе позиции “семья”» и «1–2 балла в выборе позиции “работа”». Группа тех, кто ощущает малую значимость в своей жизни как семьи, так и работы.

Вторая группа – «*группа компромисса*» – с оценками положительной корреляции между позициями «4 балла в выборе ответа “семья”» и «4 балла в выборе ответа “работа”» (0,66). Уровень корреляционной связи отражает значимость и работы, и семьи в определенном объеме в жизни респондентов, представители данной группы стараются достичь некоторого баланса собственной включенности и в социальные связи работы, и в социальные связи семьи.

Третья группа – «*работоголики*» – с устойчивой обратной корреляцией между позициями «4 балла при выборе ответа “семья”» и «5 баллов при выборе ответа “работа”» (-0,77). Представители данной группы, несомненно, свой выбор делают в пользу работы, отказываясь от интересов семьи и, собственно, от семьи в структуре собственного ценностного мироощущения.

Регрессионные оценки значимости позиций предпочтений «работа»/«семья» в распределении по конфессиональной принадлежности позволяют сделать вывод о наличии и устойчивости выявленной зависимости, а также степени чувствительности изменений отношения к одному фактору в сравнении с отношением к другому (табл. 3). В представленных парных регрессионных моделях определяется характер зависимости отношения к выбору компонента «работа» (y переменная – независимая) в сопоставлении с изменением отношений выбора компонента «семья» (x переменная – зависимая).

Таблица 3. Регрессионные оценки соотношения факторов «работа»/«семья» в ценностном мироощущении респондентов

Table 3. Regression estimates of the ratio of factors “work” / “family” in the value attitude of respondents

Показатель / Indicator	Христианство / Christianity	Ислам / Islam	Иное / Other	Не верю / I don't believe
R^2	0,84	0,78	0,87	0,86
F знач. / F significance	0,027	0,046	0,019	0,021
df	5			
β	0,605	0,49	0,7	0,69
t-статистика / t-statistics	4,04	3,28	4,59	4,43
Стандартная ошибка / Standard error	0,14	0,15	0,15	0,15
t-критерий / t-criterion	2,57			

В представленных парных регрессиях коэффициенты при зависимых переменных являются значимыми и отражают дилемму выбора «работа – семья» для всех категорий респондентов вне зависимости от конфессии, причем чувствительность рассматриваемых коэффициентов представлена в большей степени для категорий «христианство», «иное», «не верю» и чуть меньше для категории «ислам», однако во всех четырех подгруппах преимущество выбора осуществляется в пользу семьи в сравнительном соотношении.

Период локдауна, весной 2020 г., позволил отцам больше времени проводить с семьей, детьми. Анализ ответов респондентов по вопросу, касающемуся влияния самоизоляции на образ жизни, выявил различия в ответах респондентов в зависимости от их вероисповедания. Среди неверующих меньший процент тех, кто был рад возможности проводить больше времени с семьей и детьми, активно участвовал в домашних делах, общался с детьми (33 %), среди верующих – 43 %. Данная зависимость выявлена и по отношению частоты проведения времени со своим ребенком по времени больше 1 часа. Так, 57 % отцов, относящих себя к группе неверующих, в течение текущих 7 дней разговаривали, играли, вместе делали домашнее задание, ходили в кино с ребенком. Среди отцов, исповедующих христианство и ислам, таких 66 %. При этом мусульмане чаще проводят время с детьми, чем христиане (71 % и 61 % соответственно).

Обсуждение и заключение. Таким образом, в ходе исследования выявлено влияние религиозной принадлежности на формирование моделей отцовского поведения. Конфессиональное распределение опрошенных мужчин подчеркивает некоторые особенности мировосприятия мужчин, обусловленные религиями, в части формирования образа семьи: аспекты детерминации образа отца и, соответственно, поведение самих респондентов, аспекты репродуктивного, генеративного и брачного поведения, аспекты ролевого распределения в семьях, ожидания количества детей, ориентации на воспитание и соучастие взрослению детей в семье:

- семья в отличие от работы занимает более важное место в жизни мужчины, особенно это выражено в ответах респондентов, относящих себя к христианству и исламу;

- религиозная принадлежность мужчин влияет на их желание иметь больше одного ребенка: христиане склоняются к двухдетности, мусульмане – к двух- и многодетности. Среди неверующих меньше процент желающих стать многодетным отцом;

- ориентация на рождение и воспитание более 2 детей свойственна не всем представителям традиционных религий, что, по сути, нивелирует в современных условиях ценность многодетности в традиционных исламских или христианских семьях, а соответственно, и сводит на нет ценностное определение семьи как системы ценностного возрастания детей в брачном союзе и прерогативность процесса их воспитания в рамках семейных взаимоотношений;

– происходит изменение восприятия общества, в том числе и самих мужчин, относительно того, что дети после распада семьи должны жить только с матерью. Особенно совместное проживание детей от предыдущего брака в новой семье отца характерно для верующих;

– модель воспитания детей в собственной семье в большей степени формируется на основе прошлых детско-родительских отношений со своими родителями.

Расширенные итоги научного исследования стали основанием для разработки Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан Проекта Стратегии действий в интересах мужчин в Республике Татарстан (включена в Проект Комплексного плана действий Правительства Республики Татарстан по реализации Послания Президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан на 2022 г.), главная цель которой – увеличение длительности и качества отцовско-родительских отношений, снижение высокого уровня мужской смертности.

Полученные в ходе исследования данные способствуют развитию научного направления по изучению родительства, в частности отцовства, с точки зрения религиозной составляющей. Зарубежные исследователи уже предпринимают попытку анализа отцовства через культуру и религию. Российская Федерация является многонациональной и многоконфессиональной страной, в связи с чем нельзя оставлять без внимания данный вопрос, особенно при изучении региональных особенностей субъектов Российской Федерации. Практическая значимость статьи заключается в дальнейшей возможности использования результатов исследования при разработке мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации в стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А. Семейный тезаурус молодых мужчин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 72–82. doi: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-72-82>

2. Lamberty P., Imhoff R. From Sperm to Fatherhood: An Experimental Approach to Determinants of Paternal Responsibility // Archives of Sexual Behavior. 2019. Vol. 48. Pp. 2217–2228. doi: <https://doi.org/10.1007/s10508-019-01480-5>

3. Sikorska M. From “Absent Father” to “Involved Father”: Changes in the Model of Fatherhood in Poland and Role of Mothers – “Gatekeepers” // Balancing Work and Family in a Changing Society. Global Masculinities. New York : Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 163–175. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-53354-8_11

4. Seward R. R., Stanley-Stevens L. Fathers, Fathering, and Fatherhood Across Cultures // Parenting Across Cultures. Science Across Cultures: The History of Non-Western Science / ed. by H. Selin. Springer, 2014. Pp 459–474. doi: https://doi.org/10.1007/978-94-007-7503-9_34

5. Звонарева А. Е. Теоретико-методологические подходы к изучению отцовства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?a-num=10748> (дата обращения: 25.11.2021).

6. Мальцева Д. В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 272–289. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-otcovstva-v-sovremennoy-zapadnoy-sotsiologii> (дата обращения: 14.11.2021).

7. Гафизова Н. Б., Смирнова Д. И. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 67–77. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/gafizovana-b-smirnova-d-i-otcovstvo-kak-socialnyj-fenomen-v-polnyx-semyax-i-nepolnyx-vsledstvie-razvoda-na-primere-g-ivanovo-str-67-77/> (дата обращения: 15.11.2021).

8. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48–73. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>

9. Кон И. С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 1. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_1/Kon_2012_1.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

10. Котлярова О. В. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики // Universum: Филология и искусствоведение. 2015. № 9–10 (22). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/2650> (дата обращения: 10.11.2021).

11. Сухущина Е. В., Абрамова М. О., Рыкун А. Ю. Современные образы маскулинности // Вестник науки Сибири. 2017. № 4 (27). С. 168–180. URL: <http://sjs2.tpu.ru/journal/article/view/1616> (дата обращения: 17.10.2021).

12. Зурабов А. Отец и дочь // Дошкольное воспитание. 2006. № 4. С. 117–120.

13. Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 1, issue 1. Pp. 193–219. doi: https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722

14. Prince Cooke L. Doing' Gender in Context: Household Bargaining and Risk of Divorce in Germany and the United States // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 112, no. 2. Pp. 442–472. doi: <https://doi.org/10.1086/506417>

15. Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С. Представления студенческой молодежи о роли отца в современной семье // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 99–105. URL: http://www.vestnik-soc.unn.ru/files/Финал_макета_СоцНауки_№_2_2019.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

16. Кажухметова А. К. Роль социологического исследования ценностных ориентаций семей в совершенствовании деятельности комплексного центра социального обслуживания // Работник социальной службы. 2012. № 6. С. 81–89.

17. Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_11/Bezrukova.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

18. Сергеева Т. Б., Дергунова А. А., Тептина Д. А. Исследование представлений о «настоящем мужчине» и «настоящей женщине» в юношеском возрасте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1721–1725. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86371.htm> (дата обращения: 30.11.2021).
19. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. Advances in Development Reverse Fertility Declines // *Nature*. 2009. Vol. 460. Pp. 741–743. doi: <https://doi.org/10.1038/nature08230>
20. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link. MPIDR Working Paper WP-2011-017. 2011. 55 p. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2011-017.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).
21. Schober P. Paternal Child Care and Relationship Quality: A Longitudinal Analysis of Reciprocal Associations // *Journal of Marriage and the Family*. 2012. Vol. 74. Pp. 281–296. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00955.x>
22. Yeung J., Glauber R. Time Use Patterns for Children in Low-Income Families. Paper Presented to Childhood Poverty Seminar. Utah, 2004. 67 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/260600101_Time_Use_for_Children_in_Low-income_Families (дата обращения: 21.11.2021).
23. Pleck J. H., Masciadrelli B. P. Parental Involvement: Levels, Sources and Consequences // *The Role of the Father in Child Development* / ed. by M. E. Lamb. New Jersey : John Wiley and Sons, 2004. Pp. 222–271. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2004-13687-009> (дата обращения: 13.11.2021).
24. Sayer L., Bianchi S. M., Robinson J. P. Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers' and Fathers' Time with Children // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 110, no. 1. doi: <https://doi.org/10.1086/386270>
25. Frangis R. S. Why Men Won't ask for Directions: The Seductions of Sociobiology. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2004. 325 p. URL: <https://archive.org/details/whymenwontaskfor0000fran> (дата обращения: 13.11.2021).
26. Longitudinal Evidence that Fatherhood Decreases Testosterone in Human Males / L. Gettler [et al.] // *Proceeding of the National Academy of Science*. 2011. Vol. 108, no. 39. Pp. 16194–16199. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1105403108>
27. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist Beliefs about Social Categories // *British Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 39, issue 1. Pp. 113–127. doi: <https://doi.org/10.1348/014466600164363>
28. Prentige D., Carranza E. What Women and Men should be, shouldn't be, are allowed to be, and don't have to be: The Contents of Prescriptive Gender Stereotypes // *Psychology of Women Quarterly*. 2002. Vol. 26, issue 4. Pp. 269–281. doi: <https://doi.org/10.1111/1471-6402.t01-1-00066>
29. Sandberg J. F., Hofferth S. L. Changes in Children's Time with Parents: US 1981–1997 // *Demography*. 2001. Vol. 38, issue 3. Pp. 423–436. doi: <https://doi.org/10.2307/3088356>
30. Bianchi S. M. Maternal Employment and Time with Children: Dramatic Change or Surprising Continuity? // *Demography*. 2000. Vol. 37, issue 4. Pp. 401–414. doi: <https://doi.org/10.1353/dem.2000.0001>
31. Kim S., Quek K. M.-T. Transforming Fatherhood: Reconstructing Fatherhood Through Faith-Based Father School in South Korea // *Review of Religious Research*. 2013. Vol. 55. Pp. 231–250. doi: <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0104-7>

32. Grüner J. S. Emergent Fatherhood: New Articulations of Fatherhood among Muslim Men in Denmark // Contemporary Islam. 2021. Vol. 15. Pp. 233–247. doi: <https://doi.org/10.1007/s11562-020-00455-x>

Поступила 30.11.2021; одобрена после рецензирования 24.12.2021; принята к публикации 11.01.2022.

Об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, chulpanildusovna@gmail.com

Гневашева Вера Анатольевна, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, Researcher ID: E-3157-2014, Scopus ID: 57197809094, vera_cos@rambler.ru

Абдульязнов Артур Рашидович, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2188-4277>, artur.abdulzyanov.68@bk.ru

Пятинина Оксана Ренатовна, аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 23/6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3729-9013>, pyatiniinaoxana@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Ч. И. Ильдарханова – определение методологии научного проекта; реализация эмпирического исследования, по итогам которого подготовлена статья; критический анализ и доработка текста.

В. А. Гневашева – анализ и описание полученных данных; формулирование выводов.

А. Р. Абдульязнов – анализ полученных данных; подготовка текста статьи.

О. Р. Пятинина – анализ полученных данных; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ildarkhanova Ch.I., Gnevasheva V.A. Family Thesaurus of Young Men. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2021;14(2):72–82. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-72-82>

2. Lamberty P., Imhoff R. From Sperm to Fatherhood: An Experimental Approach to Determinants of Paternal Responsibility. *Archives of Sexual Behavior*. 2019;48:2217–2228. doi: <https://doi.org/10.1007/s10508-019-01480-5>
3. Sikorska M. From “Absent Father” to “Involved Father”: Changes in the Model of Fatherhood in Poland and Role of Mothers – “Gatekeepers”. In: Crespi I., Ruspi-ni E. *Balancing Work and Family in a Changing Society. Global Masculinities*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. p. 163–175. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-53354-8_11
4. Seward R.R., Stanley-Stevens L. Fathers, Fathering, and Fatherhood Across Cultures. In: Selin H., ed. *Parenting Across Cultures. Science Across Cultures: The History of Non-Western Science*. Springer; 2014. p. 459–474. doi: https://doi.org/10.1007/978-94-007-7503-9_34
5. Zvonareva A.E. Theoretical and Methodological Foundations of Research into Paternity Practices. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2019;(2):127–134. Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10748> (accessed 25.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Maltseva D.V. Theoretical Approaches to the Study of Fatherhood in Modern Western Sociology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2010;(5):272–289. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-otsovstva-v-sovremennoy-zapadnoy-sotsiologii> (accessed 11.14.2021). (In Russ.)
7. Gafizova N.B., Smirnova D.I. The Fatherhood as a Social Phenomenon in Complete and Incomplete (due to divorce) Families (The Example of Ivanovo). *Woman in Russian Society*. 2015;(3-4):67–77. Available at: <https://womaninrussiansociety.ru/article/gafizova-n-b-smirnova-d-i-otcovstvo-kak-socialnyj-fenomen-v-polnyx-semyax-i-nepolnyx-vslledstvie-razvoda-na-primere-g-ivanovo-str-67-77/> (accessed 15.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(6):48–73. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
9. Kon I.S. Gender and Masculinity, Sons and Fathers. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012;(1):48–64. Available at: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_1/Kon_2012_1.pdf (accessed 30.11.2021). (In Russ.)
10. Kotlyarova O.V. Masculinity and Femininity, Maleness and Womanliness as Fundamental Properties in the Format of Genderistics. *Universum: Filologiya i Iskusstvovedenie*. 2015;(9-10). Available at: <https://tuniversum.com/ru/philology/archive/item/2650> (accessed 10.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Sukhushina E.V., Abramova M.O., Rykun A.Yu. Contemporary Visions of Masculinity. *Vestnik nauki Sibiri*. 2017;(4):168–180. Available at: <http://sjs2.tpu.ru/journal/article/view/1616> (accessed 17.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Zurabov A. Father and Daughter. *Preschool Education*. 2006;(4):117–120. (In Russ.)
13. Riabov O. Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946–1953). *Journal of Cold War Studies*. 2017;1(1):193–219. doi: https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722

14. Prince Cooke L. “Doing” Gender in Context: Household Bargaining and Risk of Divorce in Germany and the United States. *American Journal of Sociology*. 2006;112(2):442–472. doi: <https://doi.org/10.1086/506417>

15. Egorova N.Yu., Ryabinskaya E.S. How the Young Students Perceive the Role of the Father in a Modern Family. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*. 2019;(2):99–105. Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/files/Финал макета СоцНауки № 2 2019.pdf> (accessed 11.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Kazhakhmetova A.K. The Role of Sociological Research of Value Orientations of Families in Improving the Activities of the Integrated Center of Social Services. *Rabotnik sotsial'noi sluzhby*. 2012;(6):81–89. (In Russ.)

17. Bezrukova O.N. Fatherhood in a Transforming Society: The Expectations of Mothers and the Practice of Fathers. *Sociological Studies*. 2013;(11):118–130. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_11/Bezrukova.pdf (accessed 20.11.2021). (In Russ.)

18. Sergeeva T.B., Dergunova A.A., Teptina D.A. Research of Ideas about the “Real Man” and “Real Woman” in Adolescence. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal “Kontsept”*. 2016;(11):1721–1725. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/86371.htm> (accessed 30.11.2021). (In Russ.)

19. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. Advances in Development Reverse Fertility Declines. *Nature*. 2009;460:741–743. doi: <https://doi.org/10.1038/nature08230>

20. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link. MPIDR Working Paper WP-2011-017. 2011. Available at: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2011-017.pdf> (accessed 11.11.2021).

21. Schober P. Paternal Child Care and Relationship Quality: A Longitudinal Analysis of Reciprocal Associations. *Journal of Marriage and the Family*. 2012;74:281–296. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00955.x>

22. Yeung J., Glauber R. Time Use Patterns for Children in Low-Income Families. Paper Presented to Childhood Poverty Seminar. Utah, 2004. Available at: https://www.researchgate.net/publication/260600101_Time_Use_for_Children_in_Low-income_Families (accessed 21.11.2021).

23. Pleck J.H., Masciadrelli B.P. Parental Involvement: Levels, Sources and Consequences. In: Lamb M.E., ed. *The Role of the Father in Child Development*. New Jersey: John Wiley and Sons; 2004. p. 222–271. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2004-13687-009> (accessed 13.11.2021).

24. Sayer L., Bianchi S. M., Robinson J. P. Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers’ and Fathers’ Time with Children. *American Journal of Sociology*. 2004;110(1). doi: <https://doi.org/10.1086/386270>

25. Frangis R.S. *Why Men Won’t ask for Directions: The Seductions of Sociobiology*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2004. Available at: <https://archive.org/details/whymenwontaskfor0000fran> (accessed 13.11.2021).

26. Gettler L., McDade T., Feranil A., Kuzawa G. Longitudinal Evidence that Fatherhood Decreases Testosterone in Human Males. *Proceeding of the National Academy of Science*. 2011;108(39):16194–16199. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1105403108>

27. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist Beliefs about Social Categories. *British Journal of Social Psychology*. 2000;39(1):113–127. doi: <https://doi.org/10.1348/014466600164363>

28. Prentige D., Carranza E. What Women and Men should be, shouldn't be, are allowed to be, and don't have to be: The Contents of Prescriptive Gender Stereotypes. *Psychology of Women Quarterly*. 2002;26(4):269–281. doi: <https://doi.org/10.1111/1471-6402.t01-1-00066>
29. Sandberg J.F., Hofferth S.L. Changes in Children's Time with Parents: US 1981–1997. *Demography*. 2001;38(3):423–436. doi: <https://doi.org/10.2307/3088356>
30. Bianchi S.M. Maternal Employment and Time with Children: Dramatic Change or Surprising Continuity? *Demography*. 2000;37(4):401–414. doi: <https://doi.org/10.1353/dem.2000.0001>
31. Kim S., Quek K.M.-T. Transforming Fatherhood: Reconstructing Fatherhood Through Faith-Based Father School in South Korea. *Review of Religious Research*. 2013;55:231–250. doi: <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0104-7>
32. Grüner J.S. Emergent Fatherhood: New Articulations of Fatherhood among Muslim Men in Denmark. *Contemporary Islam*. 2021;15:233–247. doi: <https://doi.org/10.1007/s11562-020-00455-x>

Submitted 30.11.2021; approved after reviewing 24.12.2021; accepted for publication 11.01.2022.

About the authors:

Chulpan I. Ildarkhanova, Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, chulpanildusovna@gmail.com

Vera A. Gnevasheva, Senior Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, Researcher ID: E-3157-2014, Scopus ID: 57197809094, vera_cos@rambler.ru

Artur R. Abdulzyanov, Leading Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2188-4277>, artur.abdulzyanov.68@bk.ru

Oksana R. Pyatinina, Graduate Student, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (23/6 Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3729-9013>, pyatininaoxana@mail.ru

Contribution of the authors:

Ch. I. Ildarkhanova – definition of the methodology of the scientific project; implementation of empirical research, based on the results of which the article was prepared; scientific editing of the article.

V. A. Gnevasheva – analysis and description of the data obtained; formulation of conclusions.

A. R. Abdulzyanov – analysis of the data obtained; preparation of the text of the article.

O. R. Pyatinina – analysis of the data obtained; preparation of the text of the article.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации

О. А. Богатова

Е. И. Долгаева

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)*
 bogatovaoad@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена актуальной в теоретическом и практическом отношении проблеме конструирования социальной идентичности административных центров российских республик, рассматриваемой авторами в качестве одного из факторов позитивной региональной самоидентификации населения республик. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить специфику и факторы формирования столичной идентичности населения центрального города республики в составе Российской Федерации на примере г. Саранска (Республика Мордовия).

Материалы и методы. Эмпирическую основу статьи составляют данные количественного (массовый опрос населения г. Саранска, $n = 443$) и качественного (2 фокус-группы) полевых исследований, проведенных в ноябре – декабре 2020 г., с помощью которых были обозначены специфические особенности, основные структурные компоненты и факторы формирования позитивной столичной идентичности.

Результаты исследования. Определено, что в структуре столичной идентичности населения г. Саранска системообразующим компонентом является идентификация со столичным статусом города, опосредованно основанная на идентификации со статусом Мордовии как республики и его репрезентациями в городской среде. Показано, что позитивная идентификация с республиканской столицей формируется на основе не столько символической политики, сколько факторов, создающих городскую идентичность вообще, включая экономический успех и качество городской среды.

© Богатова О. А., Долгаева Е. И., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Основные ограничения формирования и поддержания столичной идентичности Саранска связаны с дефицитом городской идентичности вообще, обусловленным низкой оценкой состояния и перспектив, низким уровнем самоорганизации по месту жительства и ротацией городского населения в каждом поколении, формирующей у части населения идентификацию «транзитного города». Основу городской идентичности в Саранске, как и в более крупных городах, составляют сети «слабых связей», однако качество городской среды, по мнению его жителей, не способствует формированию и развитию таких контактов. Перспективы исследования связаны с необходимостью изучения городского активизма в городах, не относящихся к числу крупнейших, в качестве самостоятельной исследовательской проблемы.

Ключевые слова: городское исследование, столичная идентичность, городское сообщество, городская идентичность, Саранск, регион, республики в составе Российской Федерации

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научно-исследовательский проект № 20-011-00588 «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)»).

Для цитирования: Богатова О. А., Долгаева Е. И. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 447–469. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>

Original article

The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation

O. A. Bogatova[✉], E. I. Dolgaeva

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

[✉] bogatovaoa@gmail.com

Abstract

Introduction. The paper is devoted to the theoretically and practically relevant issue of constructing the social identity of the administrative centers of the Russian republics, considered by the authors as one of the factors of positive regional self-identification of the population of the republics. The purpose of the article is, based on the materials of the study, to identify the specifics and factors in the formation of the capital's identity of the republic within the Russian Federation on the example of Saransk (the Republic of Mordovia).

Materials and Methods. The empirical basis of the article consists of the data of quantitative (mass survey of the population of Saransk, n = 443) and qualitative (2 focus groups) field studies carried out in November-December 2020, with the help of which specific features, main structural components and factors of formation of a positive metropolitan identity have been identified.

Results. In the structure of the capital identity of the population of Saransk, the system-forming component is identification with the capital status of the city, indirectly based on identification with the status of Mordovia as a republic and its representations in the urban environment. The paper demonstrates that a positive identification with the republican capital is formed on the basis of not so much symbolic politics but factors that create urban identity in general, including economic success and the quality of the urban environment.

Discussion and Conclusions. The authors conclude that the main limitations of the formation and maintenance of the capital identity of Saransk are associated with a shortage of urban identity in general, due to a low assessment of the state and prospects, a low level of self-organization at the place of residence and the rotation of the urban population in each generation, which forms the “transit city” identity for a part of the population. The basis of urban identity in Saransk, as in larger cities, is made up of networks of “weak ties”, but the quality of the urban environment, in the opinion of its residents, does not contribute to the formation and development of such contacts. On the basis of results of researches, the authors claim the necessity of studying of city activism for the cities which are not among largest, as an independent research problem.

Keywords: urban studies, capital city identity, urban communities, urban identity, Saransk, region, republics within the Russian Federation

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research for this article was done with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00588 “Construction of the social identity of the capitals of the republics within the Russian Federation population (on the example of the Republic of Mordovia and the Udmurt Republic)”.

For citation: Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):447–469. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>

Введение. Предмет статьи составляют специфика и факторы формирования столичной идентичности центрального города республики в составе Российской Федерации на примере г. Саранска – столицы Республики Мордовия. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить структурно-функциональные особенности социальной идентичности населения административных центров республик на примере столицы Мордовии г. Саранска.

Саранск рассматривается в качестве города, который в процессе своего развития демонстрирует типичные особенности административных центров российских республик с общей численностью населения не более 1 млн чел. К числу наиболее значимых факторов модернизации территорий таких республик всегда относились административный ресурс и функция «фабрики, инструмента для выращивания нации»¹ титульной этнической общности,

¹ Дятлов В. И. Столицы сибирских автономий: советский проект нацистроительства и этнизация городского пространства // Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ : Изд-во БИЦ СО РАН, 2018. С. 239.

а препятствий – ограниченность экономического и демографического потенциала этих регионов, выделенных в процессе фрагментации и переформатирования дореволюционного административно-территориального деления в 20-е – 30-е гг. XX в. Результаты исследования подтверждают актуальность административной и культурно-символической функций республиканских столиц для их экономического и социального развития, в то же время демонстрируя, что позитивная идентификация с республиканской столицей формируется на основе не столько символической политики, сколько факторов, создающих городскую идентичность вообще, включая экономический успех и качество городской среды.

Основной тезис состоит в констатации приоритетной значимости социально-экономических (модернизация экономики и структуры занятости, позволяющие использовать человеческий капитал населения республики и повышение уровня жизни городского населения), коммунальных и градостроительных (выбор оптимального масштаба городского развития и реконструкции, обновление принципов благоустройства с целью повышения качества городской среды и создания предпосылок для устойчивой привязанности к городу на микроуровне) факторов формирования столичной идентичности.

Актуальность проблемы исследования заключается в необходимости формирования позитивной столичной идентичности у населения административных центров в республиках в составе современной Российской Федерации на основе синтеза городской и республиканской идентификаций, включая желание оставаться жителями своих регионов, в условиях миграционного оттока и естественной убыли населения республик. Теоретическая проблема исследования заключается в выявлении качественного своеобразия социальной идентичности населения столиц республик в составе России как полиэтнических городских общностей, качественных характеристик социальной идентичности столиц республик, общих тенденций и ограничений ее формирования.

Обзор литературы. Социальная идентичность крупного города относится к предметной области междисциплинарных городских исследований, рассматривающих город как социальное сообщество, характеризующееся в категориях различных форм социальной дифференциации – экономической, политической, классовой, центр-периферийной, культурной, этнической, расовой и т. п. При этом проблемы специфики и факторов формирования социальной идентичности столиц республик в составе России не являются предметом урбанистических и региональных исследований в зарубежных социальных науках. Близким по тематике можно считать этносоциологическое исследование Р. Брубейкера, посвященное проблемам идентичности г. Клуж-Напоки (Румыния) – административного центра региона Трансильвания, в прошлом составлявшего венгерскую этнотерриториальную автономию [1, с. 135–146].

В России аналогичная проблематика этнизации городской среды столиц республик, включая ее дизайн и архитектуру, а также использование

городского пространства в качестве сцены для национальных праздников и этнически окрашенных мегасобытий, является предметом исследований В. И. Дятлова, Г. И. Макаровой, Т. А. Власовой, К. Н. Обухова, Ю. П. Шабаяева, А. Яцык² [2–4].

В то же время в современных городских исследованиях факторы формирования и трансформации собственно городской идентичности, ее социальные функции и влияние на социальное самочувствие и социальную стабильность городского социума составляют актуальную проблематику городских исследований, предпринимаемых зарубежными социологами³ [5–7], антропологами⁴ [8], историками архитектуры и архитектурными критиками⁵ [9] и т. д.

С точки зрения социологов, города являются «сгустками социальной и хозяйственной жизни» [10, с. 4], местами концентрации разнообразных социальных отношений, которые, как отмечает Й. Терборн, образуют «городской текст», структурированный наблюдаемой стратифицированной организацией городского пространства, а также социальными ожиданиями, смыслами и возможностями городского населения, во многом сконструированными властвующими элитами⁶. В. Н. Лексин использует применительно к административным центрам республик, а также других субъектов Российской Федерации, распространенное в российской социальной географии [11, с. 39] наименование «столицы», исходя из центр-периферийного подхода: «...Региональные столицы, за редким исключением, бесспорно доминируют на пространстве своего региона» [10, с. 6].

На микроуровне социологический подход к идентичности города включает его характеристику как сообщества людей, способного удовлетворить разнообразные социальные потребности посредством конструирования социальных связей и сетей. Такая концепция города преобладает в исследованиях западных социальных урбанистов.

Представители социального урбанизма как междисциплинарного подхода считают учет социальных потребностей горожан в планировании и дизайне

² Макарова Г. И. Образ Татарстана в стратегиях региональных элит и в массовом сознании : моногр. Казань : Ин-т истории Ш. Марджани, 2020. 308 с.

³ Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 472 с.; Харви Д. Постмодернизм в большом городе. Архитектура и городское проектирование [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/454730955.html> (дата обращения: 25.07.2021); Харви Д. Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

⁴ Зукки Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / пер. с англ. А. Лазарева и Н. Эдельмана; под науч. ред. В. Данилова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 360 с.; Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна (Studia Urbanica). М. : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

⁵ Гейл Я. Города для людей. М. : Альпина Пабlishер, 2012. 276 с.; Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство, 2011. 460 с.; Холлис Л. Города вам на пользу: гений мегаполиса. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.

⁶ Терборн Й. Города власти. С. 21.

городской среды важным условием формирования стабильной городской идентичности, основанной на привязанности к городу и отдельным городским локациям как месту проживания. Как полагают урбанисты, обедненная архитектурная среда не создает такой привязанности. С точки зрения Я. Гейла, основная функция улиц и других общественных пространств заключается в создании условий для разнообразной социальной активности горожан, которая «включает все виды коммуникации между людьми и требует как минимум присутствия других людей»⁷ – от флипанования и разнообразного общения до использования городской среды в качестве «сцены» для общественных мероприятий, организованных по инициативе горожан. Дж. Джекобс доказывает, что современные жилые массивы формируют не столько солидарные локальные сообщества, сколько механические «совместности», в которых люди не доверяют соседям и часто даже не знакомятся с ними⁸.

Оценивая городскую среду по критерию содействия формированию социальных связей на микроуровне, современные урбанисты доказывают необходимость возрождения традиционной уличной и квартальной планировки, расширения малоэтажной застройки, пешеходных и велосипедных зон, зон отдыха с «мягкими» границами, привлекающих небольшие группы людей. Средством восстановления социальных и культурных функций городской среды Д. Харви и другие урбанисты считают восстановление демократического контроля за развитием города, утраченного в результате ослабления участия государства в городском управлении в процессе неолиберальной модернизации, что невозможно без самоорганизации городских сообществ⁹ [12].

Среди отечественных исследователей изучением проблем социальной идентичности города в контексте городского развития занимаются Н. Л. Антонова [13], А. В. Меренков¹⁰, Е. Г. Трубина¹¹, Р. В. Евстифеев [14], В. С. Мартынов [15; 16], Д. Н. Замятин [17] и др. В работах постсоветских исследователей формирование социальной идентичности современного города рассматривается как процесс, основанный на «производстве пространства» города как комплекса специфически городских социальных отношений через участие в формировании локальных сообществ [18], групповых социальных практиках [7; 13], производстве и присвоении символов городской идентичности [2; 3], городском активизме [19–22].

Анализ теоретических подходов к социальной идентичности современных городов, включая региональные и республиканские столицы в современной России, позволяет выделить в качестве теоретической рамки

⁷ Гейл Я. Города для людей. С. 22.

⁸ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. С. 80.

⁹ Харви Д. Социальная справедливость и город. С. 417.

¹⁰ Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.

¹¹ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.

социологического исследования факторов ее формирования наиболее релевантные макросоциологические концепции «городов власти» Й. Терборна и В. Н. Лексина наряду с концепцией городских сообществ как субъектов «права на город» Д. Харви и социальным урбанизмом, представленным исследованиями К. Александера, Я. Гейла, Дж. Джекобс.

Материалы и методы. В исследовании использовалась смешанная методика, основанная на сочетании количественных (массовый опрос) и качественных методов (фокус-группы) сбора социологических данных. Метод фокус-групп позволил выявить основные механизмы и проблемы формирования столичной идентичности в республиках на примере Саранска, массовый опрос – дать количественную оценку восприятия этих проблем на массовом уровне, степени сформированности столичной идентичности, а также основных социальных факторов и ограничений формирования столичной идентичности в республиках.

В ноябре – декабре 2020 г. в г. Саранске нами был осуществлен массовый опрос на тему «Саранск – столица Мордовии». Все респонденты и участники фокус-групп были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Опрос проводился методом анкетирования по месту жительства с использованием анкет для самозаполнения по репрезентативной квотно-территориальной выборке. Всего в исследовании приняли участие 443 чел., постоянно проживающих в Саранске, в возрасте 18 лет и старше. Также было проведено 2 фокус-группы в г. Саранске (14 ноября 2020 г.) с жителями города с высшим образованием (ФГ-1, 8 участников) и без высшего образования (ФГ-2, 10 участников).

Результаты исследования. Результаты фокус-группового исследования дают возможность заключить, что население Саранска воспринимает его статус административного центра нейтрально, как данность, не считая его значимым преимуществом в сравнении с крупными городами за пределами региона.

В высказываниях информантов в ответ на вопрос о том, чем для них является Саранск, с самого начала прослеживается проблема дефицита собственно городской идентичности и ее частичного поглощения республиканской, а также дефицита городского развития, основанная на оппозиции между представлениями городского населения о том, каким должен быть город в идеале (социальная динамика, «жизнь», изменения к лучшему в жизни отдельных людей и города в целом) и тем, что собой представляет Саранск в настоящее время. Наиболее близким к идеальному типу города Саранск оказался для молодых и относительно недавно переехавших в региональную столицу информантов, которые редко бывают за пределами Мордовии. Для них Саранск является самым крупным городом, поэтому они сравнивают его с сельской местностью. Для информантов, родившихся в Саранске, а также длительное время проживших в более крупных городах, он чаще выступает в качестве негативного

объекта для сравнения: «По сравнению с другими городами, когда, допустим, я ездила, там было... намного больше мест, где можно посмотреть природу, прогуляться, ...провести время» (ФГ-1, Светлана, 21 г., родилась в Саранске).

В дискуссии преобладали оценки Саранска как «провинциальной столицы», города со «столичными замашками», который стремится выглядеть в качестве столицы («Все-таки это провинциальная столица, скорее, в моем понимании так. ...То есть все-таки это что-то среднее между столицей и провинцией» (ФГ-2, Николай, 19 л., проживает в Саранске 12 лет)), но в целом не соответствует собственным претензиям на столичность из-за недостатка ресурсов либо из-за неумения их правильно использовать: «Для меня Саранск объединяет в себе и столицу, и провинцию... По структуре экономики, социальному составу большую часть сферы жизни Саранск все-таки остается так или иначе провинциальным городом. Но по амбициям своего развития, что мы [наблюдаем] в течение последних 80 лет, с момента того, как в 30-е годы Саранск [стал] столицей Мордовской автономии... У руководства города всегда некоторые амбиции на столичность были, и особенно это... проявилось уже в последние 20 лет» (ФГ-2, Петр, 20 л., родился в Саранске).

Информанты несколько снисходительно утверждают, что столичным городом Саранск может считаться только с точки зрения республиканской сельской периферии: «Мое мнение, что это провинциальный город, стремящийся быть столичным. Это очень похвальное стремление. ...Достаточно сходить на какой-нибудь республиканский конкурс фольклорных коллективов, чтобы понять, что в глазах всех фольклорных коллективов, которые приезжают, это определенно столица, то есть они всегда рады прибытию из глубинки, для них это целое событие... Поэтому смотря с какой точки зрения оценивать» (ФГ-1, Александр, 35 л., родился в Саранске).

Характеризуя Саранск в качестве «провинции», информанты признают наличие общих для его жителей особенностей социального поведения и образа жизни, объясняя их масштабом города и городской экономики. Информанты часто называют Саранск «маленьким городом», несмотря на его формальную принадлежность к категории крупных городов (с населением 250–500 тыс. чел.), ссылаясь на относительную узость круга общения, ограниченность «слабых связей» в социально-профессиональной среде либо в кругу земляков, родственников, однокурсников, соседей, и, как следствие, большую зависимость индивида от своего социального круга по сравнению с более крупными городами. Отвечая на вопрос о том, что их объединяет с другими горожанами, информанты в обеих группах описывают Саранск с помощью метафоры «деревни»: «Во-первых, некоторые из них мои родственники. Их довольно много именно в Саранске, это одноклассники, однокурсники, это друзья, коллеги. И к определенному возрасту ты понимаешь, что Саранск, несмотря на 300 с чем-то тысяч населения, – это очень большая деревня и если

ты знаешь какое-то огромное количество людей, то через 1–2 рукопожатия ты буквально знаешь весь город. Это уже даже не поражает. ...В какой-то момент это удивляло, а сейчас это просто так» (ФГ-1, Виталий, 36 л., родился в Саранске).

Описанные «провинциальные» особенности Саранска могут рассматриваться в качестве не столько недостатка, сколько преимущества, характеризующего его как «естественный город», социальная структура которого, по мнению К. Александера, является довольно «плотной» и представляет собой «полурешетку», в которой индивидуальные наборы друзей и знакомых жителей частично перекрываются, несмотря на то, что эти друзья могут жить не в соседнем доме, а в другом районе [9, с. 159]. Следовательно, структура занятости и общие интересы способствуют формированию городской идентичности в каждом поколении жителей Саранска.

Однако имеются и факторы, способствующие ее размыванию. К ним можно отнести низкую удовлетворенность качеством городской среды, постоянную ротацию городского населения и дефицит условий для спонтанного формирования локальных солидарностей на микроуровне. К показателям критической оценки условий жизни и работы в Саранске и подобных ему региональных центрах относится интерпретация информантами «провинциальности» в терминах «недоразвитости»: «Для меня, в сравнении с другими, провинциальный все-таки, и здесь маленькая ремарка, что в рамках столичных вообще малых городов, Казань можно отнести, Питер, Москву, ну может еще какие-то. Очень многие у нас города такие же, как Саранск, они, даже будучи столицами своих регионов, ...все равно ...недоразвиты, скажем так» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет).

К показателям экономической «недоразвитости», кроме уже отмеченных ошибок в градостроении и благоустройстве городской среды, информанты относят также неудовлетворительное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры в аспекте несоответствия экстенсивной застройки города (изношенность систем водоснабжения, канализации, очистных сооружений, неудовлетворительное качество теплоснабжения, транспортных услуг и неспособность городских властей своевременно устранять эти проблемы), социальной инфраструктуры, в первую очередь медицинского обслуживания (проблема, актуализировавшаяся в период пандемии), деградацию профессионального образования, а также общий дефицит индустриального развития и, как следствие, безработицу, низкие зарплаты и общую относительную бедность населения: «Это проблема экологической обстановки, ...жилищно-коммунального сектора, там, с изношенностью коммуникаций, там, коллекторы, улица Фурманова. О чем все мы так или иначе слышим» (ФГ-2, Петр, 20 л., родился в Саранске).

При этом информанты не отрицают, что городское хозяйство Саранска находится в лучшем состоянии по сравнению с малыми городами и поселками

в районах Мордовии, а также отмечают положительные изменения в отдельных областях по сравнению с советским периодом. В качестве образцов для сравнения горожане рассматривают более крупные и благоустроенные города, ориентируясь на них во всем, что касается уровня жизни, сферы услуг и т. д. Историк архитектуры и градозащитник В. Б. Махаев считает значимой проблемой городского развития Саранска относительно низкое качество городской планировки и застройки (разбросанность города, обусловленная не предусмотренным генеральными планами строительством «спальных» районов для рабочих крупных промышленных предприятий в 60-е – 80-е гг. XX в., низкое качество типовой застройки, хаотичная «свободная планировка»)¹². Существенным фактором трансформации городской среды Саранска в XXI в. стала подготовка к масштабным в виде празднования Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства (в 2006 и 2012 гг.) и проведением матчей Чемпионата мира по футболу 2018 г., когда за счет федеральных субсидий был предпринят снос дореволюционной и советской застройки с целью реконструкции центра, построены новые жилые районы.

Оценивая результаты этой реконструкции, информанты в обеих фокус-группах дистанцируются от «визуальной картинки» как властного конструкта и высказывают серьезные замечания по поводу качества и функциональности вновь построенных жилых районов и публичных пространств: «Какое-то ужасное состояние. Я считаю, что уже ничего не исправишь. Вот лучше не будет. ...Люди, которые принимают решения, делают это топорно, ...неправильно и словно завхозы, которым дали поуправлять... начиная со строительства зданий, которые выглядят в центре города, ...как детские кубики разбросанные, разноцветные, словно там не принимали участие никакие архитекторы, словно их мнения никто не слышал, не слушал. И все так получилось здорово, аляписто, но абсолютно ужасно. Это то, что останется с Саранском на десятилетия, если не больше. И это то, что видно сразу невооруженным глазом» (ФГ-1, Виталий, 36 л., родился в Саранске).

Фокус-группы продемонстрировали наличие у населения города в конце 2020 г. многочисленных претензий к городским и республиканским властям в отношении качества территориального управления. Информанты говорили о нехватке «грамотных управленцев», называли руководство города и республики «ставленниками Москвы», которые, получая основные финансовые потоки из федерального бюджета, не считают нужным отчитываться перед населением и не согласовывают с ним решения по вопросам застройки и благоустройства города, предпочитая ставить горожан перед свершившимся фактом.

Информанты говорили также о нежелании городских или районных властей обсуждать вопросы благоустройства даже придомовых территорий с самими жильцами: «У нас отсутствует зона выгула собак. Все возмущаются

¹² Культурный ландшафт города Саранска (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / науч. ред. и сост. А. А. Ямашкин. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2002. С. 41.

по этому поводу, все гуляют с собаками, нам не предоставляют элементарно даже таких зон, чтобы мы могли спокойно выйти в определенное место, погулять там со своими домашними животными и спокойно пойти домой. ...Пошли в администрацию договариваться: давайте мы сами сделаем эту зону для выгула собак, а вы нам выделите средства. Естественно, с этим ничего нет. Просто нужна была земля, мы бы строили ее сами» (ФГ-1, Ирина, 22 г., проживает в Саранске 5 лет).

С другой стороны, отсутствие диалога с органами местного самоуправления частично обуславливается и нежеланием самих жителей города обращаться к ним со своими запросами и предложениями вследствие отсутствия опыта таких обращений, взаимного недоверия или неспособности к самоорганизации по месту жительства. Некоторые участники фокус-групп являются инициаторами и активистами местных инициативных проектов по благоустройству города, имеют опыт организации горожан «снизу» и отстаивания общих интересов в общении с представителями власти. Такие информанты делали выводы о принципиальной возможности городского общественного активизма в Саранске на основе личного опыта, например в проекте благоустройства набережной р. Саранки «Друзья Саранки».

Тем не менее результаты фокус-групп показывают, почему социологические модели городского активизма, построенные в основном на данных исследований в Москве, Санкт-Петербурге и других крупнейших городах [19–22], население которых не стремится сменить место жительства, не вполне применимы для менее крупных городов, включая многие «провинциальные столицы». В данном случае нестабильность территориальной идентичности коррелирует со слабостью или нестабильностью активистских установок.

По самоописанию информантов, одни из них задумываются о переезде в другой город, другие считают бессмысленным взаимодействовать с городскими властями, «играя по их правилам», третьи жалуются на социальную пассивность, дефицит доверия или подозрительность окружающих в отношении любых общественных инициатив: «Допустим, даже самое элементарное – посадить саженцы деревьев – мне прилетало постоянно: “Ты что? Тебе больше всех, что ли, надо? Зачем тебе это надо, это же бесплатно, тебе за это не заплатят?”» (ФГ-2, Юлия, 18 л., родилась в Саранске).

Другие говорили о трудностях, возникающих в процессе объединения жильцов многоквартирных домов, которым трудно найти общий язык и принимать какие-либо совместные решения из-за пассивности или взаимного недоверия. Отмечалось, что люди, живущие в одном доме, скорее склонны объединяться друг с другом малыми группами для достижения частных целей и во вред остальным. Чаще всего такую инициативу проявляют автовладельцы, купившие жилье на вторичном рынке в старых многоквартирных домах и пытающиеся расширить площадь для парковки, отведенную по советским градостроительным нормам из расчета один автомобиль на подъезд

пятиэтажки: «Так вот, понимаете, если брать сравнение с деревьями, то сносят деревья как раз самые активные жители, которым они по каким-то причинам мешают: ветка упала на машину, кому-то окно затеняет. И вот эти люди ...до такой степени верят в свою правоту, что ...ходят и этого добиваются. А потом те, которые ратуют за зелень, ...сидят и говорят: “Ой, а у нас все порубили”. Хочется спросить, а вы где были? Почему тот один человек своей активностью добился полного уничтожения у вас здесь всех деревьев, а вы сидели и просто смотрели? Вот это вот у нас в обществе» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет).

Подобные явления можно объяснить, с нашей точки зрения, на основе концепта асоциальных «совместностей» Дж. Джекобс, которая утверждает, что осознание общности интересов в многоквартирных жилых массивах не происходит автоматически при отсутствии регулярного общения¹³. К последствиям такой ситуации может относиться «трагедия общинных ресурсов» («трагедия общин», по выражению Г. Хардина) – истощение ресурсов, находящихся в совместном владении, в результате их хищнического использования при отсутствии общественного контроля. Вводя это понятие в российский научный оборот, А. Н. Ямсков считает его актуальной характеристикой ситуации в российских городах, например транспортного коллапса в Москве¹⁴.

При отсутствии спонтанной самоорганизации, как полагает информант, предлагая использовать советский опыт, функции организации по месту жительства могут взять на себя муниципальные власти: «Я помню еще советские времена и вот это вот, даже знаете как, не то, что советские времена, дореволюционные. В Питере, к примеру, были дни древонасаждений, в которых принимали участие школы, все учебные заведения, бизнес... Да, мы сейчас как бы немножко со скепсисом относимся к советским субботникам. Но ведь это людей объединяло. Это та же тусовка. Тусовка, где ты можешь песни попеть, еще что-то поделывать» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет).

Проблема формирования локальных городских сообществ «снизу» осложняется регулярным выездом из Саранска наиболее социально активных людей и притоком мигрантов из сельской местности, которые стремятся удовлетворить первоочередные потребности в рабочих местах и более высокой, чем на прежнем месте жительства, зарплате. Горожане в первом поколении склонны по умолчанию воспринимать городскую архитектурную среду как обедненную в социальном отношении, а потребности в отдыхе и общении удовлетворять за счет распределенного образа жизни, продолжая поддерживать связи с родственниками и друзьями в сельской местности: «Кто-то вспоминает озеленение, что вот это вот беспокоит людей, что озеленение плохое,

¹³ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. С. 80.

¹⁴ Ямсков А. Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этно-экологические аспекты духовной культуры / ред.: В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. М.: ИЭА РАН. 2005. С. 286.

но я думаю просто: если человек останется без денег, ему вообще хоть в пустыне, но когда без денег, когда нет средств к существованию, остальное мало волнует. ...Но кроме города, есть еще загород. И люди зачастую в летний период в основном отдыхают за городом. И то есть вспоминается все это озеленение уже в период, когда заканчиваются отпуска, когдаходишь вот в эту рутину каждодневную, хочется порадовать чем-то глаз, тогда уже задумываешься о том, что тебя окружает. А финансовый вопрос – он давит постоянно. То есть природный фактор, мне сейчас кажется, не на первом месте» (ФГ-1, Иван, 30 л., проживает в Саранске 9 лет).

Таким образом, удовлетворенность проживанием в Саранске парадоксальным образом усиливается при наличии социальных контактов с сельской «периферией» региона, а их утрата ослабляет привязанность к нему как месту жительства. Молодежь, склонная проводить больше времени со сверстниками именно в городе, выражает недовольство отсутствием мест для отдыха и спонтанного общения, которые постоянно привлекали бы людей, и «нефункциональностью» для этих целей имеющихся «псевдопубличных» (Р. Сеннет) пространств: «Сейчас город, мне кажется, в руках ...крепких хозяйственников, максимально консервативных, которые в реалиях постиндустриального общества уже, эти решения... от них просто хочется рыдать. ...И пример – это наша набережная около стадиона, там ...прогуляться можно пару раз, такое место для разговоров, и все, большую часть времени она пустует. Там люди не ходят, просто там нечего делать. И у нас в городе ...очень много мест, которые ну просто не функциональны. Ту же самую набережную можно сделать, развить там бизнес, какие-то поставить площадки, что-то еще» (ФГ-2, Николай, 19 л., проживает в Саранске 12 лет).

На фокус-группах практически сразу возникает тема «уеду или останусь»: «Для меня Саранск – это спокойный, тихий город, который очень медленно развивается и почему-то часто возникает желание его покинуть» (ФГ-1, Ксения, 30 л., проживает в Саранске 12 лет). У молодых уроженцев Саранска, участвовавших во второй фокус-группе, эта установка выражена в качестве сформировавшегося намерения: «Это место, которое будет приятным для меня, когда я отсюда уеду, и потом буду с теплотой вспоминать и, может быть, потом, под конец жизни, я сюда вернусь... Более амбициозной молодежи здесь делать не то, что нечего, но она будет всегда стремиться покинуть его, чтобы реализовать свой потенциал в городах, где инфраструктура для этого более расположена, или она более продвинутая, чем здесь. Хотя в последние годы здесь также создаются площадки и условия, но все равно они еще далеки от тех, что, например, в крупных городах» (ФГ-2, Артем, 19 л., родился в Саранске).

В качестве основного фактора, влияющего на решение переехать в Саранск или, напротив, уехать в более крупный город при удобном случае, респонденты называют возможность зарабатывать на жизнь: «Самый

главный фактор – это социально-экономический, когда у тебя низкий прожиточный минимум, когда у тебя недостойная зарплата, ты все остальные проблемы опустишь не то что на второй, на третий и четвертый планы. ...Вот раньше, когда я уходил из общежития даже на первом, втором курсе, у меня была ...такая аллея, но сейчас этой аллеи нет, потому что ее просто вырубili. И, так скажем, это тоже небольшая травма, но потом уже с месяцами ты стал понимать, что, даже несмотря на недостаточность зеленых насаждений, серые краски в городской архитектуре, все это меркнет по сравнению с тем, что ты думаешь, как тебе вообще дальше жить, на что и как сберечь то, что ты пока еще имеешь» (ФГ-1, Олег, 22 г., проживает в Саранске 4 года).

Как следствие, в дискуссии в обеих группах прозвучали высказывания об ущербе, нанесенном городу столичными амбициями советского и современного руководства Саранска, об имитации столичности как неверном направлении развития и, в качестве альтернативы миграции в более крупные города, о необходимости ограничения его количественного роста и перехода от экстенсивного количественного к интенсивному качественному развитию именно в статусе провинциального города: «У нас маленький город, у нас есть желание, как столица, стать великой, я не знаю, на кого мы равняемся, на Москву или Питер, но это несопоставимо. Нужно наоборот... брать свою уникальность. Мы можем быть маленьким, уютным и таким, как сказать, компактным городочком. И у нас может быть за счет этого своя привлекательность» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет); «...В некотором смысле, это надо признать и не вкладывать все ресурсы, на мой взгляд, в то, чтобы поддерживать эту столичность, наоборот-таки строить хороший, качественный, провинциальный город с комфортными улицами, комфортными ...внешними принципами жизни, как какой-нибудь скандинавский, центрально-европейский город» (ФГ-2, Петр, 20 л., родился в Саранске).

Оценить степень сформированности, структурные особенности и основные факторы становления столичной идентичности жителей Саранска позволил массовый опрос горожан. Ответы на вопрос «С кем из данных групп населения Вы испытываете чувство общности, и в какой степени?» показали, что самоидентификация с жителями Саранска («очень сильно» – 11 %, «сильно» – 51 %) по критерию чувства общности в их идентификационном наборе находится на втором месте по степени значимости после солидарности с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь (чувство общности с этой категорией «очень сильно» испытывают 24 % респондентов, «довольно сильно» – 48 %).

При этом, так как 90 % респондентов проживают в городе не менее 10 лет, он концентрирует их основные дружеские и родственные связи, что приводит к частичному совмещению этих двух идентификаций. Поэтому, отвечая на вопрос, что связывает с Саранском их лично, две трети опрошенных в числе трех возможных выбирают вариант «Здесь живут мои друзья, близкие мне люди» (66 %), в то время как «примордиальная» идентификация («это мой

родной город») в ответах на тот же вопрос упоминается значительно реже (46 %). Ответ «Столица Мордовии» на вопрос об ассоциациях с названием города выбрали 43 % опрошенных; этот ответ находился на втором месте по частоте упоминаний после ассоциации «храмы, соборы» (51 %). К числу наиболее частых упоминаний относились также «парки, лесопарки, сады, зеленые насаждения» (32 %), «спортивные мероприятия и сооружения» и «памятники истории и культуры, театры, музеи» (28 %). Столичная самоидентификация в данном случае выявляется примерно у половины респондентов.

Идентификационная связка одновременно с Мордовией и столичным городом на вопрос «Кем вы себя чувствуете в первую очередь: жителем Саранска или жителем Мордовии?» отмечается у 51 % респондентов; при этом ощущают себя в первую очередь жителями Саранска 27 % опрошенных горожан, жителями Мордовии – 17 %, 5 % затруднились с ответом.

Попытка измерить степень значимости столичной идентичности для населения Саранска при помощи таких поведенческих установок, как планирование в будущем переезда в другой населенный пункт, объединение с более экономически развитым, по сравнению с Мордовией, регионом, дает противоречивые результаты. Если планы на выезд из Саранска на постоянное место жительства имеются у меньшинства (на вопрос «Планируете ли Вы в будущем переехать в другой город (село) на постоянное место жительства?» 11 % респондентов ответили «да» и 9 % – «скорее да»), то отрицательный ответ на этот вопрос дают 49 % опрошенных, ответ «скорее нет» – 22 %, и 10 % не задумывались над ним (вопрос относился к уже оформленным планам).

В то же время отрицательное (10 %) или скорее отрицательное (13 %) отношение к идее возможного объединения Мордовии с экономически более сильным субъектом Федерации, почти наверняка предполагающей потерю Саранском столичного статуса в объединенном регионе, демонстрирует меньшинство горожан при еще 25 % затруднившихся с ответом. Таким образом, половина опрошенных оценивают эти планы положительно (34 %) или скорее положительно (18 %), очевидно, исходя из утилитарных соображений о том, что выгоды возможного объединения для населения как Мордовии в целом, так и самого крупного города республики перевесили бы неизбежные в результате такой «оптимизации» потери.

К числу социальных факторов, влияющих на интенсивность и содержание социальной идентичности столичного населения в республиках в составе России, относится длительность проживания семьи в столичном городе, измеряемая в поколениях. Наибольшая доля опрошенных (42 %) отметили, что являются горожанами в первом поколении, 28 % – во втором (в Саранске проживали их родители), 13 % – в третьем, 17 % – в четвертом и более. Эти данные отражают основные тенденции изменения состава населения г. Саранска в XX–XXI вв. за счет «стягивания» значительной части населения республики и усиления миграционного оттока в другие города и регионы в постсоветский период.

Результаты исследования демонстрируют наиболее высокую степень значимости самоидентификации с населением столичного города у жителей Саранска в первом поколении, для которых это место жительства явилось объектом целенаправленного выбора: так, среди них 60 % испытывают «довольно сильное» чувство общности с населением города, «очень сильное» – 6 %, в то время как среди жителей столицы второго поколения – соответственно 50 % и 10 %. Косвенным показателем самоидентификации с городом является оценка распространенности такого качества, как «стремление уехать из Саранска». Его относят к числу качеств, наиболее присущих населению столицы, 36 % горожан в четвертом поколении, 39 % – в третьем, 27 % – во втором и лишь 16 % – в первом.

Идентифицируя социальную структуру Саранска в аспекте соотношения различных групп занятого и незанятого населения, респонденты также выделяют преимущественно экономически неактивные либо занятые в сферах, не связанных с материальным производством или инновационной экономикой: Саранск характеризуется ими как город студентов (34 %), безработных (28), бюджетников (21), спортсменов (19 %) и т. д., в то время как «городом предпринимателей» его называют всего 8 % респондентов, «городом работников промышленных предприятий» – 7 %, «городом представителей новых профессий (IT, новые технологии и др.)» – 2 %.

На фокус-группах экономическая ситуация интерпретируется в высказываниях, выражающих сожаление об отсутствии или деградации «градообразующих предприятий» и отраслей, и артикуляции миграционных настроений. Аналогичные установки находят отражение и в массовом опросе. На уровне социальных практик наибольший вклад в формирование столичной идентичности вносят профессиональная и образовательная сферы, однако, по мнению респондентов, профессиональная деятельность, создающая преимущества республиканского столичного города, концентрируется в сфере «сервисной экономики» символической направленности – культурных и образовательных услуг, а также индустрии досуга и отдыха. Значительный вклад вносят учреждения высшего образования на уровне как социальных практик («город студентов»), так и символических репрезентаций (памятник Н. П. Огареву), независимо от востребованности их выпускников на республиканском рынке труда. При этом респонденты не видят оснований для положительной оценки общей экономической ситуации, предпосылок экономического роста, рынка труда, предпринимательского климата, уровня жизни населения города.

Так, отвечая на вопрос «Что, на Ваш взгляд, делает Саранск привлекательным для проживания в городе с точки зрения развития экономики?», респонденты не нашли оснований для положительной оценки уровня жизни городского населения, условий для развития промышленности, предпринимательства в сфере малого и среднего бизнеса, рынка труда, в том числе в аспекте спроса на квалифицированную рабочую силу и экономической ситуации в целом.

42 % респондентов выбрали вариант «географическое положение, близость центральных регионов России», 27 % – «ничего из перечисленного», 17 % затруднились ответить, а следующий по частоте вариант ответа, указывающий на преимущества экономического положения Саранска, «доступные цены и широкий ассортимент товаров и услуг», выбрали всего лишь 8 % опрошенных. Под «центральными регионами России» в данном случае понимаются Москва и Московская область, являющиеся основными регионами миграционного оттока из Мордовии, о чем свидетельствуют и данные опроса: так, из числа 20 % респондентов, которые планируют в будущем куда-либо переехать, 37 % указали в качестве пункта назначения Москву или Московскую область, 22 – другой город или регион России, 11 – другой населенный пункт на территории Мордовии, 5 – другую страну, 26 % еще не определились с выбором.

Вопреки общей оценке городской среды Саранска как комфортной респонденты демонстрируют низкую удовлетворенность ее состоянием по многим частным показателям: например, только 23 % респондентов считают, что город вполне обеспечен объектами общественного назначения. Ответы на вопрос о недостающих объектах демонстрируют несовпадение интересов разных категорий населения: в условиях пандемии респонденты чаще всего отмечают нехватку в городе больниц и поликлиник (33 %), заявляют о нехватке детских площадок (18), парков и зеленых насаждений (16), детских садов (15), магистральных улиц (12), общественных пространств под открытым небом (10) и пешеходных зон (10 %).

Опрос в целом подтвердил высказанное на фокус-группах мнение о разобщенности и пассивности большинства жителей Саранска в решении проблем благоустройства города, имеющих к ним непосредственное отношение. Респонденты редко занимаются общественно полезной деятельностью за исключением уборки и благоустройства придомовой или школьной территории, не требующей объединения с незнакомыми людьми, что соответствует ответственности за происходящее в доме или во дворе [20, с. 49–50]. Такие мероприятия посещают 30 % респондентов, 6 % имеют опыт участия в волонтерских группах по благоустройству города, 1 % когда-либо участвовали в общественных слушаниях по вопросам застройки своего жилого района или в протестах против уплотнительной застройки, столько же обращались в органы власти или местного самоуправления либо суды для решения этих проблем. Даже виртуальную активность в решении городских проблем проявляет незначительная часть опрошенных: 3 % из них участвовали в обсуждении городских проблем в общедоступных и широко известных группах в социальной сети «ВКонтакте» («Доска позора» и т. п.).

Показателями нежелания респондентов обращаться с какими-либо запросами в органы власти являются незнание респондентами фамилий муниципального депутата от их избирательного округа (90 %) и председателя Совета депутатов г. о. Саранск (80 %).

В одной из дискуссий была затронута политика формирования республиканской и столичной идентичности на основе национальной идентичности титульной этнической общности республики – мордвы, которую применительно к постсоветским государствам Р. Брубейкер называет «национализирующей» [23, с. 1789]. Информанты оценили такую политику как проводимую за отсутствием других «объединяющих» ценностей: «... Может быть, и как раз нет такой именно какой-то объединяющей, связующей, то есть мы национальность эту выпячивали, миллениум там, тысячелетие [имеется в виду празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства в Саранске в 2012 г.], а вот чего-то объединяющего у нас не было. Между не только русскими, то есть не только мордву, шокошу, мокошу, эрзю, а именно, чтобы русский народ и татарский, и все национальности республики объединились» (ФГ-1, Ксения, 30 л., проживает в Саранске 12 лет).

Обсуждая тему мордовской этничности и ее пропаганды, информанты сразу же переходят на республиканский уровень политики идентичности: таким образом, моноэтническая «национализация» идентичности населения Саранска не воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Характерно, что «национальный вопрос» был затронут только в одной фокус-группе, а количественное исследование не выявило его существенного влияния на столичную самоидентификацию населения Саранска. Отвечая на вопрос «Попытайтесь, пожалуйста, охарактеризовать Саранск максимально кратко», респонденты чаще всего описывали его как «самый чистый город» (59 %), «столичный город» (23), остальные характеристики – «центр мордовской культуры» (13), «самый благоустроенный город» (13 %), «современный город», «старинный город», «центр финно-угорской культуры» и т. д. – встречались реже.

В то же время в вопросе о преимуществах Саранска с точки зрения условий проживания, развития инфраструктуры и сферы услуг, имея возможность дать несколько вариантов ответа, респондентами чаще всего упоминались такие свойства городской среды, как «отсутствие межнациональных конфликтов, стабильные и добрососедские межнациональные отношения» (40 %), «исторические, культурные и архитектурные достопримечательности» (21), «развитый городской транспорт» (18), «обеспеченность местами отдыха и развлечениями» (17), «возможности для развития национальных культур» (12 %).

Обсуждение и заключение. В структуре столичной идентичности населения Саранска системообразующим компонентом является идентификация со столичным статусом города, опосредованно основанная на идентификации со статусом Мордовии как республики, однако одобрительное отношение половины опрошенных к возможной потере столичного статуса в случае объединения с более развитым регионом свидетельствует о неустойчивости этой идентификации. Другие компоненты столичной идентичности в виде идентификации с мордовской культурой и этничностью, городскими индустриями

(«градообразующими предприятиями») и городскими сообществами выражены слабо.

Результаты исследования демонстрируют распространенность среди части населения Саранска, в особенности молодежи, идентичности «транзитного города», основу которой составляет установка на переезд в более крупный город. Таким образом, основное ограничение в формировании и поддержании столичной идентичности в республике связано с дефицитом городской идентичности вообще и слабой привязанностью к столичному городу как месту проживания у его населения.

Респонденты, 70 % которых составляют горожане в первом или втором поколении, рассматривают место жительства как предмет рационального выбора, предпочитая по социально-экономическим причинам Саранск республиканской периферии и более крупные города – Саранску. Экономические факторы способствуют «выталкиванию» населения из Саранска, а отсутствие привязанности к месту на микроуровне усиливает этот процесс. Основу городской идентичности в Саранске, как и в более крупных городах, составляют сети «слабых связей» на основе принадлежности к профессиональным сообществам и образовательным институтам («город студентов»), однако качество городской среды, по мнению его жителей, не способствует формированию и развитию таких контактов.

Интерес представляют рекомендации, высказанные локальными активистами на фокус-группе, о необходимости большей открытости в процессе организации городскими властями общественных слушаний по вопросам благоустройства города с целью выявления и учета потребностей горожан и вовлечения их в процесс благоустройства города, активизации формирования локальных сообществ. Представляется актуальным применение в процессе реконструкции архитектурной среды основных рекомендаций современных социальных урбанистов, направленных на «оживление» ее социальных функций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Brubaker R. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton : Princeton University Press, 2006. 439 p. doi: <https://doi.org/10.2307/j.ctv346r9g>
2. Власова Т. А., Обухов К. Н. В поисках «ижевского мифа»: символическое пространство города как ресурс развития территорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 4. С. 196–220. doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.8>
3. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения / Ю. П. Шабаетов [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
4. Yatsyk A. Regional Dimensions of Global Games: The Case of Sports Mega Events in Tatarstan // Mega Events in Post-Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and

Exclusion / ed. by A. Makarychev, A. Yatsyk. New York : Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 173–195. doi: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-49095-7>

5. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 24–53. URL: https://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

6. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3. С. 95–107. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/05.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

7. Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 1. С. 44–66. doi: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>

8. Scott J. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven : Yale University Press, 1998. 464 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1nq3vk> (дата обращения: 25.07.2021).

9. Alexander C. “A City is Not a Tree”// The Urban Design Reader. 2nd edition / ed. by M. Larice, E. Macdonald. London : Routledge, 2012. Pp. 152–166. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203094235>

10. Лексин В. Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. Т. 18, № 1. С. 3–33. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5127> (дата обращения: 25.07.2021).

11. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Развитие больших городов в России в 2000-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1 (63). С. 39–51. URL: [http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1\(63\).pdf](http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1(63).pdf) (дата обращения: 25.07.2021).

12. Storper A., Scott A. J. Current Debates in Urban Theory: A Critical Assessment // Urban Studies. 2016. Vol. 53, issue 6. Pp. 1114–1136. doi: <https://doi.org/10.1177/0042098016634002>

13. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>

14. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4 (26). С. 75–89. doi: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89>

15. Мартыанов В. С. Города и государства: в поисках новой стратегии взаимодействия // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 170–194. doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990005094-5>

16. Кочухова Е. С., Мартыанов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 45–66. doi: <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>

17. Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147–165. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>

18. Иванов П. В. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8, № 11. С. 5–15. <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4448> (дата обращения: 25.07.2021).

19. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362–385. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>

20. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. «Городское молчание» в Москве: предположки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48–65. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04>

21. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29–37. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>

22. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 205–222. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>

23. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Pprojects and Processes of Nationalization in post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34, issue 11. Pp. 1785–1814. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

Поступила 25.08.2021; одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 25.11.2021.

Об авторах:

Богатова Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, bogatovaola@gmail.com

Долгаева Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>, ewgiv@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. А. Богатова – разработка концепции исследовательского проекта, программы и вопросников исследования; сбор, обработка и анализ информации; подготовка и критический анализ текста статьи.

Е. И. Долгаева – разработка программы и вопросников исследования; сбор, обработка и анализ информации.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Brubaker R. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton: Princeton University Press; 2006. doi: <https://doi.org/10.2307/j.ctv346r9g>

2. Vlasova T.A., Obukhov K.N. In Search of the “Izhevsk Myth”: The Symbolic Space of the City as a Resource for the Territory Development. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(4):196–220. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.8>

3. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Labunova O.V., Sazonova N.N. Anthropological Understanding of the City and Urban Research Methodology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(3):248–267. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
4. Yatsyk A. Regional Dimensions of Global Games: The Case of Sports Mega Events in Tatarstan. In: Makarychev A., Yatsyk A., eds. *Mega Events in Post-Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. doi: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-49095-7>
5. Bauman Z. City of Fears, City of Hopes. *Logos*. 2008;(3):24–53. Available at: https://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (accessed 25.07.2021). (In Russ.)
6. Sennet R. Capitalism in the Big City: Globalization, Flexibility and Indifference. *Logos*. 2008;(3):95–107. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/05.pdf (accessed 25.07.2021). (In Russ.)
7. Lebedeva E.V. “Right to the City”: Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (by the Example of Minsk). *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(1):44–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>
8. Scott J. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press; 1998. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1nq3vk> (accessed 25.07.2021).
9. Alexander C. “A City is Not a Tree”. In: Larice M., Macdonald E., eds. *The Urban Design Reader*. London: Routledge; 2012. p. 152–166. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203094235>
10. Leksin V.N. Cities of Power: Administrative Centres of Russia. *Mir Rossii*. 2009;18(1):3–33. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5127> (accessed 25.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Russia Largest Cities Development in 2010s. *Regional'nye issledovaniya*. 2019;(1):39–51. Available at: [http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1\(63\).pdf](http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1(63).pdf) (accessed 25.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Storper A., Scott A.J. Current Debates in Urban Theory: A Critical Assessment. *Urban Studies*. 2016;53(6):1114–1136. doi: <https://doi.org/10.1177/0042098016634002>
13. Antonova N.L., Abramova S.B., Polyakova V.V. The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):443–462. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>
14. Evstifeev R.V. Designing City Identities: Goals, Mechanisms, Actors. *ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2020;(4):75–89. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89>
15. Martianov V.S. The Cities and States: In Search of a New Strategy of Interaction. *Social Sciences and Contemporary World*. 2019;(3):170–194. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990005094-5>
16. Kochukhova E.S., Martianov V.S. Creative City or Right Toward the City: Alternative of Urban Development in Russian Context. *Antinomies*. 2019;19(2):45–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>
17. Zamyatin D.N. Post-City: Space and Ontological Models of Imagination. *Polis. Political Studies*. 2018;(3):147–165. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>

18. Ivanov P.V. Urban Dwellers and Production of Urban Space (On the Example of Russian Cities). *Interaction. Interview. Interpretation*. 2016;8(11):5–15. Available at: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4448> (accessed 25.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Belousov A.B., Davydov D.A. From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(6):362–385. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>

20. Mersianova I.V., Korneeva I.E. “City Silence” in Moscow: Prerequisites and Public Involvement in Civil Society Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015;(6):48–65. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04>

21. Semenov A.V. The Roots of the Grass: Patterns of Grassroots Urban Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. 2019;(12):29–37. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>

22. Zhelnina A.A., Tykanova E.V. ‘Players’ in ‘Arenas’: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(2):205–222. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>

23. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*. 2011;34(11):1785–1814. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

Submitted 25.08.2021; approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 25.11.2021.

About the authors:

Olga A. Bogatova, Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, bogatovaoa@gmail.com

Evgenia I. Dolgaeva, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>, ewgiv@mail.ru

Contribution of the authors:

O. A. Bogatova – working out of the research project concept, the program and questionnaires of research; collection, processing and analysis of the information; writing and critical analysis of the text of the article.

E. I. Dolgaeva – working out of the program and questionnaires of research; collection, processing and analysis of the information.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

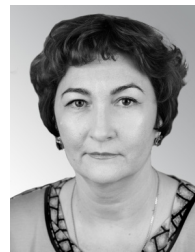
Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации

В. П. Воробьев¹✉

С. Г. Ивченков²

Е. В. Еремина¹

В. Н. Ретинская¹

И. А. Мурзина¹

¹ Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация)

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Российская Федерация)
✉ stlem2007@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальной междисциплинарной проблемой является определение факторов, детерминирующих процессы конструирования социальной идентичности, выступающей в качестве социокультурного фундамента существования любого сообщества. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить актуальную роль и потенциальные возможности художественно-эстетических компонентов социального пространства в процессе формирования региональной идентичности молодежи.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования стали данные анкетного опроса молодежи г. Москвы и Московской области, Пензенской и Саратовской областей (n = 1 000) и интервью с представителями студенческой молодежи Саратова

© Воробьев В. П., Ивченков С. Г., Еремина Е. В., Ретинская В. Н., Мурзина И. А., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и Пензы ($n = 30$), посвященных анализу идентификационной иерархии молодежи и влиянию эстетических компонентов социального пространства региона на формирование ее региональной идентичности. Указанные методы позволили выявить важную роль художественно-эстетических компонентов регионального социального пространства в конструировании региональной идентичности и регионального патриотизма молодежи региона.

Результаты исследования. Определена связь «местного» патриотизма и конкретных социальных установок, ориентированных на развитие территориального сообщества и улучшение его имиджа, а также частичная детерминированность региональных составляющих социальной идентичности респондентов образно-эстетическими факторами. Показано, что на теоретическом уровне учет эстетических факторов конструирования социальной идентичности предполагает переход от детерминированных моделей взаимодействия в системе «социальная среда – формирующаяся личность» к стохастическим.

Обсуждение и заключение. При моделировании процесса формирования социальной идентичности молодежи теоретические модели, опирающиеся на концепции социального конструктивизма, должны учитывать уникальные, интимно-личностные взаимодействия конкретного индивида с единичными социокультурными феноменами, символизирующими коллективную идентичность. Результаты исследования будут полезны всем агентам социализации в практике использования эстетических компонентов регионального социального пространства в процессе формирования регионального патриотизма.

Ключевые слова: молодежь, социализация, социальная идентичность, социальное конструирование, регион, социальное пространство, эстетическая информация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31769.

Для цитирования: Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации / В. П. Воробьев [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 470–491. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>

Original article

Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information

V. P. Vorobev^a✉, S. G. Ivchenkov^b, E. V. Eremina^a,
V. N. Retinskaya^a, I. A. Murzina^a

^a Penza State University (Penza, Russian Federation)

^b Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

✉ stlem2007@yandex.ru

Abstract

Introduction. An urgent interdisciplinary problem is the identification of factors that determine the processes of constructing social identity, which is the socio-cultural foundation of the existence of any community. The aim of the work is to identify the actual role and potential of artistic and aesthetic components of social space in the process of forming the regional identity of the youth.

Materials and Methods. The empirical basis of the study was the data of a questionnaire survey of the youth of Moscow and the Moscow region, Penza and Saratov regions ($n = 1000$) and interviews with representatives of the student youth of Saratov and Penza ($n = 30$), devoted to the analysis of the identification hierarchy of the youth and the influence of aesthetic components of the social space of the region on the formation of its regional identity. These methods revealed the important role of artistic and aesthetic components of the regional social space in the construction of regional identity and regional patriotism of the youth of the region.

Results. Based on the results of the research, a conclusion has been made about the connection between “local” patriotism and specific social attitudes focused on the development of the territorial community and the improvement of its image, as well as about the partial determinism of the regional components of the respondents’ social identity by figurative and aesthetic factors. It is shown that at the theoretical level, taking into account the aesthetic factors of the construction of social identity implies a transition from deterministic models of interaction in the system “social environment – emerging personality” to stochastic ones.

Discussion and Conclusion. The authors point out when modeling the process of forming the social identity of young people, theoretical models based on the concepts of social constructivism should take into account the unique, intimate-personal interactions of a particular individual with separate socio-cultural phenomena symbolizing collective identity. The results of the study can be used by all agents of socialization in the practice of applying aesthetic components of regional social space in the process of forming regional patriotism.

Keywords: the youth, socialization, social identity, social construction, region, social space, aesthetic information

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31769.

For citation: Vorobev V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):470–491. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>

Введение. Влияние социокультурных факторов на развитие сообществ любого уровня традиционно находится в центре внимания не только социологов, но и представителей иных социальных наук (прежде всего экономики и политологии). Современные исследования данной проблемы отличаются многоаспектностью анализа и использованием различного исследовательского инструментария. Нас интересует тот аспект названной проблемы, который затрагивает сами предпосылки существования конкретного сообщества как реальной группы, т. е. вопрос о роли групповой идентичности в успешном функционировании различных социальных подсистем той или иной территориальной системы.

Социальная (групповая) идентичность членов сообщества, как известно, представляет собой чувство принадлежности к сообществу, ощущение себя как части группы («Мы»). При отсутствии данного социально-психологического феномена группа существует лишь как номинальная: ее участники

могут обладать сходными социальными качествами и проявлять сходные реакции на определенные социальные стимулы, но не способны демонстрировать сплоченность и более-менее развитую способность к самоорганизации. По сути, в данном случае речь идет просто о категории людей, а не о сообществе. При этом имеются свидетельства, что «качество» социально-идентификационных характеристик сообщества частично детерминирует и ряд процессов, связанных с его социально-экономическим развитием. Так, на уровне корпоративных сообществ обнаружено опережающее влияние коллективной идентичности на становление корпоративной культуры, являющейся важным условием эффективности любой организации [1]. На уровне региональных систем зафиксирована корреляция между феноменом регионального патриотизма и лояльностью потребителей по отношению к региональным брендам [2].

В связи с этим встает задача адекватного описания процессов сознательного влияния на становление социальной идентичности молодежи в контексте проблем стратегического развития регионов. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать социализирующий потенциал эстетических компонентов социальной среды в процессе конструирования социальной идентичности молодежи.

Обзор литературы. Концепция социальной (групповой) идентичности основана на работах Г. Теджфела, Дж. Тернера и др.¹. В современных зарубежных исследованиях чаще всего затрагиваются вопросы взаимосвязи социальной идентичности с проблемами социального статуса индивида [3], взаимосвязи возраста с процессами идентификации [4]. Особое внимание ученых привлекает влияние цифровизации социального пространства на идентичность молодежи [5; 6]. В то же время некоторые исследователи высказывают радикальную идею о неопределенности самого концепта идентичности, которая ведет к снижению его аналитической ценности [7].

В работах отечественных ученых также изучаются проблемы социальной идентичности на разных уровнях социального пространства и на уровне индивидуального сознания [8; 9]. Значительное внимание исследователей в нашей стране и за рубежом привлекают и проблемы региональной (территориальной) идентичности. При этом А. Пааси предлагает отделять идентичность региона как чисто аналитический конструкт от региональной идентичности как феномена группового сознания жителей региона [10, p. 163–178]. На эмпирическом уровне фиксируется усиление региональных составляющих социальной идентичности, что наблюдается, в частности, в европейских странах [11, p. 206–221]. Имеются данные о том, что и на идентичность

¹ Tajfel H. The Achievement of Group Differentiation // *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations* / ed. by H. Tajfel. Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press. London, New York and San Francisco, 1978; Turner J. Social Categorization and the Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behaviour // *Advances in Group Processes* / ed. E. Lawer. 1985. Vol. 2. Pp. 77–121.

современной молодежи региональные факторы оказывают серьезное влияние [12]. При этом ряд ученых акцентируют внимание не только на функциональных эффектах региональной идентичности [13], но и на дисфункциональных [14].

Отечественные социологи также уделяют значительное внимание указанному аспекту проблемы социальной идентичности². Некоторые авторы акцентируют внимание на взаимодействии региональной составляющей с другими уровнями социальной идентичности [15; 16]. Другие ученые рассматривают региональную идентичность в контексте национальной политики, отмечают ее стабилизирующий, надэтнический характер [17; 18], описывают процесс политически мотивированного конструирования региональной идентичности, выделяя в качестве субъекта данного процесса прежде всего региональные элиты [19].

Наиболее неразработанное проблемное поле теории социальной идентичности связано с попытками выявить механизмы сознательного влияния на формирование позитивной социальной идентичности личности. В этой связи зарубежные исследователи чаще всего обращают внимание на особую роль СМК и института образования в формировании социальной идентичности молодежи (в том числе на уровне региональной культуры) [20; 21].

В то же время наиболее популярной моделью формирования социальной идентичности остается социально-конструктивистская. Согласно социально-конструктивистскому подходу, эффективное влияние на становление и воспроизводство групповой идентичности обусловлено авторитетом элитных групп и экспертов, на дискурсивном уровне осуществляющих демаркацию между конструируемыми общностями [22, с. 33]. Здесь именно авторитет (по П. Бурдье – «символическая власть», «символический капитал») людей, воспринимаемых членами потенциальной (номинальной) группы в качестве экспертов, обеспечивает превращение группы из номинальной в реальную, характеризующуюся развитым групповым самосознанием. Подобные социализирующие технологии на основе трансляции «официального нарратива» описываются и при анализе проблем конструирования региональной идентичности [23].

В указанной теоретической конструкции имеются существенные упрощения: содержание символической власти трактуется сугубо когнитивистски – как власти навязанной индивидам официальной картины мира и официальной картины границ между группами. При этом эмоциональный «заряд» самой социализирующей информации практически не рассматривается.

² Маркин В. В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов [Электронный ресурс]: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Markin_Regionalnaya.pdf (дата обращения: 12.10.2021); Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона): дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018; Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М. : Новый хронограф, 2010.

Крайне важной особенностью социально-конструктивистских моделей социализации является то, что она предполагает своеобразную монополизацию пространства интерпретаций. Наличие этой монополизации постулируется прежде всего в ходе первичной социализации, при которой в процессе социального взаимодействия с агентами социализации осуществляется интериоризация формул «легитимной реальности». Но даже в процессе социального влияния на взрослых, с точки зрения конструктивистов, серьезная перестройка сознания индивида маловероятна вне монополизации официальной картины мира: к примеру, П. Бергер и Т. Лукман предполагают, что успешная ресоциализация индивида возможна лишь в условиях его изоляции от иных социокультурных «миров»³.

Очевидно, что, к примеру, в условиях прогрессирующей цифровизации социальных взаимодействий соблюдение данных условий просто невозможно: неизбежность влияния на индивида разнонаправленных средств массовой коммуникации (прежде всего интернета) является той реальностью, с которой необходимо считаться. Соответственно, возникают серьезные сомнения в социализирующей эффективности технологий простого навязывания «одобренной» картины социальной реальности, в том числе и в сфере конструирования социальной идентичности.

Если же говорить о региональной идентичности, то на этом уровне тем более нельзя говорить о монопольном пространстве интерпретаций социальной реальности. Стратегический подход к развитию любого субъекта предполагает учет общей специфики стратегического социального действия, включающего в себя обязательный учет возможных «ответных» действий контрагентов⁴. Соответственно, при анализе механизмов становления социальной идентичности в контексте стратегического развития территорий необходимо всегда принимать во внимание конкурирующие социализирующие воздействия, в том числе со стороны иных территориальных и социальных сообществ. Это лишний повод усомниться в абсолютной адекватности механизмов социального влияния на установки личности, опирающиеся на монополизацию таких механизмов.

По нашему мнению, трудность в научном описании технологий формирования социальной идентичности определяется тем, что она является *ценностным* феноменом.

Традиционные описания социальной идентичности, как правило, подчеркивают наличие серьезных отличий между социальной идентичностью и феноменом ценностного сознания [24]. Авторское видение соотношения понятий «социальная идентичность» и «социальные ценности» предполагает акцент на выделение каналов сознательного влияния на

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, 1995. С. 157.

⁴ Habermas J. theory of Communicative Action. Vol. 1. Cambridge: Polity Press, 1995. Pp. 285–286.

социально-идентификационные установки индивида в условиях конкуренции агентов социализации, представляющих различные мировоззренческие системы. В рамках такого подхода социальную идентичность, по мнению авторов, можно рассматривать как ценностный феномен. Ценностный характер социальной идентичности проявляется:

- в иерархическом характере системы социальных идентификаций;
- в невозможности ее формирования с опорой только на принуждение или обычное манипулирование;
- в произвольном характере выбора «своей» группы в условиях разнонаправленных социализирующих влияний на личность;
- в невозможности логического обоснования такого выбора.

Все эти особенности проявляются при конструировании социальной идентичности молодежи в условиях плюрализации информационного пространства и полностью совпадают с ключевыми признаками феномена ценности⁵.

По нашему мнению, непосредственное воздействие на формирование социальной идентичности как ценностного феномена адекватно описывается при помощи понятия эстетической информации (А. Моль)⁶, которая, в отличие от семантической информации, способна не только влиять на поведение индивида, но и менять сам его внутренний мир, по сути – формировать либо трансформировать личность. В классической социологии сила и глубина эстетического фактора социализации зафиксирована в концепции харизматического господства⁷ и в тезисе о сравнимости художественного воздействия с религиозным⁸, в педагогике – в акцентировании особого влияния красоты на процессы ресоциализации молодежи⁹.

В то же время углубленные исследования влияния эстетических компонентов культуры на формирование автономного ценностного сознания пока отсутствуют как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне.

Материалы и методы. В ходе авторского эмпирического исследования влияние эстетической информации на социальную идентичность анализировалось на примере ее «местных» составляющих – поселенческой и региональной идентичности.

Гипотезы исследования:

- «местные» составляющие социальной идентичности молодежи частично детерминируются эстетическими факторами социального пространства региона;

⁵ Rokeach M. The Nature of Human Values. New York : Free Press, 1973. P. 4; Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.; Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 306–308; Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. 292 с.

⁶ Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М. : Мир, 1966. С. 199–209.

⁷ Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.

⁸ Вебер М. М. Избранное. Образ общества. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 24.

⁹ Макаренко А. С. Сочинения: в 7 т. М. : АПН, 1958. Т. 5. С. 130–133.

– поселенческая идентичность более значима для молодежи; собственно же региональная составляющая коллективной идентичности в сознании значительной части молодых людей также фактически сводится к «поселенческому патриотизму», объектом которого чаще всего становится региональный центр, в котором сосредоточена большая часть артефактов – носителей эстетической информации;

– потенциал влияния эстетической информации на становление и воспроизводство социальной идентичности используется слабо, что проявляется в снижении социализирующей роли традиционных форм художественной культуры.

Эмпирическая база исследования идентификационной иерархии современной молодежи включает в себя результаты двух авторских исследований. Во-первых, использовались данные массового анкетного опроса молодежи от 16 до 30 лет, проведенного в Пензенской, Саратовской, Московской областях и г. Москве в сентябре – октябре 2021 г. ($n = 1\,000$). Выборка квотная, структурирование осуществлялось по критериям пола и возраста. Во-вторых, при исследовании формирования социальной идентичности молодежи (на примере ее региональной составляющей) и роли эстетической информации в этом процессе использовался также качественный метод сбора информации – интервью. Интервьюирование осуществлялось в июле – сентябре 2021 г. в Саратове и Пензе. Респонденты давали развернутые ответы на предложенные вопросы в письменном виде в свободной форме. Саратовский и Пензенский регионы не относятся к регионам – лидерам социально-экономического развития. В то же время Саратов позиционируется как старый университетский центр и город с богатыми культурными традициями, а Пензенская область – как своеобразный пример бережного отношения к историко-культурному наследию. С этой точки зрения, установки молодежи данных регионов могут быть вполне информативными для определения социализирующего потенциала эстетической информации.

Цели интервьюирования:

– определить место региональной идентичности в системе идентификационных установок провинциальной молодежи;

– показать связь между отношением молодых людей к региону и конкретными социальными установками, ориентированными на развитие регионального сообщества;

– выявить взаимосвязь между названными выше установками и эстетическими компонентами регионального социального пространства.

Необходимо отметить, что в качественных исследованиях отсутствуют жесткие правила конструирования выборки; статистические приемы, которые используются при массовых опросах, здесь неприменимы. По мнению И. Е. Штейнберг, минимальное количество интервью варьируется от 15 до 50 [25, с. 47].

В нашем случае выборка составила 30 респондентов (16 – студенты дневной формы обучения Саратовского государственного национального

исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, 14 – студенты Пензенского государственного университета). Выборка двухступенчатая, вероятностная на обеих стадиях отбора. На первой стадии отбирались студенческие группы; на второй – из каждой группы отбиралось по одному респонденту. Рандомизация осуществлялась при помощи генератора случайных чисел (программа Microsoft Excel). Среди респондентов – 12 юношей и 18 девушек. При проведении обоих опросов от всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку полученных ответов.

Результаты исследования. В ходе анкетного опроса были выявлены приоритеты респондентов в социально-идентификационной сфере. Опрашиваемым было предложено по 5-балльной системе оценить значимость принадлежности к той или иной социальной группе (табл. 1).

В идентификационной иерархии на первом месте ожидаемо оказалась принадлежность к своей семье (средняя оценка – 4,48 балла). Значимость принадлежности к региону и поселению оценивается респондентами соответственно в 3,19 и 3,27 баллов, что существенно ниже, чем оценка по позициям, выражающим общечеловеческую, гражданскую и национально-этническую идентичность. Заметим, что снижение значимости «местных» составляющих идентичности и рост значимости общегражданской идентичности фиксируют и другие региональные исследования [13]. Тем не менее региональная и поселенческая идентичность оказалась все же более значима для опрошенных, чем религиозная (точнее, конфессиональная). Сравнение оценок юношей и девушек, а также респондентов разных возрастов (табл. 1) не выявило серьезных различий там, где речь шла о поселенческой и региональной идентичности. Обращает на себя внимание лишь некоторое снижение значимости региональной идентичности для респондентов старше 26 лет.

В то же время имеют место межрегиональные различия в оценках: саратовские респонденты оценивают значимость для себя региональной и поселенческой идентичности несколько ниже, чем московские и пензенские (средняя оценка по саратовской выборке – 3,17 и 3,12 баллов, по московской – 3,21 и 3,41, по пензенской – 3,43 и 3,35 баллов соответственно). Данное различие проявилось впоследствии при анализе итогов интервьюирования по Пензенской и Саратовской областям. Также в интервью была по-своему подтверждена и несколько большая значимость для респондентов принадлежности к «малой родине», нежели к региону. Это характерно не только для москвичей (что было бы ожидаемо), но и для провинциальной молодежи.

Уровень влияния классических каналов эстетической информации на респондентов оказался достаточно низким. Отвечая на открытый вопрос о том, каких современных писателей они могли бы назвать, подавляющее большинство сумели назвать не более 3–4 имен, аналогичные результаты были получены и при анализе ответов на вопрос об известных театральных деятелях и кинематографистах.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько для Вас значима принадлежность к определенной группе (сообществу)?» в зависимости от пола, возраста и региона проживания (средняя оценка; n = 1 000)
 Table 1. Distribution of responses to the question “How important is belonging to a certain group (community) for you?” depending on gender, age and region of residence (average score; n = 1000)

Вариант ответа / Answer option	Средний балл / Average core								
	Всего / Total	Регион / Region			Пол / Gender		Возраст / Age		
		Москва и Московская область / Moscow and Moscow Region	Сара- товская область / Saratov Region	Пензен- ская область / Penza Region	Мужской / Male	Женский / Female	До 18 лет / Under 18 years old	19–25 лет / 19–25 years old	26–30 лет / 26–30 years old
Гражданином своей страны / Citizen of one's country	3,65	3,65	3,69	3,62	3,67	3,64	3,66	3,60	3,76
Представителем своего народа (русским, татари- ном и пр.) / Repre- sentative of one's people (Russian, Tatar, etc.)	3,69	3,60	3,79	3,63	3,72	3,67	3,72	3,75	3,52
Верующим, принадле- жащим к определен- ной религии / Member of a religious group	2,78	2,57	2,77	2,86	2,77	2,79	2,85	2,73	2,76
Частью человечества / Part of humanity	3,84	3,67	3,95	3,78	3,77	3,89	3,91	3,88	3,6
Членом своей семьи / Member of one's family	4,48	4,54	4,50	4,43	4,46	4,48	4,42	4,52	4,47
Жителем региона / Res- ident of the region	3,19	3,25	3,13	3,23	3,22	3,16	3,21	3,19	3,14
Жителем населенно- го пункта (города, села и пр.) / Resident of a set- tlement (city, village, etc.)	3,27	3,41	3,17	3,32	3,34	3,21	3,32	3,29	3,12

81,4 % респондентов читают несколько книг в год или вообще не читают художественную литературу (за исключением книг по школьной программе), 76,4 % опрошенных не чаще одного-двух раз в год посещают кино и театр либо вообще не ходят в кинотеатры и на театральные спектакли. В связи с эти приходится предположить, что респонденты сталкиваются с эстетической информацией, символизирующей коллективные ценности, в основном в СМИ либо при восприятии объектов природы и городской среды.

В процессе проведения интервью с представителями студенческой молодежи Саратовской и Пензенской областей ($n = 30$) респондентам были предложены вопросы, касающиеся их отношения к стране в целом и к своему региону, позволяющие оценить влияние различных эстетических (в частности, образно-символических) факторов на их региональную и поселенческую идентичность.

При анализе ответов на вопрос о сущности патриотизма нас особенно интересовало, насколько понимание патриотизма распространяется на установки относительно своего региона и своей малой родины. С территориальной идентичностью связывают патриотизм приблизительно пятая часть опрошенных, подчеркивающих в своих ответах важность принадлежности к месту рождения: «Любовь как к чему-то, что тебе дорого. К России в целом, и к малой родине ...какие-то родные места. Есть люди, которые тебя воспитывали, а есть место, которое тебя воспитало. Под этим я понимаю Родину» (жен., 20 л.); «любовь к своей деревне, поселку, селу» (жен., 20 л.); «уважение к своему месту, где человек родился, где вырос» (жен., 21 г.). Отметим, что подобные ответы встречались лишь при интервьюировании девушек; юноши в решающей степени ориентируются на более «глобальные» объекты привязанности. Самым же интересным в ответах респондентов было отсутствие упоминания о собственно региональном уровне идентичности: говоря о понятии патриотизма, опрошенные первоначально связывают его либо со страной, либо с малой родиной.

Тем не менее при ответе на прямой вопрос «Как для вас связан патриотизм человека и его отношение к своему региону?» большинство респондентов эту связь отмечают: «...Для меня это понятия, которые рядом идут, вместе» (жен., 21 г.); «Для меня патриотизм связан с Пензенской областью» (муж., 18 л.); «...Отношение к своему региону неотделимо от понятия патриотизма» (муж., 19 л.); «...Любовь к малому формирует любовь и к чему-то большому. Любовь к своему региону становится и любовью к стране в целом» (жен., 23 г.). Говоря о регионе, респонденты нередко вновь переходят на темы, связанные с конкретным населенным пунктом.

Подавляющее большинство респондентов заявляют о любви к своему региону. Эта группа может быть названа «региональными патриотами». В то же время ряд опрошенных не чувствуют такой привязанности. Эту группу можно условно назвать «индифферентными». Это характерно

приблизительно для четверти опрошенных юношей и девушек из Саратова (среди пензенских респондентов таких оказалось лишь двое). В ответах ряда респондентов прослеживается критическое отношение к региону и областному центру: «Меня нельзя назвать патриотом своего региона, так как я здравомыслящий человек» (жен., 20 л.); «Я не считаю себя патриотом своего города, так как имею совершенно нейтральное отношение. Не считаю его самым лучшим в России» (жен., 20 л.).

Некоторые респонденты напрямую связывают региональный патриотизм с конкретной социальной активностью. Особенно это характерно для девушек: «...Я участвую в выборах и различных мероприятиях, к примеру субботниках и сборе пластиковых крышек для детей-сирот. Также у себя в родном поселке я занималась волонтерством и облагораживанием различных территорий» (жен., 22 г.); «...отстаиваю честь региона, когда кто-то некультурно о нем выражается» (жен., 20 л.).

Региональная идентичность у респондентов проявляется и в отношении «региональных патриотов» к миграционным перспективам: «...я не рассматриваю свой переезд в ближайшие лет 5 точно... в какой-то соседний регион (муж., 19 л.); «...свой субъект я люблю и планирую здесь дальше жить...» (жен., 21 г.).

Респондентам был задан и прямой вопрос «Если бы вам предложили переехать в другой регион, предложив хорошую работу, какое решение Вы бы приняли? Колебались бы Вы, принимая решение? С чем были бы связаны Ваши колебания (или их отсутствие)?». Отвечая на него, большинство проявили некоторые колебания: «Честно – я бы подумал» (муж., 21 г.); «Конечно, у меня стоят какие-то такие мечты в плане региона побольше, я сейчас говорю о Москве, понятно, что это столица России и все туда хотят, но к вопросу насчет колебаний, то у меня уже это присутствует» (жен., 21 г.); «Я бы сначала подумала, потому что из родного города в какой-то другой переезжать... это все-таки нужно подумать...» (жен., 17 л.).

Вместе с тем чуть меньше четверти респондентов заявили о том, что примут решение о переезде в другой регион без колебаний. Прежде всего это именно те опрошенные, которых можно отнести к «индифферентным». Чаще всего выбор здесь обосновывается экономическими мотивами: «Переехал бы без колебаний. Хорошая работа – это основа благополучия, а в Саратове – низкие зарплаты, заводы не работают, цены растут, не жизнь – а выживание» (муж., 23 г.); «Я бы приняла предложение, так как свой материальный достаток мне важен» (жен., 20 л.); «Просто это жизнь, и надо искать там, где лучше... для жизни» (жен., 20 л.).

Среди тех факторов, которые препятствуют переезду в другой регион, респонденты обычно отмечают неизбежное расставание с семьей, с друзьями, адаптацию к новому месту жительства, возможную ностальгию по дому, необходимость ухаживать за родственниками. При этом некоторая часть

опрошенных апеллирует к обычной привязанности по отношению к малой родине и, что немаловажно, к эстетике: «Пенза как город для жизни очень такой родной, подходящий вариант» (жен., 21 г.); «...Я очень прикипела душой к своей области, к этим необъятным полям и небу, которое мне нужно периодически видеть и осознавать, что я дома. Только таким образом я могу отдохнуть от всего» (жен., 23 г.); «...Меня не отпускает природа степи...» (жен., 20 л.). Здесь мы сталкиваемся с тем, что естественность восприятия региона как «своего», не связанная с прагматикой и вообще с какими-то внешними мотивами, во-первых, проявляется в экономических установках, а во-вторых, обосновывается эстетическими факторами.

Идентификационные установки, связанные с эстетикой, с художественно-образными элементами культуры, наиболее ярко проявились при ответе на вопросы «Что бы вы рассказали, прежде всего, о своем регионе знакомому, который никогда не был в нашей области?», «Можно ли назвать нашу область красивой?», «Что может служить символом вашего региона?». Отвечая на данные вопросы, опрошенные в основном выделяют именно архитектурные достопримечательности и скульптурные композиции: наиболее часто упоминаются памятник первопоселенцу, Пензенский драматический театр им. Луначарского, памятник Победы, Пензенский краеведческий музей (г. Пенза), арт-пространство на Чистых Прудах, музей-заповедник «Тарханы» (Пензенская область), памятник «Журавли», Саратовский мост, памятник Чернышевскому, памятник первой учительнице, здание Саратовской консерватории, памятник Кириллу и Мефодию, комплекс зданий Саратовского университета (г. Саратов). В интервью упоминаются также природно-ландшафтные объекты: «...У нас очень красивая природа, много лесов, озер, которые находятся на территории области» (жен., 20 л.); «...Можно назвать красивой Волгу, острова, берега, все правобережье с холмами и лесами. Левобережье – это сплошная степь – на любителя» (муж., 20 л.); «Нашу область можно назвать красивой потому, что у нас есть река Волга и связанные с ней пейзажи островов и берегов. Лес на Кумысной поляне в городе Саратове, меловые горы и леса в городе Хвалынске, степной национальный парк, где расположен заповедник дрофы» (жен., 20 л.).

Многие респонденты демонстрируют особое личное отношение к ряду объектов: «...В области нравится обилие старых усадеб, но печалит их состояние» (муж., 22 г.); «...Самый мой любимый памятник – это Афганские ворота, тесно связан с моей семьей, потому что у меня дедушка воевал в Афганистане» (муж., 19 л.); «...Всем нравится улица Московская, но мне она не нравится из-за суеты. А вот на Лермонтова... можно сказать, приехал, как к себе домой, все друг другу улыбаются, нет такого, что кто-то идет хмурый» (муж., 19 л.); «...Мне нравится, по душе именно старый Саратов... Есть особая эстетика у этой части города. Там приятно находиться, как в книге... Там спокойнее, умиротвореннее. Там архитектура, все настраивает, чтобы

там ходить, гулять и думать о вечном» (жен., 20 л.). Показательно, что среди тех респондентов, кто относится к группе «индифферентных», настроенных по отношению к региону критически, многие также высказывают «эстетические» аргументы, обосновывающие этот скептицизм: «...Есть и много заброшенных улиц, где даже ходить страшно» (жен., 20 л.); «...Мне очень нравятся железнодорожные пути, которые простираются на протяжении города. Виды распутия этих дорог очень воодушевляют. Можно уехать» (жен., 20 л.); «...В целом, нашу область можно назвать красивой из-за наличия красивой реки и природы, но сам Саратов – это урбанистический кошмар» (муж., 20 л.).

Исходя из этого, образно-эстетические элементы социального пространства региона в немалой степени связаны с идентификационными установками респондентов по отношению к родному региону и городу. В то же время интервью показало, что перечень этих факторов достаточно скромнен. Прежде всего, это проявилось при ответе на вопрос о деятелях художественной культуры, связанных с регионом. Большинство опрошенных вспомнили не более трех-четырех известных имен (Лермонтов, Белинский, Мейерхольд, Савицкий, Денис Давыдов, Чернышевский, Булгаков, Табаков, Петров-Водкин, Вавилов, Яблочков, Алексей Толстой). Относительно часто упоминаются деятели современной поп-индустрии – Павел Воля, Егор Крид, Тимур Родригез, Валерия, Алена Апина. В целом же менее трети респондентов назвали более трех имен деятелей культуры – земляков.

Особенно бедно данный список представлен в ответах пензенских респондентов, вопреки тому, что Пензенская область традиционно ассоциируется с защитой и популяризацией культурного наследия.

Обсуждение и заключение. В целом можно говорить о подтверждении основных гипотез исследования. В ходе его проведения выяснилось, что «местные» составляющие социальной идентичности молодежи во многом детерминируются эстетическими аспектами функционирования социального пространства региона. В этой связи особое влияние имеют природно-ландшафтные характеристики региона (поселения), а также архитектурные памятники и объекты городской скульптуры.

Наиболее «проблемный» аспект формирования социальной идентичности провинциальной молодежи связан с региональной идентичностью в узком смысле: данная составляющая коллективной идентичности в сознании значительной части молодежи редуцируется к «поселенческому патриотизму», объектом которого становится региональный центр, сосредоточивший большую часть социокультурных символов региона – носителей эстетической информации. Похожие данные о соотношении региональной и поселенческой идентичности были получены в ряде других исследований [26, с. 64].

В целом потенциал эстетической информации задействован в процессе конструирования социальной идентичности не полностью. Историко-культурное наследие региона освоено молодежью фрагментарно; в частности,

многие выдающиеся деятели художественной культуры региона незнакомы молодым людям и, соответственно, не могут выступать в качестве символов позитивной региональной идентичности. В сознании молодежи обнаруживается смещение представлений о деятелях художественной культуры и современного шоу-бизнеса.

Установки студенчества в данном случае, по нашему мнению, достаточно информативны в силу двух обстоятельств. Во-первых, в настоящее время более двух третей выпускников школ поступают в вузы¹⁰; соответственно, социокультурные ориентации студенчества весьма показательны для определения ориентаций молодежи в целом. Во-вторых, в период получения высшего образования во многом определяются личностные планы значительной части молодежи [27], в том числе связанные с перспективой трудовой деятельности, с возможной миграцией в другой регион, что непосредственно влияет на социально-экономические перспективы самого региона. Формирование социальной идентичности на региональном уровне влияет не только на стабильность регионального социума, но и непосредственно на его социально-экономическое развитие. В ходе интервью нами зафиксирована взаимосвязь между «местным» (региональным и поселенческим) патриотизмом и социальными установками, ориентированными на отказ от экономической миграции и на непосредственную социальную активность по улучшению жизни своего региона, а также его внешнего имиджа.

Заметим, что сильное влияние культурного фактора на позитивное восприятие своего региона демонстрируют и исследования ученых других регионов, в частности Свердловской области [28, с. 141].

Как известно, итоги применения опросных методов в социальных исследованиях лишь с большой осторожностью можно интерпретировать в терминах причинно-следственных связей; при исследовании больших сообществ затруднено и использование экспериментальных методов. С этой точки зрения окончательный вывод о степени влияния эстетической информации на социальную идентичность молодежи можно будет сделать лишь при дальнейшем исследовании малых групп при помощи глубинных психологических методик. В то же время явное наличие системных связей между данными социальными явлениями, проявившееся в ходе проведения интервью, говорит о перспективности анализа эстетической информации при исследовании различных социокультурных процессов.

Эстетические составляющие социального пространства играют существенную роль в ходе целенаправленного формирования образа региона, отличающего его от иных регионов (на особое значение данного процесса обращает внимание современный финский исследователь А. Пааси [29; 30]).

¹⁰ Минобрнауки: Почти 70 % выпускников российских школ стали студентами вузов в 2020 году [Электронный ресурс] // Рамблер : сайт. URL: https://news.rambler.ru/education/46021783/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.09.2021).

Значимость технологических и этических преимуществ эстетически насыщенных символов-образов в ходе формирования социальной идентичности молодежи перед обычными символами-знаками связана не только с их способностью трансформировать (а не просто активировать) ценностное сознание личности, но и с тем, что данная трансформация осуществляется вне рамок манипулятивного подхода – в форме спонтанного выбора личности¹¹. В свою очередь, признание этого факта предполагает переход от детерминированных моделей взаимодействия в системе «социальная среда – формирующаяся личность» к стохастическим, учитывающим уникальность жизненного пути социализирующегося индивида.

В теоретическом аспекте проведенный анализ потенциала эстетических компонентов социального пространства в процессе формирования различных уровней социальной идентичности молодежи показывает необходимость модификации традиционных теоретических моделей конструирования этого пространства. Представляется, что одной из важных предпосылок реальной эффективности социально-конструктивистских технологий социализации молодежи являются уникальные, интимно-личностные взаимодействия конкретного индивида с единичными социокультурными феноменами, символизирующими коллективную идентичность. Речь в данном случае идет о символах-образах, спецификой которых является именно то, что они воплощают социальные ценности в конкретно-чувственной форме.

В прикладном плане итоги исследования могут быть востребованы в сфере социальной педагогики: они демонстрируют необходимость более внимательного отношения к эстетическим составляющим процесса социализации молодежи и формирования всех уровней ее социальной идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьев В. П., Терехина Т. В. Коллективная идентичность в системе организационной культуры: социологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С. 18–25. URL: [https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz.pnzgu.ru/on_2008_4.pdf](https://izvuz.on.pnzgu.ru/files/izvuz.pnzgu.ru/on_2008_4.pdf) (дата обращения: 12.10.2021).
2. Воробьев В. П., Еремина Е. В., Голубовская О. Л. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // Власть. 2014. № 11. С. 122–127. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1664> (дата обращения: 12.10.2021).
3. Oldmeadow J., Fiske S. Social Status and the Pursuit of Positive Social Identity: Systematic Domains of Intergroup Differentiation and Discrimination for High- and Low-Status Groups // Group Processes & Intergroup Relations. 2010. Vol. 13, issue 4. Pp. 425–444. doi: <https://doi.org/10.1177/1368430209355650>

¹¹ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 306–308.

4. Age, Social Identity and Identification, and Work Outcomes: A Conceptual Model, Literature Review, and Future Research Directions / H. Zacher [et al.] // *Work, Aging and Retirement*. 2018. Vol. 5, issue 1. Pp. 24–43. doi: <https://doi.org/10.1093/workar/way005>
5. Davis K. Tensions of Identity in a Networked Era: Young People's Perspectives on the Risks and Rewards of Online Self-Expression // *New Media & Society*. 2012. Vol. 14, issue 4. Pp. 634–651. doi: <https://doi.org/10.1177/1461444811422430>
6. Nam V. H. Youth Identity in the Digital Age // *Asia Journal of Theology*. 2021. Vol. 35, issue 1. Pp. 58–82. doi: <https://doi.org/10.54424/ajt.v35i1.4>
7. Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity” // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29, issue 1. Pp. 1–47. doi: <https://doi.org/10.1023/A:1007068714468>
8. Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 3. С. 40–59. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/4.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).
9. Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания // *Медицинская психология в России*. 2018. Т. 10, № 1 (48). С. 1–13. doi: <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11050>
10. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and Practice of the Region: A Contextual Analysis of the Transformation of Finnish Regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. No. 71–72. Pp. 163–178. URL: <https://www.researchgate.net/publication/285860427> (дата обращения: 12.10.2021).
11. Antonsich M., Holland E. Territorial Attachment in the Era of Globalization: The Case of Western Europe // *European Urban and Regional Studies*. 2014. Vol. 21, issue 2. Pp. 206–221. doi: <https://doi.org/10.1177/0969776412445830>
12. Me, Myself, and Mobility: The Relevance of Region for Young Adults' Identity Development / E. Schubach [et al.] // *European Journal of Personality*. 2016. Vol. 30, issue 2. Pp. 189–200. doi: <https://doi.org/10.1002/per.2048>
13. Söderbaum F. Introduction: Theories of New Regionalism // *Theories of New Regionalism* / ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. Pp. 1–23. doi: https://doi.org/10.1057/9781403938794_1
14. Semian M., Chromy P. Regional Identity as a Driver or a Barrier in the Process of Regional Development: A Comparison of Selected European Experience // *Norwegian Journal of Geography*. 2014. Vol. 68, issue 5. Pp. 263–270. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2014.961540>
15. Региональная идентичность в фокусе социологического анализа / Э. А. Зелетдинова [и др.] // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 1. С. 14–22. doi: <https://doi.org/10.24158/tpor.2020.1.1>
16. Еремина Е. В. Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации // *Регионология*. 2012. № 2. С. 149–155. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2012_2.pdf (дата обращения: 12.10.2021).
17. Мурзин А. Э. Потенциал региональной идентичности в межнациональных отношениях // *Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования*. 2016. № 1. С. 59–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300454> (дата обращения: 12.10.2021).
18. Ширманов Е. В. Региональная идентичность как фактор политического процесса // *Регионология*. 2015. № 3 (92). С. 14–21. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2015_3.pdf (дата обращения: 12.10.2021).

19. Назукина М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78–92. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>

20. The Role of Education in Shaping Youth's National Identity / F. Idrisa [et al.] // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 59. Pp. 443–450. doi: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.299>

21. Roguska A. Global and Local Media in School Education and in Regional Culture Reinforcement // Journal of Modern Science. 2016. No. 1 (28). Pp. 65–88 URL: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-b55b92bc-1ddb-4f34-99c7-3d54b501d87f> (дата обращения: 12.10.2021).

22. Краснопольская И. И., Солодова Г. С. Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 26–34. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_12/Krasnopol'skaya_Solodova.pdf (дата обращения: 12.10.2021).

23. Borges L. Using the Past to Construct Territorial Identities in Regional Planning: The Case of Mälardalen, Sweden // International Journal of Urban and Regional Research. 2017. Vol. 41, issue 4. Pp. 659–675. doi: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12481>

24. Эшфорт Б., Майл Ф. Теория социальной идентичности в контексте организации // Организационная психология. 2012. Т. 2, № 1. С. 4–27. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2012-2-1/50605114.html> (дата обращения: 12.10.2021).

25. Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология 4М. 2014. № 38. С. 38–71. URL: <https://www.jour.fniisc.ru/index.php/soc4m/article/view/3770/3532> (дата обращения: 12.10.2021).

26. Прилуцкий А. М. Современная российская идентичность как социокультурная реальность // Ценности и смыслы. 2018. № 4 (56). С. 22–33. doi: <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2018-10009>

27. Белянская Т. Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3725/ (дата обращения: 12.10.2021).

28. Чевтаева Н. Г., Ручкин А. В., Сегеева Т. А. Анализ восприятия имиджа региона в общественном сознании (на примере Свердловской области) // Вопросы управления. 2017. № 2. С. 138–143. URL: <https://editorial.journal-management.com/file/1F4DA199-0506-49BF-A7C0-1EADE0711951> (дата обращения: 12.10.2021).

29. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Questions // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27, issue 4. Pp. 475–485. doi: <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>

30. Paasi A. Regional Planning and the Mobilization of 'Regional Identity': From Bounded Spaces to Relational Complexity // Regional Studies, Taylor & Francis Journals. 2013. Vol. 47, issue 8. Pp. 1206–1219. doi: <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.661410>

Поступила 20.12.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

Об авторах:

Воробьев Владимир Павлович, профессор кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>, stlem2007@yandex.ru

Ивченков Сергей Григорьевич, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>, ivchenkovsg@mail.ru

Еремина Екатерина Витальевна, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0631-8397>, hope77@yandex.ru

Ретинская Вера Николаевна, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0425-4046>, bvnp@mail.ru

Мурзина Ирина Александровна, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7791-4378>, mirgmu@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В. П. Воробьев – разработка проблемы и общей методологии исследования; интерпретация эмпирического материала; теоретические выводы.

С. Г. Ивченков – организация и проведение эмпирического исследования в г. Саратове; первичный анализ эмпирической информации; критический анализ и доработка текста.

Е. В. Еремина – литературный обзор по проблеме региональной идентичности; критический анализ и доработка текста.

В. Н. Ретинская – разработка анкеты и гайда интервью; количественный анализ итогов анкетирования.

И. А. Мурзина – литературный обзор по общим проблемам социальной идентичности; организация и проведение эмпирического исследования в г. Пензе.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vorobev V.P., Terekhina T.V. Group Identity in the System of Corporate Culture: Sociological Aspect. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2008;(4):18–25. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz.pnzgu.ru/on_2008_4.pdf (accessed 12.10.2021). (In Russ.)

2. Vorobev V.P., Eremina E.V., Golubovskaya O.L. The Role of Regional Brands in Formation of Regional Identity and Image of Territory. *Vlast' (The Authority)*. 2014;(11):122–127. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1664> (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Oldmeadow J., Fiske S. Social Status and the Pursuit of Positive Social Identity: Systematic Domains of Intergroup Differentiation and Discrimination for High- and Low-Status

Groups. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2010;13(4):425–444. doi: <https://doi.org/10.1177/1368430209355650>

4. Zacher H., Esser L., Bohlmann C., Rudolph C. Age, Social Identity and Identification, and Work Outcomes: A Conceptual Model, Literature Review, and Future Research Directions. *Work, Aging and Retirement*. 2018;5(1):24–43. doi: <https://doi.org/10.1093/workar/way005>

5. Davis K. Tensions of Identity in a Networked Era: Young People's Perspectives on the Risks and Rewards of Online Self-Expression. *New Media & Society*. 2012;14(4):634–651. doi: <https://doi.org/10.1177/1461444811422430>

6. Nam V.H. Youth Identity in the Digital Age. *Asia Journal of Theology*. 2021;35(1):58–82. doi: <https://doi.org/10.54424/ajt.v35i1.4>

7. Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity”. *Theory and Society*. 2000;29(1):1–47. doi: <https://doi.org/10.1023/A:1007068714468>

8. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identity in the System of Coordinates of the World Development. *Polis. Political Studies*. 2010;(3):40–59. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/4.pdf> (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Solovieva S.L. Identity as a Resource of Survival. *Medicinskāā psihologiā v Rossii*. 2018;10(1):1–13. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11050>

10. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and Practice of the Region: A Contextual Analysis of the Transformation of Finnish Regions. *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011;(71-72):163–178. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/285860427> (accessed 12.10.2021).

11. Antonsich M., Holland E. Territorial Attachment in the Era of Globalization: The Case of Western Europe. *European Urban and Regional Studies*. 2014;21(2):206–221. doi: <https://doi.org/10.1177/0969776412445830>

12. Schubach E., Zimmermann J., Noack P., Neyer F.J. Me, Myself, and Mobility: The Relevance of Region for Young Adults' Identity Development. *European Journal of Personality*. 2016;30(2):189–200. doi: <https://doi.org/10.1002/per.2048>

13. Söderbaum F. Introduction: Theories of New Regionalism. In: Söderbaum F., Shaw T., eds. *Theories of New Regionalism*. London: Palgrave Macmillan; 2003. p. 1–23. doi: https://doi.org/10.1057/9781403938794_1

14. Semian M., Chromy P. Regional Identity as a Driver or a Barrier in the Process of Regional Development: A Comparison of Selected European Experience. *Norwegian Journal of Geography*. 2014;68(5):263–270. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2014.961540>

15. Zeletdinova E.A., Dyakova V.V., Rudenko M.N., Gainutdinova E.V. Regional Identity in the Focus of Sociological Analysis. *Theory and Practice of Social Development*. 2020;(1):14–22. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.1.1>

16. Eremina E.V. Social Identity: Problems of Regional Identification. *Regionologiya. Regionology*. 2012;(2):149–155. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2012_2.pdf (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Murzin A.E. The Potential of Regional Identity in International Relations. *Chelovek v mire kul'tury*. 2016;(1):59–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300454> (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.).

18. Shirmanov E.V. Regional Identity as the Factor of Political Process. *Regionologiya. Regionology*. 2015;(3):14–21. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2015_3.pdf (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Nazukina M.V. The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis. *Polis. Political Studies*. 2020;(3):78–92. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
20. Idrisa F., Hassana Z., Ya'acoba A., Gillb S. K., Awalc N. A. M. The Role of Education in Shaping Youth's National Identity. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012;59:443–450. doi: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.299>
21. Roguska A. Global and Local Media in School Education and in Regional Culture Reinforcement. *Journal of Modern Science*. 2016;(1):65–88. Available at: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-b55b92bc-1ddb-4f34-99c7-3d54b501d87f> (accessed 12.10.2021).
22. Krasnopol'skaya I.I., Solodova G.S. Social Construction of Ethnicity. *Sociological Studies*. 2013;(12):26–34. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_12/Krasnopol'skaya_Solodova.pdf (accessed 12.10.2021). (In Russ.)
23. Borges L. Using the Past to Construct Territorial Identities in Regional Planning: The Case of Mälardalen, Sweden. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2017;41(4):659–675. doi: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12481>
24. Ashforth B.E., Mael F. Social Identity Theory and the Organization. *Organizational Psychology*. 2012;2(1):4–27. Available at: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2012-2-1/50605114.html> (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Steinberg I.E. A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model”. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 2014;(38):38–71. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/3770/3532> (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Prilutsky A.M. Modern Russian Identity as a Socio-Cultural Reality. *Values and Meanings*. 2018;(4):22–33. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2018-10009>
27. Belyanskaya T.E. Socio-Psychological Characteristics of Students. *Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University*. 2020;(3). Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3725/ (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
28. Chevtayeva N. G., Ruchkin A. V., Sergeeva T.A. Analysis of the Perception of Image of the Region in Public Consciousness (On the Example of Sverdlovsk Region). *Management Issues*. 2017;(2):138–143. Available at: <https://editorial.journal-management.com/file/1F4DA199-0506-49BF-A7C0-1EAD0711951> (accessed 12.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
29. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Questions. *Progress in Human Geography*. 2003;27(4):475–485. doi: <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>
30. Paasi A. Regional Planning and the Mobilization of ‘Regional Identity’: From Bounded Spaces to Relational Complexity. *Regional Studies, Taylor & Francis Journals*. 2013;47(8):1206–1219. doi: <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.661410>

Submitted 20.12.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.

About the authors:

Vladimir P. Vorobev, Professor, Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>, stlem2007@yandex.ru

Sergey G. Ivchenkov, Professor, Department of Sociology of Youth, Dean of the Faculty of Sociology, Saratov State University (83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>, ivchenkovsg@mail.ru

Ekaterina V. Eremina, Associate Professor, Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0631-8397>, hope77@yandex.ru

Vera N. Retinskaya, Associate Professor, Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0425-4046>, bvnp@mail.ru

Irina A. Murzina, Associate Professor, Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7791-4378>, mirgmu@mail.ru

Contribution of the authors:

V. P. Vorobev – development of the problem and general research methodology; interpretation of empirical material; theoretical conclusions.

S. G. Ivchenkov – organization and conduct of empirical research in Saratov; primary analysis of empirical information; critical analysis and revision of the text.

E. V. Eremina – literary review on the problem of regional identity; critical analysis and revision of the text.

V. N. Retinskaya – development of a questionnaire and interview guide; quantitative analysis of the results of the survey.

I. A. Murzina – literature review on general problems of social identity; organization and conduct of empirical research in Penza.

All authors have read and approved the final version of manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также выкладываются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10х15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. П. Гординой.*

Перевод *А. А. Сомкина.*

Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 15.06.2022. Дата выхода в свет 30.06.2022. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 250 экз. Заказ № 646. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

Е-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova.*

Desktop publishing by *E. P. Gordina.*

Translation by *A. A. Somkin.*

Sub-editor *E. P. Gordina.*

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov.*

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 15.06.2022. Date of publishing 30.06.2022. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 14.41. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 646. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Е-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.